звезда соц сети

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

БУДНИ АНЕСТЕЗИОЛОГА

18+

ТОП-БЛОГ LIVEJOURNAL

FUNUS FESTUS

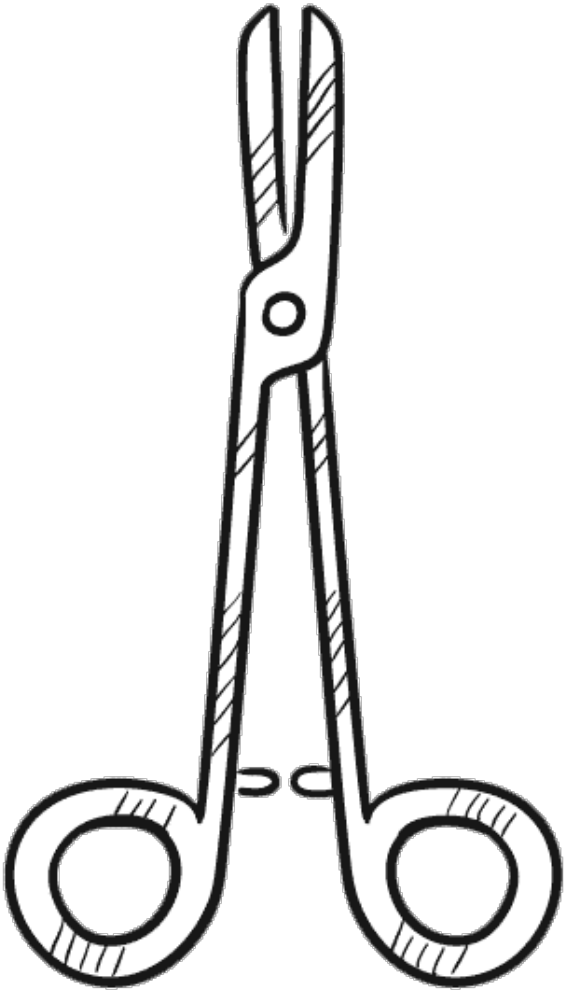
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Будни анестезиолога» — это сборник коротких рассказов из практики врачей неотложной медицины. Истории фантастически-абсурдные, уморительные до колик в животе, честные до головной боли и просто искренние и трогательные. Здесь собраны истории о тех, кто работая в нездоровом графике спасает чужие здоровье и жизнь. Есть ли жизнь после анестезии, любовь после операции, смех после шунтирования, радость после колоноскопии, слезы после сотрясения? Да чего только нет в нашей жизни и в жизни врачей — героев, у которых вместо медалей бирки с именем на халате. Книга содержит нецензурную брань.

- Александр Иванов
  - Вместо предисловия
  - Часть 1
    - Первый медицинский институт
    - Сварщик
    - Кислород
    - История дырки
    - Неукротимость белого человека. Гений
    - Мокрота на ВК
    - Боря
    - Порхов
    - Ящик
    - Coitus letalis
    - Память
  - Часть 2. «Скорая помощь»
    -
    - Дубровский
    - Потеря
    - Подводный Болт
    - Горе от ума
    - Булимия
    - Львов
    - Выговор
    - Кома
    - Роковые яйца
    - Трудный путь
    - Роллинг стоунз
    - Бейджик
    - Кашпировский

        - Асоциальная сеть
        - «Аида»
    - Часть 3
        - Православный нудист
        - Верочка
        - Доктор Беленький
        - Госпитальная зависимость
        - Маугли
        - Русский нуар
        - Царь-камень
        - Святые мученики
        - Литературный дар
        - Хирургия
        - Перечитываем Стивенсона
        - Наша гомеопатия
        - Невроз навязчивых состояний
        - Профессия — следователь
        - Старый знакомый
        - Мамин кишечник
        - Трудный наркоз
        - Мужская сила
        - Принц Персии
        - «Мадонна пилигримов»
        - Благословение
        - День святого Валентина
        - День матери
        - Лаборатория
        - Особенности национального сельского хозяйства
        - Диссертация
        - Гороскоп
        - Цыгане
        - Административная мысль
        - Наше амбулаторное звено
        - Утренний обход
- notes
    - 1



Александр Иванов
Будни анестезиолога

Вместо предисловия

Всем известно, что вылизывает себе кот, когда ему нечем заняться. Природа не подарила нашему позвоночнику такой гибкости и лишила человечества возможности заниматься этим простым и приятным делом. Поэтому, когда у человека появилось время, свободное от добывания и переваривания пищи, он стал придумывать, чем скрасить свой досуг. В этих поисках ему пришлось развивать интеллект и, как следствие этого, заняться творчеством, искусством, наукой, в частности научиться писать и читать. В этом я вижу основную причину прогресса человечества, хотя большинство из наших занятий по своей пользе и смыслу не многим превосходит то дело, которым занимается такое животное, как кот. Для тех, у кого такое свободное время есть, одно из таких занятий могу предложить. А именно — книжку, сборник коротких рассказов из практики врачей неотложной медицины. Все истории, даже если покажутся вам фантастическими, имели место в действительности. Описанные персонажи реальны, совпадение имен и географических координат случайно.

Часть 1

Первый медицинский институт

Случилось то, о чем мечтал со школьных лет. И не скажу, что рад этому событию. Наконец-то закончил свое тесное общение с пенсионным фондом и, как бы сказали в ветхозаветные времена, выхлопотал себе пенсию. Однажды, сидя на дежурстве, подсчитал, что набралось у меня трудового стажа 30 лет. Стаж идет у нас год за полтора в связи с вредными условиями труда, а если учесть, что к каждому году еще прибавляется три месяца за работу на селе, то давно уже больше. Видимо, на селе вредность выше. И долго бы еще не вспомнил, что пора оформлять пенсию, но времена настают смутные, нашу сельскую богадельню могут вообще закрыть в связи с идущей по стране оптимизацией здравоохранения или могут просто сократить. Пусть пенсия смешная, чуть больше, чем стоят мои два дежурства, но к ней есть бонусы, например бесплатный вход в Эрмитаж, а по выходным можно бесплатно зайти в ЦПКО. С утра билеты в баню по смешной цене, пусть я в баню и не хожу. Налоги можно не платить за квартиру, за дачный участок. Да и за машину тоже, правда, если только ее мощность меньше 160 л.с. У меня меньше. Жаль, а я думал с пенсии «Ягуар» купить. Скидка на проезд, хотя муниципальным транспортом я все равно не пользуюсь и в электричках не езжу. Но главное в статусе пенсионера — это возможность послать начальство в задницу, если заговорят о сокращении, пусть увольняют, непрерывный трудовой стаж тебе больше не нужен. Какой-никакой, а постоянный доход у тебя будет, и костлявая рука голодной смерти не так страшна, месяца два-три от дистрофии ты не умрешь.

Печально, что в в пенсионном удостоверении не напишут о том, что пенсия льготная, начислена за стаж работы или по за выслуге лет, так нет, пишут: «по старости». Хотя понятно, в России есть всего три повода получить пенсию: по старости, по инвалидности и в связи с потерей кормильца. Инвалидности, слава богу нет, кормильцев не терял (если только считать кормильцами наших больных, но они не в счет), остается один вариант — старость. Обидно, какая тут старость, если еще спокойно можешь после выпитого литра водки сделать все, что обычному человеку хочется после этого сделать, ну например, заехать кому-нибудь в морду. Только вот почему-то все реже хочется делать и то и другое, как говорится, в 50 с небольшим ты не способен на то, что в 20 с большим. Наверное, это и есть старость? Или ее незаметное начало. Это только в рекламе

какого-то пенсионного фонда спрашивали: «А каким пенсионером хотел бы ты стать?» И дальше шла куча идиотских неологизмов: ты можешь стать танционером, спортционером. И показывали старичков, танцующих с бабушками и играющих в баскетбол. Чушь, каким бы ты ни хотел стать пенсионером, судьба у тебя одна — станешь ты старым пердуанером.

Коллеги на работе отнеслись к моим намерениям в отношении пенсии по-разному. Успевшие оформить, тем, кому хватало стажа, торопили: «Давай-давай, пенсионный возраст вот-вот поднимут, а всякие досрочные пенсии отнимут наверняка». Завидовали те, кому стажа не хватало. Один знакомый коллега-грузин возмущался: «Да на какую пенсию ты собрался? Тебе еще пахать и пахать! Вон бабушка моя, еще жива, она до девяноста лет анестезиологом работала, на все сложные случаи ее до самого конца из дома вызывали. С детства помню ее вопрос по телефону, когда звонили с работы: “Сколько?” Я все время думал, что она спрашивает про возраст пациента или там про его вес. Не, она спрашивала, сколько ей заплатят. А потом кричала, что я за эти деньги свою жопу со стула не подниму. Всю жизнь брала деньги с больных, со всех. Только один раз в жизни не взяла денег — со своего мужа. То есть с моего дедушки. Он потом сразу после операции умер. Взяла бы — все было бы нормально».

Но главное, сам почему-то боялся: вот соберу все документы, соберу все выписки и справки, а дело это хлопотное, приду в пенсионный фонд, начну говорить, что вот, по закону мне пенсия положена, стаж уже достаточный, а меня спросят: «Хочешь получать пенсию? А что ты, лично ты, полезного сделал для пенсионного фонда? Чем ты занимаешься, какая от тебя для него польза?» И что я отвечу? Отвечу, что бабушек лечу, ровесниц Октября. А мне ответят: «Так от тебя фонду только одни убытки, нет уж, иди, работай, пусть этим бабушкам с твоих пенсионных отчислений пенсию и платят, а ты подумай над вопросом, как пенсионному фонду денег сэкономить. Придумаешь — приходи». Придумывать тут нечего, как на одном полузакрытом совещании в комитете по здравоохранению выразился один наш известный государственный деятель, сказав, что у гражданина России должна быть одна обязанность, — умереть сразу после выхода на пенсию. Лучше не скажешь. Жаль, фраза не попала в официальный отчет для прессы, разошлась только в записи благодаря тем, кто догадался на совещании включить диктофон, чтобы дома прослушать речь еще раз и не пропустить ни капли государственной мудрости, вытекающей с трибуны.

Но решился, пошел в отдел кадров за справками. В кадрах отнеслись с пониманием, даже выдали под расписку и под

честное слово трудовую книжку. Давно не держал ее в руках, лет двадцать. Сижу, изучаю. Первая страница — образование: среднее, указана профессия: не имеет. И наверное, думаю, это правильно, какое у меня образование? Дай бог среднее. Школа и ликбез под названием «Первый медицинский институт». А профессия? На второй странице запись, что принят на работу бетонщиком второго разряда. Вот надо было на ней и остановиться. Так нет, далее идут разные специальности: просто грузчик, грузчик-экспедитор, сторож. Ближе к концу, перед вкладышем, мелькает что-то связанное с медициной: фельдшер, «палатная медсестра». Почему-то написано вместо «палатная» — «платная». Снова грузчик, работал, учась в институте — грузчикам в советские времена больше платили. Высшее достижение в одной из строительных специальностей: каменщик третьего разряда. И резкий рывок из грузчиков во врачи, без всякого перерыва на учебу. Хотя нет, после должности грузчика транспортного отдела есть запись: принят в институт и отчислен в связи с окончанием. И ничего, работаем, претворяем в жизнь ленинский лозунг, что у нас каждая кухарка может практически все. И всего две записи о месте работы в качестве врача. Врач «Скорой помощи» и врач анестезиолог-реаниматолог отделения реанимации. Не густо. Даже когда окончательно выйду на пенсию, не о чем будет и написать в мемуарах.

Попробуем вспомнить, с чего все началось.

Сварщик

День, когда сдал последний вступительный экзамен в институт. Списки зачисленных должны были вывесить через неделю, но набранных 22 балла должно хватить, четыре экзамена плюс средний балл аттестата. Помню, вечером оказался я на платформе 67-й километр с двумя ведрами грибов. Присел на лавочку, жду электричку. Прицепился какой-то алкаш, стрельнул беломорину, начал разговор за жизнь:

— Ты молодой, ты иди сварщиком. Приходи ко мне в цех — научу. Всегда будешь с работой, всегда будешь при деньгах и при бабах.

— Да я вот только что в институт поступил, — и добавил с гордостью, — в медицинский.

— Ну ты и мудак, — ответил мужик, — пожалеешь.

Ну знал я, что классный сварщик заработать мог по тем временам неплохо, но при чем тут бабы? В общем, не прислушался я к совету, не задумался, пропустил. И наверное зря. Сегодня с утра стою один на балконе, курю. Внизу во дворе наш дебилковатый водопроводчик из ТСЖ занялся ремонтом палисадника. Притащил сварочный аппарат, готовится. Сварщик из него такой же, как и я, хотя мне кроме прутьев арматуры ничего сваривать не приходилось. А тут работа тонкая — ограда. Эстетика. Одна секция вылетела накануне, когда на нее пытался присесть один сосед, перед этим долго спавший в траве на газоне. Но председатель приказал, а для нашего сантехника, отставного майора, приказ — святое. Люблю смотреть, когда люди осваивают новое для себя дело, всегда ждешь интересного. Задержался. Водопроводчик натянул брезентовую куртку, завязывает на голове тесемки шлема, примеряет ремни маски. Молодец, техника безопасности, но чувствуется, что оттягивает момент начала работы. Мимо идут две соседки, молодые мамаши с колясками. Гуляют с детишками, попутно посасывая пивко.

— Ой, а что вы собираетесь делать?

— Не видите? Забор чинить!

— А мы подумали, вы к ролевой игре готовитесь, хотели предложить поучаствовать.

— Не мешайте, лучше отойдите, опасно!

Девчонки обиженные отходят в сторону. Вступаю в беседу:

— Девчонки, а хотите, сыграйте со мной, я азартный.

— А у вас что, тоже сварочный аппарат есть?

— Нет. Сварочного аппарата нет, есть бензопила. Есть болгарка. Если скучно — заходите.

— Не, мы хотели с Володей, со сварщиком. А костюм сварщика у вас есть?

— Нет, есть костюм Деда Мороза. Есть гидрокостюм, акваланг. Не подойдет?

— Не, не подойдет.

Интересно, почему именно со сварщиком? Почему не подходит Дед Мороз? К тому же я моложе, а Володя не обращает на девчонок внимания, включает трансформатор, надевает маску. Удар — электрод намертво приваривается к забору. Учитывается ошибка, со второй попытки железный столбик забора разрезается пополам. Опять неудача. На третий раз попытка удачная, но не успевает мастер отойти в сторону, полюбоваться на труд, как секция от порыва ветра падает. Девчонки разочарованы и уходят окончательно:

— Плохой вы сварщик, Володя, не хотим мы с вами играть.

Кислород

Воспоминания об институтских временах не вызывают никакой ностальгии. Если случается пройти по территории своего бывшего института, значит, просто через институт ближе. Само собой, вспоминаешь те годы, когда смотришь вокруг: этого не было, а наоборот, тут что-то было, снесли. Смотрю, построена новая кислородная станция, не слишком ли близко к корпусу? Впрочем, не мое это дело. Естественно, вспоминается история.

В старые времена, когда кислород в клиники еще привозили в баллонах, хранились они в отдельных пристройках, и была самая лучшая в мире работа для студентов: кислородчик. Платили немного, но зато работа простая, утром открыть баллоны, вечером закрыть. Если есть операции по ночам, тебе звонят: открой баллон. Открываешь, спишь дальше. Но по ночам в институте оперируют редко. Естественно, на эту работу было не устроиться, и трое молодцев крепко держались за место. С утра открывали вентили, шли на занятия, вернувшись — закрывали. Собственно, то же самое я делаю сейчас совершенно бесплатно. Привозили и меняли им баллоны другие люди, профессионалы. Только однажды случилась вакансия, но вовремя не удалось устроиться, желающих хватало. Было так.

В работе имелось два недостатка: первый — нечем заняться по вечерам. Интернета не было, телевизор притащить? Но в глубине двора он не словит ни один из тогдашних трех каналов. В результате ребята занимались промыслом. Один притащил вязальную машину, вязал на продажу свитера. Второй, имевший способность к шитью, кроил брюки, а третий, умелец-краснодеревщик, приволок токарный станок и вытачивал на нем изделия, почему-то чаще всего делал ручки для самоваров.

Второй минус — в пристройке не было водопровода и канализации и, соответственно, нужника. На стенке висел рукомойник, помыть руки можно. А как делать остальное? Ходить по ночам на улицу? Отлить ночью можно, что и делали за углом пристройки, который почти развалился от сырости, смотрю, не починили до сих пор, а до ближайшего сортира в клинике пульмонологии далеко, метров 200. И в результате в каптерке стояло ведро, в народе — параша. Обычное ведро, уходя изволь вынести, промыть в ближайшей луже, приготовь для сменщика.

Ну и в один день дежурный, кажется вязальщик свитеров, нажравшись в дым, выделил из себя различных жидкостей, наполнив ведро до краев. И уснул на топчане. Главное, что уснул, мудила, с сигаретой в зубах. Задымился матрас, из окон клиники

увидели дым. Пожар в кислородной это катастрофа, это же сейчас как пи…ет! Народ отскочил от окон, кто-то побежал в другой конец здания клиники, и только начмед, тетка или храбрая, или безбашенная, побежала в кислородную. И видит тлеющий матрас, видит спящего на нем работничка, начинает бороться с пожаром подручными средствами, а под рукой оказалось ведро с жидкостью, и естественно, этой жидкостью, то есть дерьмом обливает матрас, обливает спящего на нем студента и заодно себя. Стоял такой крик, такой мат, что случись взрыв, на сто процентов вокруг было бы тише. Парня гонят с глаз, мокрый, облитый дерьмом, в мороз топает домой. В метро, понятное дело, его не пускают. В итоге выгоняют с работы, не помню точно, с института погнали или нет. Хотя, кажется, нет закончил.

История дырки

Иногда притормаживаю у здания нефрокорпуса и, как всегда, смотрю вверх, на дырку в капитальной стене здания, на самом верху, никак не предусмотренную проектом. Но для нас это не просто дырка, для нас это память об учебе в институте. История дырки такова. Нефрокорпус института строился ударными темпами лет 20. Последнее, что помешало — московская Олимпиада восьмидесятого года, когда все силы и ресурсы были брошены на нее. Лет пять после никакого движения на стройке не было. Наконец в середине 1980-х встал вопрос: или достраивать, или снести, или ждать, когда недостроенный корпус сам развалится окончательно. Решили, что дешевле достроить. И нас, на шестом курсе, отправили не как положено студентам — убирать морковь, а на завершение стройки. На пару с другом Лехой выдали нам компрессор, пару отбойных молотков — работайте. Работа творческая, с утра заливали солярку, заводили компрессор, разворачивали шланги и приступали к удалению лишнего.

За годы строительства прогресс не стоял на месте, в проект новой клиники вносились изменения, что в сочетании с распиздяйством и высокой технической грамотностью строителей давало результаты. Поэтому работы для отбойного молотка за 20 лет накопилось достаточно. Так, кто-то решил на каждом отделении обустроить чудо техники: лифты для подъема кормов из пищеблока. Маленькие такие лифты с узкой шахтой, на платформочку которых умещалась только тележка с кастрюльками. Удобно, по замыслу архитектора еда должна была носиться вверх-вниз по этажам, минуя общие пассажирские лифты. Каменщики в строгом соответствии с планом выложили на каждом этаже шахту, такую маленькую кладовочку, метр на метр, оставив вход в нее у самого пола, больше напоминающий леток улья. Но! Перекрытия между этажами как были сплошными по изначальному проекту, так и остались. Тут без отбойного молотка никак. И начали мы ломать эти бетонные плиты. Работа тяжелая, бетон за годы набрал прочность. Приходилось на карачках забираться в леток, напарник подавал молоток, и ты в темноте, в замкнутом пространстве, начинал бить отбойником в пол у себя под ногами, ожидая, что вот-вот — и плита провалится вниз, а ты повиснишь на страховочном тросе. К счастью, до этого не доходило: как только остатки плиты начинали раскачиваться, готовые рухнуть вниз, мы успевали выбираться и снаружи расхерачивали ее остатки. Для спасения от пыли и грохота в

стенке шахты сбоку мы пробивали отверстие, куда и высовывался ебальничек, дышать. В конце, перед тем как сдать работу прорабу Славику, дырка закладывалась кирпичами. Звук отбойника уносился вниз, резонируя где-то в подвале, рядом было почти тихо, но при этом из дыры в стене высовывалась мелко вибрирующая рожа. Кто проходил мимо, смотрел на нее и думал: интересно, а чем это там занимается человек в кладовочке? Дрочит? Так почему-то считали все и были не сильно далеки от истины.

Наконец мы добрались до чердака, где должен быть установлен моторчик лифта. Там было сложнее, требовалось что-то измерить, вырубить какие-то фигуры в полу. Но на чердаке темно и было лень искать провода, лампочки, проводить туда свет. Да и зачем, когда у тебя в руках отбойный молоток, а на компрессоре ты в нарушении правил безопасности поставил 8 атмосфер? И уже появился навык работы с отбойным молотком. Пять минут, и в капитальной стене проделано окошко. Главное было успеть его заложить кирпичами, пока не появился прораб. Прораб до вечера не появился, зато неожиданно появилась бригада белорусов-отделочников, которые снаружи обкладывали кафелем стены. Эстетика. Решив, что дыра — это так и надо, они аккуратно обложили ее плиткой. Закладывать дыру кирпичом было уже поздно. Славик, посмотрев на нее, достал чертеж, поставил на нем какую-то точку и махнул рукой: черт с ней, никто не заметит. С тех пор эта дыра так и осталась на ровной стене клиники, как память.

Неукротимость белого человека. Гений

Был у меня в институтские годы друг, ныне, естественно, покойный. Звали его Мишкой. Знакомы мы с ним были еще со школьных лет, оба в один год собирались поступать в медицинский, думали учиться вместе. Но почему-то он, окончив школу с золотой медалью, выбрал не Первый мед, а менее престижный Педиатрический институт. Институт он тоже закончил с красным дипломом, что при его памяти было не сложно. Был он ярким примером правдивости тезиса нашей РПЦ о бесовской сущности младенцев, зачатых во время поста. Судя по дате его рождения, зачат он был именно в те дни. В качестве повода для пьянки ему не хватало новогодних праздников, поэтому он умудрился еще и родиться 31 декабря, что отмечалось дополнительно. И была у него в связи с этим традиция: под Новый год или вскоре после него ломать длинную трубчатую кость. Желательно не просто кость, а в месте, где она образует сложный сустав. Голень, бедро, локоть. Один раз Новый год мы встречали вместе и как вместе с женами ни старались его уберечь от поступков, он умудрился практически на ровном месте сломать лодыжку. Это был, пожалуй, самый нетравматичный день его рождения за все последние 20 лет жизни. Но что интересно, кости срастались на нем замечательно быстро. После оскольчатого перелома бедра, который без операции срастись не мог никак (сам видел снимки, когда нашел его в одной из больниц, куда он попал как неизвестный), через пару-тройку месяцев он уже бегал без костылей и без всякой операции. Оперировать его отказались. Каким-то образом он умудрился, лежа на скелетном вытяжении, напиться в хлам, хотя уверен — никто из знакомых спиртного ему не приносил. При этом пытался соблазнить дежурную медсестру, и попытка наверняка могла бы оказаться успешной, если бы вся конструкция из шины с противовесами не грохнулась на пол. Вместе с Мишкой и медсестрой. Бедро в месте перелома согнулось под углом, на крик прибежал дежурный врач, и моего друга, выведя в реанимации из шока, выписали за нарушение режима. Не иначе как травматолог сам подкатывал шары к этой медсестре. Загипсовали его от пятки до самой шеи и такого каменного гостя привезли домой, жене.

Помаявшись от безделья, лежа на кровати, а жена не приносила вожделенного продукта, и при этом еще уходя запирала снаружи дверь, чтобы пресечь контакты с друзьями, друг изобрел способ передвижения. Попросил жену купить костыли. Та, не подозревая неладного, приобрела. Способ был

прост и гениален. Костыли были отпилены, укорочены наполовину, а к заднице ремнями привязывалась табуретка. Для снижения центра тяжести тоже с укороченными ножками. В таком полулежачем положении, с упором на короткие костылики, появилась возможность поступательного движения. Обретенную свободу Мишка использовал сразу, но секрет ее обретения долго держался в тайне. Было понятно недоумение его супруги: как же так? Заперт в квартире, не мобилен, алкоголь принести никто не может, а каждый вечер пьян как скотина. Первое время раздражали ее звонки и громкие вопли по телефону: «Ты, сволочь, ему водки принес?» (Жена была родом с Кубани.) Вскоре сразу стал вешать трубку, надоело объяснять, что не заходил и не приносил.

Но все тайное становится явным. Как-то выхожу из метро на проспекте Просвещения, останавливаюсь закурить и вижу: проспект пересекает какая-то странная конструкция, вроде как человек на костылях, завернутый в одеяло, но почему-то очень маленького роста и на четырех ножках. И прыгает через дорогу в ближайший шалман. «Мишка!» — думаю, и точно он. Зашел в распивочную, а друг уже у прилавка, уже присосался к стакану со своей любимой «отверткой». Пришлось составить компанию, потом тащить домой, дома отобрать средства передвижения. Костыли отдал соседям с просьбой передать жене. Травматическая болезнь заразна, пока затаскивал каменное тело в лифт, сломал палец, но не идти же с такой мелочью, да еще и на кочерге в травмпункт, по пути в аптеке купил гипсовый бинт, дома сам наладил повязку. Тайной осталось только то, как он покидал запертую квартиру? Об этом он не сказал даже мне.

Но в одном покойный Мишка был гением: не задерживаясь за последние 10 лет ни на одной работе дольше полугода, из которых большую часть времени тратил на оформление, умудрялся худо, но и не очень бедно содержать семью, пока она была, а уж по части добывания денег на спиртное в трудную минуту ему не было равных. Надо было записывать его способы, издать книгу: «Справочник профессионального алкоголика». Вот пара примеров.

Способ 1. Устаревший, имеет только историческую ценность, использовался во времена, когда не было сотовых телефонов и мобильной связи. Мишкин сосед был человеком состоятельным, директором довольно крупного питерского завода, но тоже пьющим. С похмелья на работу не шел и руководил предприятием по телефону. Телефон человеку был необходим. Перерезался телефонный провод, ведущий в его квартиру. Вскоре на пороге появлялся Мишка:

— Сосед, можно от тебя позвонить? Срочно, а у меня телефон отключен, за неуплату. (Вариант: разбил свой по пьянке, бывает, сам понимаешь. Сосед понимал.)

Кто откажет соседу? Мишка поднимает трубку:

— Ой, а у тебя телефон тоже не работает.

Действительно, в трубке тишина. Мишка:

— Ладно, я сейчас пойду, позвоню из автомата, давай заодно тебе мастера вызову. Жди.

Через полчаса в сопровождении Мишки появляется Мастер. На роль мастера приглашался более-менее трезвый собутыльник из соседнего подвальчика. Мастер, осмотрев аппарат, убеждает соседа в его неисправности:

— У вас сложный аппарат, беспроводной, тут сразу не починить, если хотите, возьму с собой, дня два-три…

Сосед в панике, связь ему нужна. Мастер предлагает решение:

— Я вам могу, конечно, свой оставить, но он мне нужен, сами понимаете, работа.

В итоге сосед выкладывает приличную сумму за старый задроченный аппарат, заклеенный, перемотанный изолентой. В это время Мишка соединяет провода на лестнице.

— Вот, смотрите, работает. Пока пользуйтесь, а ваш давайте, я починю, принесу завтра.

На следующий день сосед в очередной раз платит, теперь уже за ремонт своего исправного аппарата.

Способ 2. Один из Мишкиных соседей строит дачу, не просто дачу, а загородный дом, водопровод, канализация, центральное отопление. Узнав, когда дома осталась одна соседская жена, Мишка приносит к нему в квартиру два конкретных чугунных вентиля, подходящих для магистрального водопровода, весом килограммов по 50 каждый. Мишка был сильный человек. Где он их взял, неизвестно.

— Привет! Твой муж просил достать, ему надо для водопровода, держи.

Жена в недоумении, типа, я не в курсе. Зачем ему такие?

— Не знаю, зачем, он просил, я достал.

— А сколько стоит? — Муж на строительстве, не позвонить.

— Да ты не переживай, мы потом с ним рассчитаемся. Ну я их притащил, если не трудно, не нальешь чего-нибудь?

Хозяйка наливает Мишке стакан-другой, тот довольный уходит. Возвращается сосед:

— Чего за хрень в прихожей?

— Мишка говорит, ты у него просил достать какие-то вентили, он принес.

— Да на хера они мне???

Силенок у соседа не хватает вынести железо на улицу. Но и тут из ситуации извлекается максимальная польза. Неожиданно по квартирам начинают ходить постаревшие пионеры, спрашивая, нет ли у вас металлолома? Готовы купить. На самом деле — люди из того же подвальчика. Сосед, желая избавиться от железа, готов не то что продать, а еще приплатить, только заберите. Что и делает. Люди уносят вентили обратно, в результате довольны все.

К сожалению, все еще не сломанные длинные трубчатые кости закончились, и в один из новогодних праздников Мишка проломил череп. Упал, помогли упасть или ударили, так и осталось тайной. Жена к тому времени от него ушла, друзья сделали несколько неудачных попыток вытащить его из сумрака алкоголизма и окончательно поставили на нем крест. Мишка ушел в непрерывный запой, зарабатывая деньги игрой на баяне в подвальчике, и консультировал по вопросам здоровья местных желтоглазых алкашей за сто-двести грамм какой-то спиртосодержащей жидкости, подаваемой в распивочной. В любимом подвальчике его так и звали: Мишка-доктор. В свое время Мишка был врачом замечательным, терапевтом, но не тем терапевтом, с которыми обычно встречаешься в жизни, а настоящим. Мишка помнил все. Пока не было Интернета, он был незаменим. В любое время ему можно было позвонить и задать любой вопрос. Он помнил все болезни, все синдромы, даже описанные всего раза два-три, о которых в советской литературе даже не было упоминаний. Мишка свободно читал на трех языках. Жить с такой головой было трудно, и видимо, в какой-то момент мозг не выдержал нагрузки, а может быть, все началось раньше, здоровый мозг не накопит столько информации. Общался он последнее время только со мной и еще с одним общим приятелем, общался исключительно по телефону, пока телефон не отключили за неуплату. Звонил обычно в три-четыре часа ночи, путая время, начиная разговор с вопроса: «А почему ты не спишь?» Выйти за пределы двора ему не позволяло отсутствие верхней одежды, потерянной, порванной и пропитой. А ехать к нему в гости? Зачем?

В итоге внутричерепная гематома, вовремя не прооперированная, привела к органическому слабоумию и в богадельню под названием «клиника сестринского ухода». Уход там был хороший и быстрый, долго пациенты в ней не задерживались. Но и там Мишка смог отличиться, каким-то образом добыл огонь, хотел что-то закурить, хотя там больным не выдавали сигарет, и устроил пожар. В итоге его перевели в психиатрическую больницу. Узнав об этом, зашел его навестить. Врач на отделении долго меня отговаривала: «Зачем? Пусть вы

знакомы с института, он вас все равно не узнает, и вы его тоже». Доктор была права, из палаты вывели совершенно незнакомого старичка, которому было безразлично, кто пришел, зачем. Даже предложение покурить, редкое в дурдоме (я договорился с врачом, она разрешила), не вызвало никаких эмоций. Старичок молча посидел рядом, не реагируя на вопросы, пока два выздоравливающих лося не увели его обратно в палату. Принесенный блок сигарет отдал медсестре, раздавайте больным, в психбольницах сигареты на вес золота, за сигареты психи могут все. Оставил телефон, если что надо — звоните, родственников у него нет. Позвонили через неделю, сказали, что перевели на другое отделение, забыл его номер, но знал, что с этого отделения никто уже не выписывался никогда. Так и вышло, через месяц позвонили, сообщили: умер. Пришлось нам с приятелем заняться похоронами, похоронить самым экономичным классом, не забирая урну из крематория. Куда ее девать? Все равно, где похоронены его родители, мы не знали, да и кто будет навещать могилку? Никто.

Мокрота на ВК

Маленькая реминисценция для любителей грязных историй из интернет-сообщества «Злой доктор».

Смотрю, как тяжело молодежи сталкиваться с окружающим миром, терять иллюзии. Пытаешься успокоить, все через это прошли. Приходилось и самому сталкиваться с иными представителями новой исторической общности людей под названием «советский народ», с гражданами самой читающей и образованной страны мира. Многие запомнились навсегда еще с института.

Помнится, трудился я по ночам санитаром, и одной из моих обязанностей было с утра отнести в лабораторию на анализ образцы различных выделений. Для этой цели предназначается деревянный ящик с продольной ручкой, который испокон веку используется плотниками и больничными санитарами. Объясняю одному из пролетариев, проходящему курс лечения от пневмонии:

— Пожалуйста, в течение дня сплевывайте мокроту в баночку, а утром сдайте на анализ. Если не затруднит, поставьте в тот ящик у черной лестницы, я отнесу.

— Чего сплевывать-то?

— Ну, мокроту. Откашливайте и сплевывайте в баночку.

— Чего?

— Ну харкотину свою, весь день в банку собирай. Понял, мать твою?

— Да понял, понял, не кричи, чего тут не понять. Во дают, никогда такого не было.

— Утром поставишь в ящик, понял?

Смотрю, у гегемона выделяется много зловонной харкотины, майонезной баночкой не обойтись. Нашел в кладовке банку побольше, литра на три. Аккуратно наклеил сигнатурку: ФИО, отделение, палата. Мокрота на ВК. Отнес, еще раз повторил задание. Переспросил, убедился, что задание усвоено.

Утро. Собираюсь в лабораторию, иду к черной лестнице. Гражданин сдержал свое рабочее слово: банка стояла в ящике, переполненная через край. Но не мокротой, а дерьмом. Не поместившееся стекало по краям банки в ящик, крышка плавала сверху. Судя по слоистости, разному цвету и консистенции слоев, кишечник опорожнялся в банку раза три. Первая мысль: откуда в человеке столько? Или просил помощи у соседей? Вторая: а что мне с этим делать? Одноразовых перчаток в те времена не было, идти, просить у хирургов, потом нести отдельно банку на

помойку? Уже было мало времени. Так и отнес в лабораторию в ящике, с наклейкой: мокрота на ВК. Пусть ищут в говне бациллу туберкулеза.

На следующий день ждал если не скандала, то недовольства со стороны лаборантов. Но тишина, наверное привыкли, не в первый раз.

Боря

Так и не научился спать на работе по ночам, и если нечем заняться, считаешь часы до конца смены. От скуки шаришь по социальным сетям, из отрывков постов и комментариев собрался рассказ об интересном человеке. Наверное, пора открывать серию «Жизнь замечательных людей».

Лет десять назад на Кольском полуострове, на забытом богом полустанке, где на одну минуту останавливается мурманский поезд, сижу на лавочке возле вокзала. Хотя самого вокзала как бы и не существует, есть только киоск для продажи билетов. Прогуляться негде, в сторону поселка идти не близко, да и незачем, а платформа завалена кучками дерьма и обрывками туалетной бумаги. Проводники останавливающихся поездов не считают нужным закрывать на станции туалеты. Закупленное по пути пиво заканчивается, до поезда еще пять часов. Вдобавок стоит влажная жара, что бывает только на Севере, и атакуют комары. Рядом подсаживается явно перебравший накануне гражданин с парой бутылочек пива. Проглотив, открывает вторую. Настроение у человека резко улучшается, человек озирается по сторонам в поисках потенциального собеседника. Вокруг никого, и поиск быстро останавливается на мне.

— Комары достают? Это что! Вот на Ямале — там комары. Вот там гнус. Нас как-то туда на вертолете забросили, посреди тундры. Пилот просит: «Пригнитесь, сдует». Мы сели на корточки, опустили головы, вертолет загудел. Мы сидим, согнувшись. Сидим, сидим, он гудит, думаем — чего ж он не улетает? Кто-то голову поднял, а ветролет-то давно улетел, а то, что гудит, это стая гнуса.

Решив, что заинтересовал меня беседой, начинает знакомиться, представившись начальником местной геологической партии. Следует в командировку в Петрозаводск. Интересуется, чего меня занесло в их края. На этот вопрос мне самому было ответить не просто, я и сам не знал, что именно я тут делаю. Автомобиль «Москвич», купленный у соседа по гаражу за 50 долларов, честно довез меня до берега Баренцева моря, где и был окончательно похоронен. Ехать на нем обратно я не решился, поездка стала совсем не комфортной, через прогнившее днище выпал коврик, и в дождь промокали ноги. А ехать в резиновых сапогах было не очень удобно. «Да так, — говорю, — отдыхаю».

— Случайно не гранаты ищешь? А то многие сюда приезжают, копают. Нет здесь гранатов, ты мне поверь, я уж знаю.

Аметисты найдешь, а гранаты можешь не искать. Приезжал тут один, из Питера, водки много привозил, все пытался у меня выяснить, где искать. Ну нету, говорю, нету, сказал бы.

— Да я и не собираюсь, — но рассказ об искателе гранатов заинтересовал. — Его случайно не Борей зовут?

— Борькой, а ты откуда его знаешь?

— Это было лет пять-шесть назад?

— Точно.

— Да есть у меня один друг, одно время вместе в институте учились. А с этими камнями я его тогда на вокзале встречал, он своего друга просил помочь, а друг — меня. Он в поезде несколько тонн породы привез, наломал каких-то камней, потом их дома в порошок крошил, чего-то в них искал. Я как увидел его мешки с камнями, сказал: «На хер, я их в свой “Москвич” грузить не буду».

— Правильно, пустая порода. Мудак ваш Борька. На хера они ему? Слушай, а ты точно камнями не интересуешься? А то могу подсказать, где аметист. Там начинали разрабатывать до войны, я тебе покажу. И вообще тут много чего.

Мужик, чувствуется, ухватился за любимую тему, начал рассказывать о геологическом строении Северной Карелии, Кольского полуострова, об очень полезных ископаемых, добываемых из его недр советской властью. Рассказывал интересно, для поддержания беседы пришлось даже сбегать за пивком в поселок. Жаль, что после очередной бутылки собеседник обоссался и уснул в мокрых штанах, попросив разбудить его перед прибытием поезда.

А Боря был многим хорошо известен. Что-то было в нем от отца Федора, одержимого желанием разбогатеть. Решив, что перестройка — время больших возможностей для предприимчивых людей, начал бросаться в авантюры. Обычные в те годы способы предпринимательства, торговля, рэкет его не интересовали, Боря хотел найти свой путь. Первое, что он сделал на пути к будущему богатству, — залез в долги и купил дорогущего персидского кота. Кот и правда был хорош, хотя не знаю, стоил ли он заплаченных за него денег или нет. В окрестностях для кота было отловлено пара десятков невест. Когда они принесли первое потомство, полуперсов, кошки были отправлены обратно на помойки, котята мужского пола розданы знакомым, а женского пола оставлены. Когда кошки подросли, кот, как праведник Ной, огулял своих дочерей. Родившиеся от них котята, уже персидские на три четверти по крайней мере, смахивали на персидских. Боря начал ими торговлю, приписывая липовые родословные. Первым итогом кошачьего бизнеса стал

уход жены, которая отказалась жить в проссанной кошками квартире. Продать котят с выгодой не удавалось, никто платить за них не собирался, у людей в начале 90-х были другие проблемы. К тому же инбридинг не пошел потомству на пользу, котята оказывались болезненными, бесплодными и глупыми.

От кошек пришлось избавиться, и Боря переключился на обезьян. В Абхазии началась война, и Боря с риском для жизни добрался до Сухуми, где из разоренного обезьяньего питомника вывез нескольких макак и шимпанзе. Как ему это удалось — загадка. Держать дома обезьянку можно, но нужна клетка. В клетку была превращена вся квартира. Но обезьяна высший примат, имеет интеллект и как любое умное существо сволочь редкостная. Ни один опытный кот, никакое другое животное не сможет нанести такой ущерб интерьеру, как обезьяна. Пусть она даже мелкая мартышка. От квартиры остались голые стены. Куда он дел обезьян, не знаю, не интересовался. Но иногда в газетах, под рубрикой «Происшествия», мелькали заметки о неожиданном появлении обезьянки в городе. Журналисты интересовались, задавали вопрос: «Откуда в городе неожиданно обнаруживалась бесхозная обезьяна?» — и не находили ответа. У Бори осталась одна, довольно крупная шимпанзе. Прижившись в его квартире, она постоянно возвращалась домой. Да и одинокий к тому времени Боря привязался к симпатичной шимпанзе, видимо, она заменяла ему семью. Он гулял с ней по улицам, часто его можно было встретить сидящим с ней в кафе. Обезьяна вела себя примерным образом, сидела за столиком, привыкла пить и даже полюбила кофе. Правда иногда с соседних столиков воровала печенье, но делала это так ловко, что никто не успевал заметить, куда подевалось песочное колечко с блюдца.

Следующей Бориной идеей стало разведение собак. Почему-то была выбрана известная порода ньюфаундленд, собака замечательная, но с ограниченным кругом желающих ее любить и держать дома в квартире. Под собачью ферму были приобретены два участка в дальнем садоводстве под Волховом, две собаки, но на этом дело остановилось. Кобель-производитель, на которого рассчитывал Боря, породистый водолаз, живший у его друга, подвел. То ли оказавшись импотентом, то ли просто не признавший Бориных полупородистых сук.

На этом зоологический бизнес прекратился, хотя в его квартире еще можно было встретить каких-то попугаев и грызунов. Но это скорее для души. Тогда Боря решил, что в душе он инженер и даже в чем-то еще и изобретатель. Какие-то занятия строительством, ремонтом, установкой сейфов и стальных дверей хотя и приносили доход, но не давали радости. Тогда Боря

предложил услуги рекламному агентству. Там заинтересовались его идеями и дали работу. Боре предстояло сконструировать и собрать некий стеклянный кубик. Кубик должен был вращаться, светясь изнутри, а на гранях высвечиваться информация, текст, картинки. Кубик, к слову сказать, был построен и долго стоял в сквере у Советской улицы и даже светился, но не вращался. Вращался он единственный раз, включенный Борей по ошибке, в момент, когда внутрь залез электрик, монтировать лампочки. Боря не заметил электрика внутри полупрозрачной конструкции и отошел любоваться работой. Вращение прекратилось навсегда, когда провод, протянутый электриком внутрь куба для питания электродрели, намотался на ось и разорвался, устроив внутри короткое замыкание. Удар тока выбросил работника наружу, через стеклянную грань куба. Электрик, к счастью, отделался мелочами, царапинами на лице и переломом предплечья. Больше всего его расстроила потеря инструмента.

С тех пор о Боре пошла слава. Никто больше не желал с ним сотрудничать, никто не проникался его бизнес-идеями. Партнеров стало найти трудно. В те годы набирал обороты челночный бизнес, и на нем можно было если не приподняться, так хотя бы заработать начальный капитал. Но в эпоху развитого бандитизма заниматься им в одиночку было небезопасно, с собой товар, валюта, и челноки ездили группами. Брать в свою команду Борю никто не хотел, Боря был известен своими провалами. В те времена получить загранпаспорт можно было только имея приглашение из заграницы, и я признаюсь: поддавшись на Борины уговоры, попросил своих родственников прислать приглашение на его имя. Но ехать с ним я отказался, боже упаси. Боря прокатился пару раз в Польшу, нагрузив баулы изделиями отечественной промышленности, которые славились своим весом и металлоемкостью. После перевозки мешков с породой для него это был не груз. Почему-то особенным спросом в Польше пользовались детские заводные игрушки, железные скачущие лягушки, петушки. После этих поездок квартира Бори стала складом ножей-бабочек. Одно время это была модная игрушка, каждый уважающий себя реальный пацан обязан был носить ее в кармане своих широченных штанов. Но мода на них быстро закончилась вместе с Бориным челночным бизнесом и модой на широченные штаны. Возможно, Боря окончательно насытил ножичками наш тогда еще хрупкий питерский рынок.

Неожиданно Боря исчез. Были мысли — а жив ли? Никто о нем не слышал, никак он себя не проявлял. Но недавно встретился с приятелем, который еще в 80-х свалил на свою историческую родину. Посидели, вспоминали общих знакомых,

дошли до Бори. Оказалось, жив Боря, Боря тихо живет в Израиле, работает, говорят, скучает. Ничем необычным не выделяется, маловата страна, нету простора для Бориных идей.

Порхов

Как-то возвращаясь из Пскова по Киевскому шоссе, притормозил у указателя «Порхов». Задумался, а стоит ли городок того, чтобы, свернув с трассы, проехать до него почти сотню километров? И что я вообще знаю о городе Порхов? Знаю, что такой есть. Уже немало. Слышал, что в нем сохранились развалины крепости. А еще знаю, что в 80-е годы там жили серьезные мужики, которым за две недели удалось сделать то, чего в течение шести лет так и не смог добиться весь профессорско-преподавательский состав нашего института. Было так:

Учился на моем курсе один парень, родом с Полтавщины, пример такого малороссийского дебилковатого парубка. Его олигофрения сочеталась с ярким национальным колоритом, с неистребимым акцентом и рубашкой-вышиванкой. Поскольку оказалось, что он еще не только жив, но и вполне дееспособен, назовем его так, как называли в институте: гомункулом. Первые годы казалось, что парень просто не понимает русского языка. Узнав, что я достаточно свободно объясняюсь на украинском, некоторое время набивался мне в друзья, пока не был послан подальше. Как он умудрился поступить в институт, было загадкой. Зато весь курс знал, как он учился. Для тех, кто не учился с ним в одной группе и был лишен возможности личного общения, в штабе ДНД института издавалась неформальная стенгазета, в которой публиковались особенно ценные его цитаты, в основном из ответов на экзаменах. Преподаватель анатомии:

— Вот перед вами легкие ребенка, который не сделал ни одного вдоха.

— А скажите, сколько ему было лет?

В каждую сессию парня пытались отчислить, заведующие почти всех кафедр клятвенно заверяли: «Уважаемый, наш экзамен ты не сдашь». Но гомункул мог неделями преследовать преподавателей, выпрашивать зачеты, разрешения на пересдачу экзаменов. Помню, как одну тетеньку-доцента выворачивало наизнанку, когда он, начиная что-то говорить, путал ударения, постоянно повторяя слова «цЕпочка» и «мокротА». В итоге большинство сдавалось, пусть на пути к диплому его останавливают другие. В особенно трудных случаях из деревни с Полтавщины приезжала мама. Здоровенная такая хохлуха, в цветастом платке, с огромными корзинам в руках. Она заваливалась в деканат, а при приближении декана падала на

пол, хватая его за ноги с криком: «Отец родной, не губи! Не гони моего сиротинушку, один он у меня, одна моя надежда!» По полу катились какие-то помидоры, яйца, огурцы и прочий продукт ее подсобного хозяйства. Крик переходил в визг на грани максимальной частоты восприятия человеческого уха, а по мощности далеко превосходил болевой порог. Представить подобный звук может только человек, знакомый с национальными украинскими воплями. В результате декан сдавался. Приказ об отчислении в очередной раз прятался подальше, выдавался очередной допуск к экзаменам, проводились беседы с особенно принципиальными заведующими кафедрами. Декан был мудрым человеком, понимал, что нервы дороже, пусть числится, работать врачом он все равно не сможет. Была еще надежда на военно-морскую кафедру, надежда, что суровые морские офицеры выдержат натиск мамаши. Но не выдержал и наш клуб веселых капитанов второго ранга, и гомункул с очередной попытки получил зачет по курсу с загадочным названием ОТМС. Кстати, долго оставалось загадкой само значение слова ОТМС. Что-то подсказывало, что это скорее всего аббревиатура, но ее расшифровка оставалась тайной. По логике, буквы М и С обозначали медицинскую службу, но что значили О и Т? Явно не оперный театр.

Когда нашему курсу пришло время сдавать госэкзамены, наш гомункул еще сдавал зачеты за четвертый курс. Во второй половине восьмидесятых, на закате советской власти еще сохранялось такое понятие, как распределение, но уже считалось хорошим тоном поиграть в демократию и задать выпускнику вопрос: «А где бы вы хотели работать?» И сделать вид, что к его просьбе прислушались. На самом деле все было решено заранее, и комиссия из представителей различных управлений Минздрава собиралась чисто для проформы. В ответ на заданный вопрос, кем бы вы хотели стать, комиссия услышала: «А я бы хотел стать акушером-гинекологом». Пауза. Попасть на гинекологический поток было мечтой половины курса, а на него брали всего 30 человек из шестисот. И никакие связи, знакомства, деньги, заслуги перед комсомолом и компетентными органами не могли дать гарантии, что ты на него попадешь. Наконец кто-то решился прервать повисшую в зале тишину:

— Молодой человек, но вы же терапевт.

— Ну тогда хирургом…

Неожиданно из глубины зала вылезла какая-то тетка из курортного управления:

— Он мне подходит, мне такие люди нужны.

И парень, закончив институт терапевтом, отправляется в

интернатуру по гинекологии. А после интернатуры едет работать в город Порхов. Не знаю, наверное там есть какой-то санаторий, где в штате числится акушер-гинеколог. В итоге через две недели врачебной практики местные ребята навешивают ему жесточайших звездюлей и, по слухам, разносят всю его комнату в общежитии, расхерачив окна и двери. И наш парубок, в чем был, едва ли не в одних домашних тапочках, оставив там даже документы, бежит в Питер. На этом его врачебная деятельность заканчивается, как всем нам тогда казалось — навсегда. Какое-то время он попадался на глаза, в основном в центре города. Выглядел как типичный БОМЖ, ходил зимой в сандалиях без носков и в солдатской шинели, по слухам, чем-то торговывал на рынке. Где жил, на что, было не известно. В контакт с ним я старался не вступать, заметив, чаще всего в районе Апрашки, обходил стороной. Жив он или сгинул где-то в питерских подвалах, никто из однокурсников не знал.

Но вспомнив, просто так, ради смеха, решил набрать его фамилию в «Яндексе». И результат: во всех социальных сетях — он, сомнений нет. «ВКонтакте» онлайн с утра до вечера. Видео на «Ютубе», фотографии. Изображен в приличном костюме, имеет галстук. Рекламирует свою фирму, в которой он якобы гендиректор. Сфера деятельности фирмы поражает: от медицины до торговли и грузоперевозок. Торгует всем, кроме автомобилей. Стоит задуматься. Если человек с тяжелой дебильностью вполне адаптировался, какие горизонты открываются для людей с дебильностью легкой! Каких успехов они могут достичь! И ведь достигают, примеров тому тьма.

Ящик

В свое время мечтал о поступлении в ВМА, Военно-медицинскую академию. Когда развалился Советский Союз, когда разогнали армию и сотни офицеров, в том числе и врачей, оказались не у дел, даже радовался, вспоминая, что не смог поступить, прошел медкомиссию. Это сейчас стало в армии совсем не так, как в прошлые времена. Каждый день проезжаю мимо военного городка, смотрю на новые дома с квартирами для офицеров. Вечером во дворы не заехать, а если заедешь — не припаркуешься. Все со службы возвращаются на своих автомобилях, из которых редко встретишь продукт российского автопрома. Теперь приходится служить не только за царя и отечество, но и за приличную зарплату. Наверное, тяжело замполитам, или как их там сейчас называют. Легко промывать мозг голодным солдатам и бездомным офицерам, сытый тяжело воспринимает идеологическую накачку, у сытого другие стимулы в жизни. Вот в Красной армии… Хотя нет, вспомним только одну историю.

Еще в институтские годы занесло меня в одно офицерское общежитие, школьный приятель приехал учиться в артиллерийскую академию, пригласил в гости. Зашел. Находилось оно в интересном районе Питера, практически в центре города. Все горожане могут представить участок, ограниченный Загородным проспектом, Гороховой улицей, набережной Фонтанки и Бородинской. Но квартал внутри, даже не квартал, а целый район, уверен, практически никто, кроме его обитателей, не посещал. Нет, зайти туда днем было не страшно, но без нужды ни у кого желания не возникало. А внутри был какой-то полузаброшенный город, свалки, заросший стадион, двух-трехэтажные дома барачного типа. В одном из них и было общежитие.

Общага она и есть общага, пусть там живут люди с семьями, пусть живут годами. Никто основательно обустраиваться не желал. Сколько длилось обучение, года два-три? Все это время так и жили, не распаковывая чемоданы. Кому придет в голову приобретать обстановку, когда в любой день могут отослать к чертям, на самый край отчизны, а то и подальше, за ее край. Иные, способные, закончив академию, оставались в ней преподавать, но так и продолжали жить в общежитии, но уже не годы, а десятилетия, питая надежду получить жилье. Соответственно, в качестве мебели использовались подручные средства. А что у артиллериста всегда под рукой и в избытке?

Правильно, ящики от снарядов. И со стрельб все тащили к себе освободившуюся тару. Квадратные ящички, не знаю от чего, вероятно от противотанковых мин, сложенные стопочкой, становились стульями. Плоские ящики от патронов, побольше, служили столешницами. Особенно были ценны ящики от реактивных снарядов, длинные, глубокие. Поставленные вертикально превращались в гардероб, вместо дверцы — занавесочка. (Дизайнеры ИКЕА наверняка впоследствии украли эту идею — шкафы без дверец.) Положенный набок, он становился сервантом или секретером, положенный на пол мог одновременно быть кроватью и комодом. Из отдельных досок строились стеллажи, книжные полки. А надо сказать, лучшие доски Советского Союза шли на изготовление ящиков для снарядов. Сухие, крепкие, гладко обструганные, могли служить годами. Мечта советского садовода. Полупустыми ящиками был заставлен весь коридор. В них складывались какие-то тазы, автомобильные колеса, запчасти, детский спортивный инвентарь, санки, лыжи. Первое впечатление — ты попал на какой-то полуразграбленный склад, в котором злодеи вскрыли все ящики, но не нашли ничего ценного.

Стоим с приятелем в конце коридора, курим.

— Долго тебе еще здесь?

— Почти год, потом обещали домой.

Домой — это не совсем домой, а к постоянному месту службы, где, впрочем, своего жилья тоже не было.

По коридору на трехколесном велосипеде катит девочка лет пяти. Подъезжает:

— Здластвуйте!

— Ну, здравствуй! Ты кто?

— Я Лена-ящик!

Ну, думаю, все, это конец, ребенок на вид нормальный, а крыша потекла. Ящиком себя представляет. Жаль. Да посмотришь по сторонам, не удивишься.

— А кто же тебе такое прозвище дал?

— Мама с папой. У меня мама-ящик и папа-ящик.

Друг, зная мою склонность к аффектам, начинает успокаивать:

— Да не волнуйся ты так, это их фамилия. Ребята тоже с Украины, пятый год тут живут. Подходящая фамилия, да?

— Да уж, куда как подходящая. Правду говорят: нет слова, которое не может стать украинской фамилией.

— Ладно, пойдем, мне с дома самогоночки прислали, когда еще встретимся?

Coitus letalis

У нас в приемном отделении евроремонт. Красиво, но тесно. Ночью приходится переступать через людей, спящих на полу в коридоре. Хорошо, что горит яркий свет, не споткнешься. Иду и почему-то вспоминаю одного своего однокурсничка. Помнится, на пятом курсе шел цикл по травматологии. И писали мы там какие-то истории болезни. Преподаватель, тетка в годах, очень просила: «Не надо, не надо сверкать своей эрудицией, пожалуйста, не вставляйте никаких латинских терминов. Проще пишите, проще». — «Интересно, а почему?» — «Ну не надо, прошу вас». — «А почему не надо?» — «Ну, как-то один из ваших вместо exitus letalis написал coitus letalis… Я не заметила, потом на разборе кто-то обратил внимание, было неудобно». Как тогда писали в материалах съездов партии: «Смех в зале». Тут откуда-то сзади просовывается безумная голова нашего друга и спрашивает: «А что такое коитус?» Смех прекращается. Понятно, пятый курс, пора знать.

Но таки в истории болезни он все же вставил латинский оборот, написав русскими буквами: статус лакалис, именно через А. Ну, в принципе механизм, вернее, причину травмы доставшегося ему переломанного алкаша он объяснил точно.

Память

В газетке попалась статья, пресса предупреждает, что в России ожидается волна антисемитизма. Опасно… Ну, думаю, угроза несколько преувеличена. В моем представлении, классический русский антисемит, даже если он занимается некими идеологическими поисками, существо недалекое, терзаемое комплексом неполноценности, а просто говоря — придурок.

Помнится, в конце 80-х в Питере устраивала митинги некая группа «Патриот», коллективный член ленинградского «Отечества», которую возглавлял некий Александр Романенко, отчества не помню. Вообще, патриотов у нас в те годы было великое множество, общество «Память» не могло объединить всех желающих проявить патриотизм, хотя может быть и могло, но формы его проявления были разными и не укладывались в рамки одной партии. От нее отпочковывались различные православно-монархические союзы, патриотические и прочие объединения, которые в свою очередь немедленно начинали делиться, как кишечные палочки в дерьме, создавая какие-то народные фронты, группы, вплоть до какого-то союза Венедов. Даже единственная их общая черта, антисемитизм, не позволяла преодолеть более серьезные разногласия между патриотами. Кому интересно, может посмотреть в Интернете. Не мне судить, какая из русских партий была патриотичнее, чья программа была ближе народу да и были ли там вообще какие-то программы.

С упомянутым Романенко я был немного знаком, по крайней мере некоторое время общался, он преподавал мне в институте марксистско-ленинскую философию. Чудак был редкостный, как, впрочем, и большинство преподавателей нашей кафедры научного коммунизма. С перестройкой Романенко из преданных борцов за дело Ленина переметнулся в патриоты России и, забыв про пролетарский интернационализм, написал книгу «О классовой сущности сионизма». К своей деятельности Романенко пытался привлекать и наших студентов. Помнится, один мой однокурсник постоянно светился рядом с ним на митингах. Фамилия его забыта за ненадобностью, но его заявление на госэкзамене по хирургии, что операцией выбора при геморрое является наложение противоестественного заднего прохода, помнили долго. Даже в либеральные горбачевские времена Романенко за свою активность, а руководил он кроме группы «Патриот» еще двумя патриотическими партиями, и за свою антисемитскую книжку поимел неприятности, подвергся

гонениям, был уволен с работы и лишен возможности освещать путь молодому поколению врачей немеркнущим светом научного коммунизма. После такой душевной травмы свою книжонку он бесплатно раздавал всем желающим. Да и напечатанный тираж не очень-то расходился в продаже. Одна попалась мне, но я даже не пытался прочитать этот бред, хватило первой страницы. Одну книжку он подарил моей знакомой, с автографом: «Товарищу по борьбе в трудную для автора минуту». Подпись автора у всех вызывала приступ смеха, фамилия товарища по борьбе забылась, но помню, что звали товарища Инной Иосифовной. А внешность товарища даже не позволяла усомниться в его принадлежности к богоизбранному народу. Но эти мелочи в трудную минуту ускользнули от внимания борца. А сейчас не знаю, остались ли вообще какие-то следы от общества «Память» и его последышей. Хотя нет, стало интересно, набрал в Гугле, следы «Памяти» остались на сайте какого-то института русской цивилизации.

Часть 2. «Скорая помощь»

От работы на «Скорой помощи», куда попал по распределению после института, а распределение в советские времена было обязательным, и если нет хорошего блата, изволь три года отдать государству за учебу, осталась толстая записная книжка. Когда окончательно выйду на пенсию, ею займусь. А пока вспоминаются только самые интересные персонажи, встретившиеся в первый год работы. А встретиться пришлось со многими интересными людьми.

Дубровский

Первым, с кем я познакомился, придя в интернатуру, был врач с литературной фамилией «Дубровский». Это был высокий импозантный мужчина лет 55, со свежим загаром на лице, вышедший на работу в первый день после отпуска. Отпуск он провел в шезлонге на пляже в Евпатории. На просьбу начмеда подстанции: «Возьми интерна, он зачем-то вовремя пришел, не знаю, куда его пристроить, пусть с тобой сегодня покатается». Дубровский с видом вальяжного барина, показывающего приезжему свои угодья, лениво махнул рукой:

— Ладно, пусть покатается, покажу нашу делянку. Только предупреждаю, я человек молчаливый, со мной будет скучно.

— Да ничего, я и сам не очень разговорчив, могу помолчать.

Это были последние слова, которые мне удалось произнести. Остальное время говорил Дубровский. Говорил он без остановки, преимущественно матом. Рассказал обо всем: о районе, о постоянно вызывающих клиентах, давал советы, что делать в конкретных случаях. Говорил о своей коллекции картин, обещая показать, о творчестве передвижников, о последнем кинофестивале. Пел частушки.

Моя милка спит в гробу,
Я пристроился, е…
Нравится, не нравится,
Спи, моя красавица.

Информация сыпалась обо всем:

— Главное в нашем деле — это внимательное отношение к больному. Никогда не показывай, как ты его ненавидишь. Вот, к примеру, едем мы к Марье Ивановне, когда ж она сдохнет, сука! Да еще живет эта блядь на пятом этаже. А поднявшись, начинаем с порога: «Здравствуйте, дорогая моя, дайте я вас обниму, милая! А чего так давно не вызывали? Я даже волноваться начал, вот только сегодня из отпуска и сразу к вам».

Сделав ей анальгин с димедролом, Дубровский разрешает себя чмокнуть в щеку и уходит, матерясь на лестнице в адрес старухи. С пушкинским персонажем его роднила, пожалуй, только одна любимая фраза: «Спокойно, Маша, я Дубровский». Это означало: на вызов можно не тащить чемодан, кардиограф и прочие тяжести, пациент известен, ему достаточно доброго слова. Пауза в монологе возникала только тогда, когда Дима

прикуривал одну сигарету от другой. Горящая сигарета у него в зубах была постоянно. Фельдшерица даже начинала беспокоиться:

— Дмитрий Сергеевич, ну чего вы замолчали? Расскажите что-нибудь еще.

— Ну что тебе сказать, Люся, — задумывался Дубровский, — когда я буду тебя е…, я надену два гондона. — И с угрозой в голосе добавлял: — И они порвутся!

Загадка, что такой интеллигентный образованный врач, причем уже не молодой, с опытом работы в серьезных клиниках, делает на «неотложке», мучила недолго: Дима попивал. В течение суток он потихоньку прихлебывал из плоской фляжки, поддерживая себя в тонусе, а после работы уже не таясь выпивал из горлышка поллитровку. Но если тонус в течение дня переходил границу, Дима срывался и начинал сознательно напрашиваться на неприятности. Было, однажды он оказался на вызове у своего старого приятеля. Случайно или нет, возможно, тот сам попросил прислать именно Дубровского, не суть. Суть в том, что встречу решили отпраздновать. После того, как они на троих с фельдшером скушали две по ноль-семь, приятель неожиданно умер. Видимо «Скорую» он все-таки вызывал не зря, оказался у него инфаркт. Реанимировав приятеля, для чего хватило одного разряда дефибриллятора, Дима продолжил вместе с ним праздновать, благо появился еще один повод, пока более-менее трезвая фельдшерица не взяла инициативу на себя и не организовала транспортировку обоих в больницу. В больничном дворе какая-то сволочь из окна наблюдает картину у приемного покоя: подъезжает «Скорая», выходит врач, падает. Тетка-фельдшер выкатывает носилки с больным и падает вместе с ними тоже. По двору ползают уже трое, потом больного волокут по земле и кое-как затаскивают в приемное отделение. Сволочь звонит на 03: тут ваши доктора по двору ползают, на ногах не стоят, как можно? Не иначе пьяны. Тут же линейный контроль, Дубровского тащат на экспертизу. Дима признает: «Зачем экспертиза? Да, в говно, отпираться не буду, поехали сразу к главному». Летом главврач в отпуске, за него оставалась тетка, кажется заместитель по оперативной работе. Только она собралась произнести речь о недопустимости пьянства и принятии самых жестких мер, как Дима подошел к ее столу и, вытащив из штанов свое, по рассказам очевидцев, нехилое хозяйство, разложил его на столе:

— Смотри, Марина, это — х…! Ты это видела? Смотри и запомни, ты такого больше никогда не увидишь!

С заместителем главного врача случается истерика, вопли,

нашатырь. Дима хватает фельдшера и исчезает. Про неподписанный приказ об увольнении вспоминают на следующий день, а назавтра Дубровский уже трезв, выбрит, пахнет одеколоном и готов к любой экспертизе. За демонстрацию гениталий руководство уволить его не решилось, да и нету такой статьи в Трудовом кодексе.

Умер Дубровский от рака легкого. Не удивительно, за сутки он выкуривал по 5–6 пачек сигарет. Всем казалось, должен был понять, что у него рак, иди к онкологу, еще есть шанс полечиться, но Дима отправился к знакомому участковому, втер ему, что простудился, заболел пневмоний и выпросил направление на физиотерапию. После очередного сеанса, дойдя до дома, выпил водочки и помер, кажется от кровотечения. Все удивлялись: вот придурок, ну не мог же он не знать, что у него рак, какая тут к чертям физиотерапия? И я тогда поддался общему мнению: совсем Дима пропил мозги. А сейчас сомневаюсь, а может и нет? Может, зная, что его ждет, и решил ускорить конец?

Потеря

Почти одновременно со мной на «Скорую помощь» пришли двое докторов, оба отставных флотских офицера. Про одного вспомнил недавно, прочитав статью в газете: «Замглавы ХМАО (видимо Ханты-Мансийского автономного округа), выпавшему из лодки, могло стать плохо с сердцем». Естественно, плохо, наверняка ребята перебрали перед поездкой. Не удержался в лодке замглавы и выпал.

Помню, однажды был у меня похожий случай, когда я, будучи еще врачом-интерном, был приставлен к старшему товарищу. Катался с ним на «Скорой», таскал чемодан. В общем, насколько мог старался быть полезен. Каким доктор был специалистом, мне тогда судить было трудно. Мне вначале казалось, что был. Настораживало, что после армии отработав кучу лет в солидной клинике, в кардиореанимации, заканчивал свою жизнь простым врачом «Скорой помощи». Но я был молодой, не лишен иллюзий, нравится человеку работать на «Скорой» — пусть работает. Мне поначалу нравилось. О настоящей причине я, да и никто поначалу, не догадывался. Надо сказать, что доктор выглядел весьма прилично и, что самое странное, разговаривал практически без мата. В общем, производил впечатление интеллигентного человека. Догадаться, что он успел принять на грудь, можно было, только когда водка валила его с ног.

Поздний вечер, просим у диспетчера разрешения заправиться. Водитель предупреждает: бросайте сигарету, подъезжаем к заправке. А в те годы на «Скорой» были исключительно «рафики», продукт латвийского автозавода в городе Даугавпилс, фантастический гибрид автомобиля «Волга» и микроавтобуса. Спереди одно место, остальные сидят сзади, в неотапливаемом салоне, глядя на свет через окошечко в перегородке. О том, что через год эксплуатации еще работали стеклоподъемники, говорить было смешно. Доктор отвечает: «Ага, сейчас», — открывает дверь и выбрасывает окурок наружу. Нас предупреждение не касалось, мы с фельдшером дремали в салоне. Одно плохо — в этот момент водитель совершает резкий маневр, левый поворот с Песочной набережной, где поворот налево был, как и сейчас, запрещен. Поворачивает резко и, естественно, смотрит налево. Дверь, хлопнув, закрывается. Заправились, водитель садится на свое место, выезжает с заправки и, проехав почти до Петровского стадиона, неожиданно тормозит, просунув голову в окошко перегородки, спрашивает: «Слушайте, а доктор что, у вас сидит?» — «Да нет у нас доктора, чего ему у нас

делать?» — «А где он?» — «А черт его знает». И действительно, на сиденье в кабине лежит только полушубок, который доктор накидывал на плечи, а вот хозяина полушубка внутри нет.

Поехали обратно к заправке — нету. Спросить некого, вечер, на улицах пусто, мороз. Заправщица отвечает, что вроде проходил какой-то мужичок в белой одежде, но не приглядывалась. Катаемся вокруг — никого. Выхода нет, надо звонить на центр, сообщить, что доктора потеряли. Видимо, мы оказались не первые, у кого возникала такая проблема. Диспетчер только спросил, много ли доктор выпил, посоветовал поискать еще, ну а нет, так нет, езжайте на станцию. Доктор не иголка, хотя тоже может завалиться так, что не найдешь. А где там искать? Напротив заправки суд, дальше какие-то промышленные здания, все закрыто. Поехали домой. На станции уже ждет ЛКС, линейный контроль, начинают допрос: с кем он пил, почему вы этого не заметили, не подали сигнал, как он вообще мог выпасть, почему был не пристегнут? Я интерн, с меня спроса ноль, зато доверяют: «Будешь до утра за доктора. Появится ваш — звоните, приедем».

Так я практически в первый раз стал самостоятельным врачом «Скорой помощи». Уехали на вызов, возвращаемся, диспетчер встречает:

— Нашелся ваш доктор, не волнуйтесь.

— Выпивший?

— В говно! Вон он, спит на топчане.

— Ну что, теперь его уволят?

— А нет, ЛКС снова приезжала, уехала, он оказывается на больничном. У него больничный с сегодняшнего утра. Только непонятно, где он его взял. Так и лежит, накрывшись этим больничным листком.

— А смотрели, ничего не сломано? На приличной скорости выпал.

— Да вроде ничего, пришел сам, сказал, что он везучий, и упал спать. Только рожа поцарапана.

И действительно, доктор храпит на спине, а на груди листок, бюллетень, выданный якобы еще вчера, в районной поликлинике. И диагноз: стенокардия. Не придраться, плохо стало с сердцем. Где он достал больничный, как успел сориентироваться — непонятно, но ничего не поделаешь, действительно опыт. Проверили участкового врача, все чисто, по документам у него накануне на приеме этот пациент был, больничный выдавался. Личных отношений между ними не прослеживалось.

А доктора жаль, доктор был не самым бездарным, хотя и оказался редкостным контрацептивом. Месяца через два его все-

таки уволили за пьянку, настучал кто-то из фельдшеров, учуяв запах. Он поболтался еще пару лет по разным «неотложкам», куда в те годы брали всех, и во время очередного запоя залез в петлю. И надо сказать ему спасибо, повесился грамотно, так, чтобы наверняка, не доставив коллегам лишних забот. Разве что заехать, констатировать смерть.

Подводный Болт

Второй флотский врач был тоже забавный. Во-первых, он носил фамилию Болт. Бывший подводник, и его так и прозвали: Подводный Болт. Как сам он признавался, с флота был уволен за демонстративный алкоголизм, напоследок получив орден. Впрочем, это другая история. Во-вторых, за время службы он забыл почти все, чему учили в Военно-медицинской академии. Не удивительно, шесть дальних походов, две сотни здоровых мужиков в экипаже. От начмеда он по утрам прятался в мужском туалете, но старался пополнить пробелы и постоянно задавал вопросы. Нам, вчерашним студентам, пожилым врачам, многие из которых сами были уже в маразме, но главное — консультантам. Все, кто сидел в качестве консультанта на телефоне, изучили его график: Болт на линии, от телефона будет не отойти.

Рассказ доктора Дедуха, в свое время известного всей «Скорой помощи» города Санкт-Петербурга врача-кардиолога:

— Сижу на телефоне, опять звонит Болт, излагает случай. Тетке лет сорока, болит сердце. По его рассказу — классический хренодефицитный синдром, ХДС. ЭКГ передал по телефону, нормальное ЭКГ. Говорю, сделай ей что-нибудь и уезжай. Через час звонок: «Сделал, не помогает». — «Ну хорошо, сделай еще и отваливай». Опять звонок, говорит, не помогает. Хорошо, говорю, выруби ты ее, пусть спит. Заснет — уезжай. Звонит снова: «Сделал все, не спит». Я уже не выдержал: «Слушай, Вова, ты мужик или нет? Ты что, не можешь с бабой справиться?» Болт что-то пробормотал, вроде как «хорошо», и повесил трубку. Через часа два мне звонит ответственный врач: «Ты с Болтом разговаривал?» — «Разговаривал». — «А куда он исчез?» — «Не знаю, больше не звонил». Стали искать, на адрес отправили линейный контроль. Коммунальная квартира, соседи открыли дверь, зашли в комнату. Смотрят: Болт в постели проводит тетке патогенетическую терапию ее ХДС, да так увлекся, что не оторвать.

Врач ЛКС не стал мешать, пусть лечит, но как только в поликлинике открыли отделение неотложной помощи, Вову без лишнего шума перевели туда. Там поначалу брали всех.

Горе от ума

Был еще один интересный персонаж.

В те времена работал на «неотложке» забавный старичок по фамилии Чацкий, но нет, не тот, грибоедовский, хотя по возрасту он вполне мог бы подойти. Наш Чацкий горя от ума не имел, пребывая в восьмидесятые годы в веселом маразме. Вдобавок он был почти слепой и никак не желал оперировать катаракту. Различая только яркий свет, летел мотыльком к лампочке у подъезда. Этого было достаточно. Дальше действовал на ощупь, вытягивая вперед руки, еще в подъезде начинал кричать: «Больной, где тут больной? Подойдите ко мне!» Правда, иногда вместо жопы мог протереть ваткой со спиртиком диван, сделать в него укольчик и сидеть, ждать эффекта: «Вам что, еще не легче?» Пациенты жаловались, иногда из подъезда водители «неотложки» слышали крики:

— Уберите этого гопника, нам и своих хватает!

— Да я не гопник, я доктор!

Но многие старушки писали благодарности и просили присылать только его. Загадочная причина выяснилась: Чацкий не признавал фонендоскопа и выслушивал хрипы в старушечьих грудях непосредственно ухом. Бабки тащились, когда он своей небритой щекой елозил под их сиськами. Одна рассказывала мне на следующий день:

— Представляете, он мне ухо к спине приложил, говорит, дышите! Я дышу-дышу, думаю, какой же внимательный старичок, а у меня аж голова закружилась. Оборачиваюсь, а он там прислонился и спит. Пригрелся. Я ему кроватку постелила, он поспал часик, дальше поехал. А вы, доктор, разве спать не будете? Отдохните, ночь на дворе…

Жил Чацкий в деревне под Псковом, хитрым способом добираясь на работу в Питер. Надев парадный китель со всеми своими орденскими колодками, а в прошлом, во времена войны он был полковником, подходил к посту ДПС на выезде из города и просил гаишников подсобить, срочно надо в Питер. Гаишники не отказывали, тормозили дальнобойщика, долго мурыжили, проверяя документы, и наконец предлагали: «Ладно, езжай, только нашего деда до города подвези». Любой с радостью соглашался, лишь бы быстрее отделаться от проверки. Один раз, на День Победы он решил вместо колодок прикрутить все свои награды. Вышло нехорошо: во время торжественного собрания он попытался встать и под тяжестью кителя со звоном рухнул на пол.

Зачем он продолжал работать, почему ему спокойно не

жилось на полковничьей пенсии дома, в своей питерской квартире, выяснилось случайно. Оказалось, что его жена хворала шизофренией. Жить с ней было тяжело, и когда ее выписывали из сумасшедшего дома, дед перебирался под Псков, на дачу. А их сына из психиатрической больницы не выписывали никогда. И Чацкий раз в неделю ездил его навещать, заодно и приезжал на дежурство.

Узнали об этом так: звонок на станцию, какая-то тетка просит к телефону заведующую. Спрашивает:

— А у вас Чацкий работает?

— Работает.

— А вы знаете, зачем он у вас работает? Он к старухам на вызовы ездит!

Заведовать подстанцией тогда пришла новая молодая тетка и удивилась вопросу:

— А у нас вроде бы все врачи в основном ездят к пожилым пациентам.

— А знаете, зачем он к ним ездит? Он им свой х… дает сосать!

— А вы кто, простите?

— Я его жена, я про него все знаю!

Дальше навести справки было не сложно, узнали, что жена Чацкого постоянный посетитель дурдома. Мы старика жалели. Руководство постоянно делало попытки его уволить, но тут же кто-то звонил якобы из обкома КПСС, с приказом: не сметь! Заслуженный человек, ветеран, орденоносец! Начальство оставляло попытки, хотя, похоже, звонил он сам или кто-то из его знакомых. Избавиться от него удалось только при разделении «Скорой» и Неотложной помощи. Приказом его со «Скорой» перевели в «неотложку», а туда он идти не захотел. «Неотлога» ему не нравилась, ограниченный район, нет размаха. За пределы района выезжать не положено, не съездить в психбольницу к сыну, не прокатиться по магазинам, не закупить продуктов в деревню.

Булимия

Врач «Неотложной помощи», бабушка Кульчицкая, хворала заболеванием под названием булимия и, соответственно, ожирением. От ее ожирения страдали только водители «неотложки», которым приходилось ее запихивать в карету (забраться на сиденье рядом с водителем она не могла), а от булимии — все остальные сотрудники. Продукты питания оставлять на работе в холодильнике было опасно, вернее бессмысленно — съест. Съедала она все, что попадалось на глаза. Вдобавок бабка почти все время была навеселе, чтобы носить свою десятипудовую тушу по этажам, за день она выпивала десяток пузырьков корвалола.

Ее беседа с больными выглядела примерно так:

— Что у вас болит? Поясница? Это вы съели что-нибудь, милая, точно съели. Я знаю. А что у вас было на обед? Борщ? Покажите-ка мне ваш борщ.

Ей приносили кастрюлю недоеденного борща. Проглотив его, бабка спрашивала:

— Да нет, хороший борщ. А на второе что было?

— Котлеты.

— Давайте сюда котлеты.

Сожрав десяток котлет, продолжала:

— А еще что было? Компот? Нет, я компот не буду, от компота такого не бывает. Обед у вас хороший, это вы где-то что-то другое съели.

Встать со стула после еды бабка уже не могла, говоря больным:

— Подойди ко мне, милая, я тебе укольчик сделаю.

— Доктор, а вы руки помыть не хотите?

— Ой, совсем забыла, а ты принеси мне тазик с водичкой, я руки помою.

Как-то раз народ собрался после дежурства всей подстанцией поехать на природу, отметить что-то, кажется, День медработника. Закупили все, что полагается, а на закуску десяток копченых куриц. Загрузили в холодильник, забыв, что дежурит бабка Кульчицкая. Когда ночью все сидели и играли за столом в штос, а Кульчицкая храпела в кресле, у кого-то возникает мысль: «А чего-то вдруг она так громко храпит?» И сразу несколько человек метнулись к холодильнику: пусто, десятка цыплят как не бывало, не нашли даже костей. Пауза, только громкий храп Кульчицкой. И вдруг наступает полная тишина, храп прекращается. Кто-то начинает считать: «Тридцать секунд, сорок,

пятьдесят… Это ж сколько она уже не дышит? Если, блядь, она сейчас остановится, я ее ни качну ни разу!» Все молчат, ждут. Минуты через две раздается шипение, кашель, из глотки выплевывается застрявшая сопля, и храп возобновляется. Народ с облегчением возвращается к игре. А то действительно может выйти неловко, рядом пять или шесть врачей «Скорой помощи», и вдруг внезапно умирает сотрудник. Могут быть вопросы — почему не реанимировали? Не хорошо.

Карьеру Кульчицкой погубил новый водитель, еще не обленившийся, как все водители питерской «неотложки», заезжать во дворы. Вот уж воистину справедливо сказано: не делай добрых дел и не будешь наказан. Решив подвести бабку прямо к подъезду под аркой, он остановился слишком близко у стенки. Доктор стала вылезать наружу, неудачно ухватилась за открытую дверь, та закрылась, и бабка наглухо застряла между машиной и стеной. Все. Тесная арка, водителю со своей стороны из машины не выбраться, бабка кричит, но никто не спешит на помощь. Какой прохожий ночью зимой зайдет в темный питерский двор, если оттуда раздается крик: «Помогите!» Никто не зайдет, даже если прохожий идет в этот двор к себе домой. Лучше подождать, а вдруг во дворе кого-то убивают? Да и прохожие в два-три часа ночи зимой на Красной улице большая редкость. Ни раций, ни телефонов в те времена не было. Пришлось водителю выбить стекло в перегородке между кабиной и салоном, в надежде вылезти наружу через заднюю дверь. Но парень забыл, что в прошлом он был мастером по штанге в тяжелом весе и после ухода из спорта его слегка разнесло вширь. Задница в окошко не пролезла, проделать обратный путь мешал задравшийся полушубок. Теперь уже застряли двое, можно не кричать, помощи ждать неоткуда. Не известно, долго бы они так проболтались, если бы муж больной, к которой вызвали «неотложку», не смотрел в окно и не видел, как машина заехала под арку. Спросив себя, а почему это доктор так долго не поднимается, он не выдерживает и спускается вниз. И видит картину: пространство у стены наглухо затампонировано огромной тушей, а внутри машины под потолком барахтается и машет руками какой-то здоровяк. Надо сказать, что несмотря на удивление, мужик действовал весьма рационально. Протиснувшись вдоль стенки с левой стороны машины, залез в салон через заднюю дверь и помог выбраться водителю. А вдвоем им уже удалось немного сдвинуть машину в сторону (тут занятия штангой помогли) и продавить бабку в подъезд. К тому времени она уже перестала кричать, только стонала, кажется, сломав ребра. Ее вдвоем погрузили на носилки, и водитель сам отвез ее в

больницу. Вернее, вызвал к себе «Скорую», но приехавший врач, посмотрев на лежащую на носилках в «неотложке» массу, решил, что перегружать ее в другую машину нецелесообразно, пусть едет в той, в которой лежит. На этом работа доктора Кульчицкой закончилась; что с ней стало, выписалась она из больницы или померла там, никто не поинтересовался.

Но был и позитив. По этому адресу, на улицу Красную потом вызывали очень часто, и каждый раз тебя встречали словами: «Вы не представляете, как мы рады! Как хорошо, что это вы приехали! Хотите чая или кофе? Есть кое-что покрепче, вы, главное, не стесняйтесь». В очередной раз удивившись такой встрече, я поинтересовался причиной радости. Тогда муж больной и рассказал, как он вытаскивал доктора из западни.

Львов

Работал у нас на станции такой доктор, Львов, законченный алкаш даже по нашим меркам. Но не этим он был известен, этим никого не удивишь, а тем, что он никогда ничего не ел. Пить пил, а чтоб закусывать — никогда. Это была загадка, откуда он получал необходимые калории. То есть калорий ему хватало, но организму нужны и другие пищевые вещества, белки. И вот один раз Львов решил пообедать. Все смотрели, как он растворял в миске гороховый суп из пакета, подогрел и начал питаться. Вначале использовалась ложка. Первая попытка поднести ее ко рту. Мимо. Вторая попытка — ложка супа выливается на халат. Третья попытка — ложка падает. Принимается решение ускорить процесс, миска берется в руки, чтобы пить через край. Суп течет мимо, на лицо, на одежду. Еще весь густой суп не вытек, а доктор уже падает на стол лицом в миску и сразу засыпает. Пообедал.

Поступает вызов, пришлось прервать полезный для здоровья послеобеденный сон. Умойся, говорят ему, чучело. Но куда там, вызов срочный, автослучай где-то в районе Благовещенского моста. Садится в машину, едет. Все как положено, с мигалками. Кто-нибудь когда-то видел, чтобы гаишники останавливали «Скорую помощь», едущую с включенными мигалками? Я не видел. Но тут какой-то гаишник остановил их на Исаакиевской площади. Подходит к водителю: «Ты чего это такое в кабине везешь? Доктор же у тебя в говнище». Водитель был мужик не сложный, послал мента по матушке, сказав, что чего посадили, то и везу. Доктор как доктор, не хуже других. Тогда гаишник подошел к правой двери, открыл, но не успел сказать слова, как Львов на него накатил: «Ну ты чего, в натуре, не видишь, укачало меня, укачало, бля!» И в подтверждение своих слов окатывает сверху гаишника с ног до головы фонтаном блевотины. Непереваренный суп течет по кителю, капает на асфальт. Водитель решил не ждать ответной реакции служивого, перегнулся через пассажирское сиденье, захлопнул дверь и укатил. А мент так и остался стоять у светофора рядом с гостиницей «Астория». Стоял долго, проходящий мимо интурист оживленно обсуждал, что случилось с русским полицейским, почему он облит гороховым супом, фотографировал. А все оказалось так просто. Мне тогда пришлось прокатиться до ближайшей больницы, за бутылку у знакомого терапевта купить ему больничный, а потом еще отвезти доктора домой. Когда проверили все шкафы и пустой холодильник, который зачем-то работал, и не нашли в квартире ничего съедобного, только тогда

спокойно оставили его спать на диване, зная, что в своих рвотных массах он теперь наверняка не захлебнется. Бутылку, кстати, обещал отдать, до сих пор должен.

Расскажем еще несколько историй из практики врача «Скорой помощи».

Выговор

Зашел как-то на работе разговор о добром отношении к сотрудникам «Скорой помощи» со стороны руководства. Вспомнил случай, еще с конце 1980-х, когда отрабатывал на «Скорой» распределение после института, как я получил свой первый выговор.

Участковый врач вызывает «Скорую», бабку, далеко за 80, отвезти в больничку с нестабильной стенокардией. Прихватило у бабушки сердечко, болит. Приехал, ЭКГ снял, полная блокада ножки, не поймешь, есть там инфаркт или нет. Ну и ладно, мое дело до больницы довезти. Бабка тяжеленькая, давление низкое. Обезболили, грузим тельце на носилки, отвозим в больницу имени Куйбышева, ныне Мариинскую. Еще та была фабрика здоровья. В приемном отделении зову терапевта, вот бабушка, вот ЭКГ, как скажете, ставите инфаркт — отвезу сразу в реанимацию, нет — оставлю тут. Терапевт посмотрел — оставляй, разберемся.

Но кто-то из внимательных местных докторов замечает: «А у бабушки-то стопа вывернута кнаружи!» А это первый внешний признак перелома шейки бедра. Ага! Опять «Скорая» какую-то хрень привезла, не по адресу. Бабку на рентген. Фотографируют ей бедро, зачем-то плечо, таз и грудную клетку. И находят: перелом бедра, перелом плеча, нескольких ребер. Кажется, еще и таза. И умирающую старуху гипсуют с головы до ног и переводят в Покровскую больницу в состоянии шока. В Куйбышева травматологического отделения нет. Гипс окончательно добивает бабушку, и она вскоре умирает.

Новость тут же доходит до руководства, мне лепят строгий выговор. Не осмотрел, расхождение диагнозов. Ну, думаю, нет, не мог я пропустить столько переломов, иду, интересуюсь результатами вскрытия, от чего умерла бабуля? Патанатом отвечает — от инфаркта умерла. А как же переломы? Да нет, говорит, там никаких переломов. А откуда взялись? Так снимки перепутали, там студенты занимались, кто-то учебный набор на столе забыл, рентгенолог не посмотрел на фамилию, описал как бабкины.

И как бы вроде с моей стороны никаких нарушений нет, все сделал правильно. Ненавязчиво намекнул заведующей: а может, выговор с меня снимут? Не, говорит, уже не снимут. Получил — значит получил, чтоб знал, где работаешь. Впредь будешь внимательней.

Кома

На днях попросили развлечь студентов, провести занятие. Тема идиотская: «Анестезия у больных в коматозном состоянии». И вопросы наверняка будут дурацкими. Но отказаться неудобно. Все так и получилось, начали с вопроса: «А какие отличия?» — «Да ни каких, делай все так, как у человека с обычным рассудком». — «Так он же не реагирует на боль?» — «А может, и реагирует, как ты это оценишь? Пробу Дегранжа проведешь? Только сначала найди стеклянный шприц, одноразовый от кипящего масла расплавится. Ах, вы не знаете, что такое проба Дегранжа? Медицинская мысль изобрела не одну пробу для проверки нарушений чувствительности, это только одна из них. Кратко ее суть: инъекция кипящего масла в сосок. Если не отреагировал, значит, мертв наверняка. А как ты поймешь, что происходит у него в голове? Голова — дело темное и исследованию не подлежит. Тут не всегда знаешь, что происходит в своей, а что произойдет в ней через пару минут — так вообще загадка, а у постороннего и подавно. У меня был случай, как больной в коме на такси уехал и по городу катался, а я долго его пытался поймать, так и не смог. Не верите? А было».

Вызвали меня на «Скорой» в один из питерских институтов, на кафедру физического воспитания и развития. Сильная, видимо, была в том институте кафедра, и работали на ней тоже люди сильные, личности гармонично развитые во всех отношениях, интеллекту которых позавидует нынешний мэр матери городов русских. Все сплошь бывшие боксеры-тяжеловесы и штангисты не самой легкой весовой категории. Заболел их заведующий, сам бывший штангист. Давление, заболела голова, какая тут работа? Сотрудники вызвали такси, езжай домой, отдыхай. Но пока ждали таксомотор, заведующему стало совсем худо, похоже, что в голове лопнула аневризма. Со скоростью падающей шторки фотографического затвора меркнет рассудок, кома. Тут такси не обойтись, и сотрудники вызывают «Скорую». Подъезжаем, такси стоит во дворе, ждет клиента. И естественно, никакого значения этому мы не придаем, стоит себе и стоит, кому до него дело? С пациентом все ясно, геморрагический инсульт, кровоизлияние в мозг. Левая половина тела полностью парализована, какая-то сила заставляет махать правой рукой, может быть судорога, может быть желание позвать на помощь. Вопросов нет, едем в стационар. Но возникает проблема: кафедра на третьем этаже, а мужик весом под сто пятьдесят. Но

сотрудники горят желанием помочь, хорошо, говорю, несите в машину, фельдшер спустится чуть раньше, приготовит носилки, а я следом, с чемоданами. Но молод я еще был, во-первых, верил с силу человеческого разума, а главное — в его существование. А во-вторых, чуть задержался, чтобы записать домашний телефон секретарши. Симпатичная девушка очень беспокоилась за здоровье шефа, и я обещал вечером позвонить, сообщить о его здоровье. Может быть, договорюсь о встрече, сообщу лично. В ближайшие минуты за его здоровье я не переживал, давление мы ему снизили, сделали мочегонное, дышал он спокойно, четыре здоровенных бугая без проблем донесут на мягких носилках. Не уронят. Спускаюсь вниз, в машине никого. К фельдшеру: «Где?» — «Не видел, — говорит, — никого не приносили, сам жду». Подходят бугаи, отдают пустые носилки.

— А больного-то вы куда дели? Другой «Скорой» тут не было.

Отвечают:

— А как куда? Вы же сами сказали — несите в машину. Мы и отнесли.

— В какую?

— Так мы же ему такси вызвали. В такси посадили, он и уехал.

— Как уехал? Куда? А не дай бог помрет в такси, кто отвечать будет? Вы, мудаки… — ну, далее, понятно, было еще много слов, и в адрес сотрудников, и в адрес таксиста.

Ситуация, надо сказать, необычная. Больные убегают от «Скорой помощи», но чтобы потерять человека в коме? Надо звонить ответственному врачу. Заранее представляю, какие слова услышу. Снова поднимаюсь на третий этаж, звоню, пытаюсь объяснить, что столкнулся с опасной бандой долбоебов, для которых слово машина — полный и единственный синоним слова «такси». Для ответственного врача ситуация тоже не стандартная, предлагает подумать, обещает перезвонить. И как раз в этот момент звонит таксист. Видимо, узнал номер телефона у своего диспетчера.

— Слушайте, а что мне делать? Я его спрашиваю, куда ехать, а он только рукой машет и молча ссыт.

— А какого хера ты его повез?

— А чего? Мне его в машину посадили, я спрашиваю — куда, а он рукой махнул: вперед! Я и поехал. На каждом перекрестке спрашиваю, куда дальше, а он только показывает вперед. Я и еду.

— И куда ты сейчас заехал?

— Да я уже в районе Комендантского.

— Слушай, давай вези его обратно сюда, и побыстрее.

Перезваниваю ответственному врачу, говорю, что, кажется,

ситуация разрулилась, таксист сейчас привезет больного обратно. Жду. Проходит вечность, такси нет, зато звонит таксист:

— Я не могу быстро приехать, у Старой деревни переезд закрыли, надолго. Что мне делать, он мне всю машину проссал!

— Ты сейчас где? Стой, где стоишь, сейчас к тебе «Скорая» подъедет.

— Ладно.

Снова звоню ответственному врачу, на сей раз звоню не по городскому номеру, а через 03, прошу соединить. Зачем? Ну я хоть и молодой был, но соображал, что через 03 разговоры записываются, ответственный все равно обо мне скажет многое, но хотя бы без мата. Так и так, говорю, таксист застрял в пробке, по адресу, пошлите туда «Скорую», пусть у они у него заберут больного. Ответственный соглашается с вариантом, даже хвалит за находчивость и обещает исполнить. Вроде все, можно ехать на станцию. Спускаемся, не успеваем отъехать — вызов по рации. Ответственный врач уже не боится засорять эфир словами, которые мы пропустим:

— Какой ты мне адрес назвал? Нет там никакого такси! Возвращайся, жди на месте.

Снова ползу на третий этаж, на кафедру. Интересуюсь, не было ли новостей? Новости не заставляют себя ждать. Таксист звонит снова, найдя у клиента в кармане бумажник с паспортом, отвозит его по адресу прописки. Все логично, заказ надо выполнить. Зато теперь спрашивает, что делать дальше, он эту стопудовую тушу не может вытащить из машины. Это было первое, чем он меня не удивил.

— Ты можешь… постоять на месте, подождать «Скорую»? Давай адрес.

— Могу, а кто мне простой оплатит?

— Оплатят тебе простой, еще как оплатят. Не дай бог еще тронешься с места, найду, бля…

Снова приходится беспокоить ответственного врача:

— Таксист говорит, что привез домой, у его подъезда стоит. Вот адрес…

— Слушай, как ты мне надоел! Уезжай оттуда, и чтоб я тебя сегодня больше не слышал. Все, для меня сегодня тебя на линии нету.

Чем все закончилось, я так и не узнал. Наверное, все-таки пути таксиста в какой-нибудь точке города пересеклись с одной из бригад «Скорой помощи». И наверняка клиент все-таки попал в больницу. А оплатили таксисту простой или нет, я не интересовался. Плохо только одно: секретарше я потом так и не позвонил, в суматохе потерял бумажку с ее телефоном.

Роковые яйца

Вызов «Скорой» в питерскую консерваторию. Там, кстати, встречалось много интересных людей, и психиатрическая «Скорая» туда заезжала не реже, чем обычная. К машине подбегает молодой грузин с футляром от кларнета:

— Это мнэ, мнэ вызывали, мнэ плохо!

— А что случилось?

— Доктор, у меня яйца пухнут!

— Да? Ну заходи, генацвале, показывай…

Заходит, садится, спускает штаны.

— Слушай, друг, чего-то я не вижу, чтоб у тебя яйца распухли. Болят?

— Нэт, нэ болят, пухнут.

— Нормальные у тебя яйца, иди.

— Да нет, доктор, ты не понимаешь. Смотри, я музыкант, да? Я играю на кларнете. Ты в музыке понимаешь? Я играю. Смотри, три такта не пухнут, четвертый — пухнут. — Достает из футляра кларнет и начинает играть простенькую мелодию. Мотня свободно болтается в такт музыке. — Видишь?

— Не, не вижу. А попробуй-ка что-нибудь посложнее сыграть, хотя бы на три четверти.

— Нэ, на три четверти не пухнут, только на четыре.

Понимаю, что от параноика просто так отделаться не удастся.

— Ладно, поехали в больницу, пусть тебе уролог скажет, что у тебя все нормально.

Написал в направлении первый пришедший в голову диагноз, кажется, острый эпидидимит, отвез в дежурную урологию. Сижу в приемнике, пишу карточку вызова. И слышу, как из смотровой в конце коридора раздаются звуки кларнета и почти сразу крик дежурного уролога: «Какой мудак его сюда привез?»

И каким-то чутьем догадываюсь, что это про меня. И понимаю, что лучше всего отсюда быстрее свалить, а диспетчеру можно позвонить и из телефона-автомата. Черт с ними, с двумя копейками. Тем более, что каждую зарплату рубля 2–3 нам обязательно выдавали двушками, чтоб монетка всегда была под рукой, звонить из таксофонов. До сих пор несколько килограммов лежит в банке, все лень сдать в металлолом.

Трудный путь

Человек, настойчивый в достижении своей цели, всегда добьется своего. Вспомнил пример, как один упорный человек двигался трудной дорогой к успеху. Хотя, может быть, у него был такой изысканный способ самоубийства.

Сотрудники милиции сняли человека с адреса, с чужой квартиры. Назовем его Вовой, кажется, его так и звали, не важно. Вову едва не забодал своими рогами обманутый муж, вернувшийся домой и застав его с утра в койке со своей супругой. В этой ситуации у мужей всегда преимущество — голого человека, да еще только что из постели, бить легко и приятно, особенно того, кто не ожидал такого поворота событий. Да еще перед залеганием в койку изрядно выпившего. Хотя Вова пренебрег элементарными мерами безопасности, зная, что скоро вернется хозяин, и даже не попытался скрыться. Муж не спешил, бил долго, растягивая удовольствие, и забил бы до смерти, но допустил одну ошибку, оставив на время без своего внимания и заботы любимую супругу. Та, желая предотвратить смертельное убийство в своем доме, звонит в милицию.

Вову забирают в отделение с целью развести соперников. Тут ему бы сказать спасибо, поблагодарить, что спасли от смерти, но Вова не успокаивается, а начинает оскорблять сотрудников, видя в них причину прерванной утехи. Надо сказать, любого опытного дежурного в отделении милиции можно весь вечер поливать матом. Можно называть его козлом и пидарасом, и ничего тебе за это не будет. Если ты, конечно, пьян. Трезвому этого делать не стоит. К таким словам менты привыкли, никто из них даже не обратит внимания на твои пьяные матюги. Но если хочешь зацепить мента, надо быть исключительно вежливым, ни в коем случае не употреблять матерных слов. Вова пошел по правильному пути и, сидя в обезьяннике, начал описывать внешность дежурного примерно так: «Твои глаза глупые, как у рыбы, твоя улыбка напоминает оскал дегенерата, в твоей голове шевелится маленький комочек вещества, которое трудно назвать мозгом». Вова добился цели, и пришлось к Вове уже в отделение вызвать «Скорую». Мое дело отвезти в больницу, кто его бил, зачем — мне не интересно, хотя и любопытно. Было понятно, что работали над Вовой комплексно, на роже остались следы от кулаков мужа, а на спине характерные отметины от милицейских дубинок. Дежурный предупреждает: парень активный, напрашивается, будьте поосторожней. Лучше сразу наручники. Но смешно, живчик ростом сто шестьдесят, куда ему? Если что,

справимся. Надеюсь, что до мясорубки дело не дойдет. А у меня в машине, на стойке с приборами медицинского назначения, между наркозным аппаратом и монитором тогда была прикручена старинная мясорубка. Зачем? Этот вопрос задавали многие, кто еще мог задать какой-нибудь вопрос. Я объяснял, что если будешь вести себя плохо — узнаешь зачем. Обычно после этого в основном клиенты вели себя очень хорошо и всю дорогу до больницы смотрели исключительно на мою мясорубочку. Но на Вову угроза ее применения не подействовала. Стоило отъехать от отделения — Вова начал буянить. Пришлось организовать ему встречу с Кашпировским, дать установку на крепкий здоровый сон. Кашпировским мы называли нашу модернизированную ментовскую дубинку, немного укороченную для удобства оперировать ею в ограниченном пространстве кареты скорой помощи, внутрь которой был вставлен прут арматуры. Но через пять минут Вова вскочил с носилок, чего никто не ожидал, обычно сон после сеанса Кашпировского длился минут 20. Оттолкнул фельдшера и на ходу выпрыгнул на улицу. Хорошо, что выпал не под колеса, а на тротуар, под ноги группе каких-то старичков-ветеранов, идущих с флагами по Вознесенскому проспекту в сторону Исаакиевской площади, протестовать. Тут уже мы не выдержали, забыв, что мы при исполнении, что вокруг публика, выскочили из машины и отпинали Вову ногами. После чего бесчувственного закинули в салон, на пол. Старички оказались сознательными, с пониманием, глядя на нас, одобряли: «Правильно, так его! А если бы он под машину попал, вам бы отвечать!» И боевые ветераны с молодым задором тоже пытались оказать содействие, приложив Вову своими палками. На полу Вова снова ожил, и пришлось немного на нем попрыгать, запрессовав ногами под носилки.

Дальше до пьяной травмы доехали без приключений. Добродушная старушка-травматолог в спецприемном отделении встречает разбитые пьяные рожи со словами: «Все пьете? А вот вы знаете, какая интересная выставка в Эрмитаже, импрессионистов привезли из Франции. Почему бы вам не сходить? Не хотите? А в филармонии сегодня концерт, музыка барокко, это же прекрасно! Гендель, Вивальди… Не пойму, почему вы здесь, а не в филармонии? Ну хотя бы на концерт Юрия Антонова сходили, в “Юбилейном”». Бабушка была ходячей афишей всех культурных мероприятий Северной столицы.

Спецприемное отделение, или как ее называли в народе — «пьяная травма», состояло из основных помещений: предбанничек для оформления клиентов, операционная-перевязочная и палата-клетка человек на 50 с низенькими топчанами, падение с которых

не грозило дополнительной травмой. Были тем еще какие-то служебные помещения, для отдыха, куда Вова и проник ночью, забравшись в постель к докторше. Как он выбрался из клетки, не понял никто. Это был единственный побег за всю историю спецотделения. Вову смело было можно поставить в один ряд с Червонцем и Ленькой Пантелеевым, рванувшими из «Крестов». Даже выше, поскольку сообщников у него не было. Докторшу, к которой под одеяло залез нежданный гость, едва не хватил паралич. Бабку в больнице уважали. После этого Вову долго били сотрудники «пьяной травмы», санитары.

В ожидании утренней выписки в клетке коротали ночь человек 30. Обычно к утру они знакомились, разбивались на группы по интересам, общались. Общая судьба, общее горе сближает людей. И тут уже под утро привозят нового посетителя. Обманутый муж заливал горе водкой, в каком-то кабаке устроил драку с официантами, попал в милицию и в результате в ту же клетку, к своему обидчику. Хотя не исключен тонкий расчет с его стороны, — «пьяная травма» была единственной в городе, все дороги битых пьяных сходились в одном месте, на Пионерской 16. И тут началось самое интересное. Публика разделилась, кто-то встал на сторону обманутого мужа, кто-то, не разобравшись в причинах, просидевший в клетке с вечера, удивился такой наглости: «Как это так? Как посмел какой-то новичок, еще не отмотавший срока, с порога наехать на их старого товарища, уже хлебнувшего зоны?» — и тоже принял самое активное участие в драке, но на стороне Вовы. Через несколько минут в клетке дрались все. Санитаров в ту ночь стоило пожалеть. Из кучи они пытались вытаскивать клиентов по одному, вязали ласточкой и складывали во дворе на асфальт, остыть. Работу закончили только с приходом на помощь новой смены. Эту драку потом вспоминали долго, ни до, ни после ничего подобного там не случалось. Вспоминали и меня, недобрым словом, как ее косвенного виновника. А Вова? Вове проломили череп. Кто конкретно, тут уже никакому следствию разобраться не удалось. Вову перевели в реанимацию, выжил он после трепанации черепа или нет, я так и не узнал.

Роллинг стоунз

Обещал рассказать друзьям про способ изгнания желчных камней без операции. Возможно ли такое в принципе? Рассказываю:

Начало 90-х, время расцвета мракобесия и нетрадиционной медицины. Был тогда в Питере некий медицинский кооператив, под названием «Гепар». Название произвели не от кошки-гепарда, а от латинского названия печени. Кооперативчик позиционировал себя как клиника нетрадиционной медицины и сулил избавление от камней в желчном пузыре без всяких операций, завлекая посетителей рекламой, что операция — каменный век, а мы якобы нашли способ. Реклама почему-то в основном печаталась в каких-то черносотенных листках, раздаваемых у метро, где вперемежку с советами, как избавить чистый русский генофонд от засорения инородным генетическим мусором, естественно семитским, рассказывалось о чудесных исцелениях в новой клинике. Писалось примерно так: наши корреспонденты были свидетелями, как на их глазах из организма естественным путем выходили желчные камни размером 5–6 сантиметров. Не указывалось, правда, как корреспондент непосредственно наблюдал процесс: или с помощью специального наблюдательного отверстия в нужнике, или пациенты должны были выделять камни публично. Между собой мы называли эту контору Роллинг стоунз.

Открытый мастерами способ был прост: клизма. И еще раз клизма, и еще. В промежутке какие-то упражнения из примитивной гимнастики йогов. Слабительное. И снова клизма.

Всем известно с детства: клизма — это хорошо, а при запорах особенно. Беда в том, что публика, изнуренная промыванием кишок, а публика была почему-то исключительно женская, порой падала в обморок. И требовался им врач уже традиционной ориентации. Во время сеансов приглашали подежурить, на что мы, врачи «Скорой помощи», охотно соглашались. Дел, собственно, никаких не было, дать понюхать нашатыря, ну, в исключительных случаях поставить капельницу. Платили более чем неплохо, работа не тяжелая, но врачи долго там не задерживались. А вот почему. Клиентки после многодневного запора, выделив из себя каловый камень, проще говоря, кусок слежавшегося дерьма, с восторгом тащили его врачу для демонстрации:

— Смотрите доктор, видите, у меня вышел камень! Видите, а никто не верил! — И начинали мять его в руках, крошить перед

тобой на пол, на твой стол. Настойчиво совали его тебе в руки, предлагали самому оценить твердость, красоту и изящество формы. Желчные камни действительно бывают очень красивыми, красивых каловых камней не встречал, дерьмо оно и есть дерьмо.

Чем закончил этот кооператив, когда закрылся — сам или помогли, не знаю. Навредить, кажется, особенно не успел.

Бейджик

Начало 90-х, в канун очередной годовщины Международного женского дня вызов «Скорой помощи». Повод: травма головы. Обстановка в квартире примерно такая: мужчина, скажем так, позднего среднего возраста, на вид под 50, приглашает к себе двух влюбленных в него дам. Прелюдия короткая, портвейн быстро кончается. Одну из подруг мужчина ублажает по полной программе. Так, что абсолютно голая мадам после утех лежит на диване, широко раскинув все конечности. Лежит настолько неподвижно, что после появилась мысль — а была ли она жива вообще? Было незаметно никакого движения, разве что на сквознячке покачивался взъерошенный кустик лобковых волос. Ну да черт с ней, успокаивали мы себя после вызова, в конце концов, не к ней нас вызывали и никто ее осматривать не просил. Вызывали к ее подруге. Возраст дал свое, на вторую мадам у влюбленного не хватило сил, и пришлось ее удовлетворить ударом хрустальной пепельницы по голове.

Повезло, удар пришелся по касательной, поцарапав кожу на лбу. Но как бы ни ругали врачей «Скорой помощи», мы люди гуманные, забота о клиенте у нас всегда на первом месте, и к вопросу оказания помощи подходим основательно. Как положено, первичная хирургическая обработка раны. Лезвие безопасной бритвы зажимается в корцанге, 30 секунд, и слипшиеся от крови волосы падают на пол. Под ними оказывается поверхностная ссадина на коже. Перекись, йод, рекомендации:

— Завтра еще раз йодом помажете, поменяете наклейку, к врачу идти не надо.

Последнее повторил трижды, чтоб запомнила.

Мужик не находит слов благодарности:

— Мужики, вы просто, ну я не знаю, вы человека спасли, понимаете: ЧЕЛОВЕКА! Бля, ментам сообщите? Может, не надо, а? — и протягивает десятку.

— Оставь себе похмелиться, насчет ментов можешь не беспокоиться. Ваше дело, мы телефонограммы не шлем.

— Не, ну вы даете, я так не могу, я, это, я отблагодарю, я напишу. Как вас найти?

— Можешь сразу, на Малую Садовую дом один, Центральная станция скорой помощи. Сразу Кириллюка спроси, Ивана Григорьевича. Это главный врач.

— А… Ты, значит, Кириллюк? Точно, я сразу догадался, ты — Кириллюк, я насквозь вижу.

И тут блеснув своим свежеприобретенным ленинским

пробором, в прихожей появляется спасенная мадам. Смотрит на себя в зеркало, видит прическу:

— Кириллюк! Сука!

— Не спорю, даже соглашусь.

— Да я тебя сгною, падла! Я тебя найду!

— А чего искать. Третий этаж, приемные дни понедельник и четверг, с трех часов.

Уходим. О продолжении рассказывает зав. подстанцией. Вызывает через неделю:

— Слушай меня… Внимательно слушай. Я все понимаю, но зачем ты стрелки переводишь на главврача? Вчера он мне звонит, в недоумении, что за лысая баба ворвалась к нему в кабинет, спрашивала, где Кириллюк. Он, естественно, сказал, что это я, что вы хотите? А она ему в ответ: «Ты не звизди, Кириллюк высокий, молодой, с волосами, а ты старый плешивый хрен. Где настоящий Кириллюк?» Пришлось охрану вызывать, выводить ее из кабинета. Я сразу поняла, что это твоя работа. Ты зачем главным врачом представляешься?

— Да я не представлялся, это они с чего-то так решили, что я главный.

— Я приказывала всегда бейджик прицеплять, чтоб знали, кто вы. Зачем их вам раздали? Чтобы в кармане носили? Где твой?

— Да вот, — достаю из кармана, — на вызове всегда снаружи приколот.

На бумажке в пластиковом футлярчике приклеена моя фотография, как положено. Под ней подпись: Шмуленсон Моисей Рувимович. Так звали одного приятеля, подарившего мне бейджик. Фотографию переклеил, а имя переписать забыл…

— Что?

— Да вы понимаете, когда какая-нибудь пьянь скандалит, я им показываю, вот. Сначала долго читают, пытаются запомнить, а потом махнут рукой — хрен с ним, чего на него жаловаться.

— Все, уйди от меня, чтоб я тебя не видела, вы у меня доиграетесь, обещаю я вам. И характеристику в ординатуру даже не проси.

Характеристику, правда, мне вскоре дали самую лучшую, чем-то напоминающую представление к Звезде Героя. Логика начальства, впрочем, понятна: получи — только исчезни.

Кашпировский

Телевизор неожиданно крутит передачи про Кашпировского. Странно, что вспомнили, но все оказалось просто — у кумира идиотов, целителя юбилей. Оказывается, жив еще, вполне бодрый старичок, 75. На одном из каналов дискуссия: в чем причина феномена Кашпировского? Какой тут к черту феномен? Феномен в стране мудозвонов. Пик популярности — конец 80-х. В то время народ готов поверить всем, кто сулит халяву и перемены к лучшему. И во все — от воды, заряженной живительной энергией Алана Чумака, до бредовых речей лысого генсека, твердящего про плюрализм и новое мЫшение. И в то, что стоит только избавиться от партократов, как все заживут по-новому, то есть хорошо. И Запад нам поможет. А уж поверить рядовому психотерапевту из телевизора совсем не сложно. Поверить в чудесные случаи исцеления, как после сеансов вставали паралитики, как рассасывалось все, что только могло рассосаться, от бородавок и рубцов после операций до трупных пятен и судовой буфетчицы Маши, которая раньше сосала только у капитана, а после его сеансов у всей команды. Короче, народ был готов к восприятию чуда. Готов настолько, что примерно с десяток зрителей в городе после каждого сеанса так и оставались в креслах перед экранами телевизоров, ждать приезда агентов из похоронного бюро.

Вспомнились питерские гастроли целителя. Ночь, около часа. Театральная площадь в Питере перекрыта. На площади толпа народа, гаишники направляют транспорт в объезд. В консерватории выступает Кашпировский. Билетов не достать, зал не вмещает всех желающих. Народ стоит всю ночь, надеясь, что и сквозь стены пройдет частичка благодатной энергии. Нормальная в те годы картина. В стороне, у касс Мариинского театра, на складном стульчике сидит старушка. Добрые люди вызывают к ней «Скорую». Может, с сердцем плохо? Может, сумасшедшая, чего ночью-то на улице сидеть у Мариинского театра? Спрашиваю: «Чего сидите, бабушка?» — «Да вот, завтра премьера в театре, хотела билеты достать, очередь заняла». Понятно, для тех, кто собрался на площади в надежде попасть внутрь консерватории, на выступление целителя, а нет, так просто постоять, улавливая кванты чудодейственной энергии, прошедшей сквозь стены, желание попасть в оперный театр — признак безумия.

На память о Кашпировском у меня осталось изделие, названное его именем. В лихие времена ездить на «Скорой» по ночам без оружия было неразумно. Оружием служила обычная

милицейская дубинка, слегка укороченная, для удобства оперировать в тесных квартирах и в салоне автомобиля. Но внутри была просверлена дырка, не поперек, а вдоль. Это был труд, тяжелый труд, но он принес плоды. Внутрь был намертво забит обрезок арматуры. Сочетание веса и эластичности давало поразительный результат. По силе воздействия на горячие головы пациентов, желающих пройти сеанс, мой Кашпировский превосходил в разы живого Анатолия Михайловича. Даже в руках начинающего пользователя. Главное было не увлечься и вовремя прекратить курс психотерапии.

А потом Кашпировский неожиданно исчез, пропал. Ходили разные слухи. От одной из версий остался анекдот.

На Кашпировского наехали бандиты.

— Слышь, ты, будешь нам бабло отстегивать.

— Да нате, обосритесь.

Бандюки срут день, два, три. Приходят снова:

— На, забери свои бабки, сделай так, чтоб мы не срали.

— Хорошо, не срите.

Братаны не срут день, два, три. Приходят снова:

— Слушай, ты нас достал, на тебе еще денег, сделай все, как было.

— Хорошо, пусть будет все, как было.

— Точно будет все нормально? За базар отвечаешь?

— Отвечаю, не ссыте…

Кстати, единственный раз в жизни я видел инфаркт, который случился у пьяного человека. Редкость исключительная, если кто-то говорит иначе, плюньте ему в лицо. Не бывает. Иногда да, но чаще человек выпил уже после начала инфаркта, успокоить боль, или долгое время пьянствовал перед ним. Было так. Шел сеанс Кашпировского, профессор филологии с тестем сидели у телевизора, пили. Посмеивались. Не хватило водки. Тесть, хотя и пожилой, проявил инициативу и сбегал за добавкой. Когда вернулся, зять синего цвета лежал на полу, в шоке. Обширный инфаркт. Я не узнавал, выжил или нет, но когда проезжаю мимо их домика на Мойке, вспоминаю постоянно.

Знаменит в те годы был и Алан Чумак, родившийся в день российского предпринимательства. Возможно, совпадение дат не случайно, предпринимателем Чумак был знатным. Забыл, кем он был по профессии, кажется технарь, каким-то образом связанный с телевидением, что помогло раскрутиться, устраивая всесоюзные оздоровительные сеансы, исцеляя публику своей биоэнергетикой. В конце восьмидесятых сеансы Чумака шли с успехом, и славой он успешно соперничал с Кашпировским. Вначале он самолично торчал в телевизоре, даже иногда говорил слова. Потом стал

просто молчать, оказалось, что этого тоже достаточно. После этого вообще только звучала музыка, заряженная его волшебной энергией, и этого тоже хватало. Полагалось перед телевизором ставить банки с водой, заряженная Чумаком вода давала пользу еще долгое время. Только-только появившийся рынок видеопродукции был завален кассетами с записью его сеансов. Кто не имел видеомагнитофона, мог купить аудиокассету с записью заряженной музыки или просто чистую, с надписью: «Молчание Чумака». Но раза в три дороже. Говорят, было много подделок, не верю, люди слушали, помогало. За всю страну не скажу, но половина населения во время сеанса устраивалась у телевизоров, ставила перед экранами все свободные емкости с водой.

Даже попадались доктора физико-математических наук, известные в своих кругах физики-ядерщики, и те старались не пропустить сеанса, на время звучания музыки прекращалось любое движение в квартирах, заряжалась вода. У меня дома сеансы получали все, кроме меня. Но если Кашпировского своим смотреть я не давал, то к Чумаку относился лояльно, вреда от его сеансов не замечалось. «Скорая помощь» не выезжала после выступлений собирать трупы, не было такого массового безумия с тысячными толпами вокруг концертных залов, в которых проходили его выступления. Зачем стоять на морозе, ночью? Купил кассету, сиди дома, слушай тишину.

Асоциальная сеть

Сейчас трудно себе представить, как распространялась информация в те времена, когда не было мобильной связи, Интернета и прочих современных достижений в сфере коммуникаций. А распространялась она с потрясающей скоростью, быстрее, чем в нынешних соцсетях. Понятно, шла информация официальная: телевизор, программа «Время», радиоточка на каждой кухне пиликала в каждой квартире: «Передаем сигналы точного времени. Начало шестого сигнала соответствует двенадцати часам московского времени…» Была пресса, которую весь Советский Союз начинал читать с последней страницы, программа передач, кроссворд, прогноз погоды. До передовиц доходили только парторги и редкие упоротые коммунисты. А как распространялась информация неофициальная? Та, про которую не писали в газетах, не передавали по радио? А расползалась она по городу быстро. Случай в качестве примера.

Где-то в конце 80-х с утра на работе зачитывают приказ: «В связи с обнаружением в Ленинграде трех, или двух, носителей холерного вибриона (откуда-то привезли с юга) принять меры…» И озвучивают список мер, в частности, тех что касаются «Скорой помощи» — всех засранцев, да и вообще, при любом намеке на диарею, всех госпитализировать в больницу Боткина, сообщать в Эпидбюро, регистрировать. А если человек приехал с юга, то его согласия спрашивать не обязательно, при отказе действовать творчески, вплоть до привлечения сотрудников милиции. Машины после засранцев обрабатывать, как написано в инструкциях. Естественно — санкции за неисполнение. Приказ под роспись, во избежание паники в городе информацию не разглашать.

Подписали, забыли. Но тут же с утра, в начале двенадцатого, вызов. Адрес: Невский проспект, в сквере у Казанского собора. Мужчине плохо. Странный адрес, обычно в этот час мужчинам было плохо у распивочных, где кто-то получил свой очередной утренний удар по печени. На Невском разливух не было. Действительно, сидит на лавочке такой мужчина, вонючий вшивый бомж.

— Любезнейший, — спрашиваю, — а что случилось с вашим драгоценным здоровьем?

— Слышь, доктор, обосрался я.

— Бывает, — говорю, — поправляйтесь. Старайтесь не пить сырой воды.

Собираюсь садиться в машину, бомж начинает орать:

— Да ты чё, в натуре! Мне в больницу надо! А вдруг у меня холера? Да я на тебя напишу… — и действительно, достает карандашик, изображает, что записывает номер машины.

— Холера, говоришь? Обосрался, значит? А ну-ка давай покажи.

— Чего показать-то? Да ты чего, прямо тут? На Невском?

— Когда у тебя холера, ты место выбирать не будешь. Садись давай, показывай, как у тебя получается. Посмотрю на твою диарею, сразу анализ сделаем.

Бомжара снимает штаны, садится, тужится, но в результате выделяет на газон кусочек чего-то слегка оформленного.

— И где ж твой понос? В Боткина захотел? Иди сам, там тебя примут. Думаешь, ты первый такой умный? Там у входа для таких, как ты, пустое ведро стоит, пока не нальешь полное, с тобой разговаривать не будут.

Бомж заскулил, что он бы и рад обратиться самостоятельно и не стал бы нас тревожить, но ослаб от поноса, не дойти до больницы. А на поездку на троллейбусе не имеет средств, поиздержался. Ну что делать, дал ему троллейбусный талончик за пять копеек, езжай. Дал и пожалел: увидев во мне человека доброго, бомж начал кроме средств на проезд просить слабительного, а вдруг удастся успешно пройти тест с ведром. Тогда можно надеяться провести пару дней в изоляторе. Там тепло, там кормят. Про ведро он уже слыхал. Откуда? Я сам об этом узнал только утром.

«Аида»

Вспомнили как-то с приятелем нашу институтскую кафедру дерматологии. Была там одна тетенька-преподаватель, постоянно развлекавшая студентов рассказами из практики. Всем было интересно, все слушали, ведь каждый, ну почти каждый, случай заражения сифилисом — драма. Если и не шекспировская, то на одноактный спектакль потянет. В данном случае слово «одноактный» надо было воспринимать как исключительно театральный термин. Многие завидовали: сколько же необычных случаев удается увидеть в жизни, с какими интересными людьми познакомиться. Но потом стали замечать, что истории повторяются, одни и те же случаи пересказываются всем группам, на всех курсах. Иногда по два-три раза одной группе. Всего историй оказалось десятка два. Про тракториста, который по его утверждению заработал шанкр, поссав на ржавое колесо трактора, про героя, который ежедневно заражал новую партнершу, про циркового акробата, которому партнерша втерла свою спирохету в лысину, от чего у него шанкр образовался в довольно не типичном для шанкра месте — на лысой макушке. И еще в том же стиле. Мне даже стало казаться, что на кафедре существует методичка, в которой указан список историй, рекомендованных для привлечения внимания студентов и повышения интереса к специальности. Интереса у меня так и не появилось, и единственный трояк в дипломе стоит напротив графы «Кожные и венерические болезни».

Помнится случай, когда сам написал в графе диагноз: Первичный сифилис. Без анализов, без консультации дерматолога. Рисковал, если бы диагноз не подтвердился, то были бы большие проблемы, но тогда достала родня маленького пидараса.

Бабушка ночью вызывает «неотложку» к 12-летнему внуку. Вместо ответов на стандартные вопросы «что случилось? что болит?» бабуля заявляет, что у ее внука ущемленная паховая грыжа и его нужно срочно везти в больницу. Внучок уже ждет одетый (зима), раздевать его и смотреть врачу не обязательно. Она сама все знает, видела. Наездов не любит никто, и решил посмотреть сам, заставив раздеться. Вижу вместо грыжи паховый лимфаденит, огромный узел, причем странно, щупаешь — мальчику совершенно не больно. Не грыжа, говорю, это лимфатический узел, похоже на бубон. И в больницу я его не повезу. Бабушка слышала, что такое бубон и с чем он связан, и тут началось что-то невероятное. Крик: «Да как вы смеете, да как

вы такое могли подумать?! Мальчик у меня в балетной школе учится, он уже в “Аиде” танцует! Хотя что я вам говорю, какая “Аида”, вы и в театре наверняка вообще не были».

В театре я был, а на «Аиде» не раз, кстати, совсем незадолго перед этим, и помню, как там следом за Радомесом по сцене ползли какие-то маленькие эфиопы. Значит, вот он один из них. Давайте проверим, становись, говорю, мальчик, раком, как привык, и раздвигай свои полужопия. Рядом с прямой кишкой демонстрирую бабушке присутствие шанкра. Теперь верите? Тут бабка разошлась всерьез, перешла к угрозам. Обещала жаловаться. Предложил отвести ее в стационар, где круглосуточно присутствует врач-дерматолог, отказалась. Тогда послал я ее в прихожей на три буквы, попросил дословно написать в жалобе и уехал. Рекомендовал обратиться с утра в ближайший КВД, адрес знали все, проспект Огородникова, в народе — Триппершрассе.

Но сука написала-таки жалобу, правда, перед этим сводив внучонка в КВД, где, к моему счастью, диагноз товарища Саахова полностью подтвердили и отправили лечиться в больничку. Чего там было написано в жалобе — не знаю, жалобу признали необоснованной. Никакого выговора мне не дали, только пришлось часа два слушать лекцию начмеда по вопросам деонтологии и вежливого общения с пациентами. Начмед могла говорить долго, как обычно, пришлось сказать, что у меня понос, и спрятаться на полчаса в туалете. Пока она не нашла новую жертву.

Часть 3

Православный нудист

Еду с утра на работу, смотрю: на обочине стоит юноша и разговаривает по мобильному телефону. Дело привычное, странность одна: из одежды на нем только нательный крестик на толстом шнурке. Все автомобили, чуть притормозив, проезжают мимо, но какой-то добрый человек не побоялся нарушить правила и притормозить на автостраде, остановился, дал телефон позвонить. Бог с ним, плохо одно — стоит он с нашей стороны Кольцевой автодороги. Наша сторона — это уже Ленинградская область, которую Кольцевая дорога собственно и отделяет от города, а это уже совершенно другой субъект Федерации, и человек уже находится в области. И наверняка вскоре найдется добрая душа, которая вызовет «Скорую». Решил, что хотя и любопытно, но останавливаться не буду, все равно товарищ скоро подъедет. Надо предупредить своих в приемном отделении, что с минуты на минуту прибудет интересная личность.

Ожидания оправдываются, вскоре «Скорая» привозит уже знакомого пешехода. Только теперь на нем появились форменные милицейские брюки. Брюки слегка великоваты, чтоб не спадали — вместо ремня подвязаны бинтом. Фельдшера «Скорой» поделились одеждой, наверняка какой-то хозяин брюк забыл часть обмундирования у них в карете. А уж как и почему это случилось, так об этом даже думать не интересно. Вопрос о новом пациенте нашей больнички меня не касается никак, но любовь к неординарным личностям заставляет отвлечься от своих дел. Надо познакомиться. Спускаюсь в приемный покой, вступаем в беседу. Парень лет 25, что странно, внешне не производящий впечатление безумного, внятно представляется, называет адрес, телефон. Место жительства: город Выборг. Неплохо тебя занесло, не близко от Питера. Не поленился, проверил по больничной базе данные, все правильно, все совпадает, действительно, живет такой в Выборге. Странно, в контактах с психиатрией замечен не был.

— И что, ты 130 км пешком прошел?

— Да, прошел.

— А зачем?

— В Александро-Невскую лавру шел, на праздник.

Действительно, совсем забыл, что сегодня же у меня именины и, соответственно, день моего тезки, святого благоверного князя, и, соответственно, в Александро-Невской лавре праздник, крестный ход, вынос мощей.

— Ты что, так голым и шел?

— Нет, шел одетым, по пути разделся. Так удобнее.

— Скажи, может тебе голоса приказали раздеться?

— Я никаких голосов не слышу, — и начинает читать нараспев Священное Писание: — «Кто верует в него, не устыдится…»

— Вольно же ты толкуешь Новый Завет. На учете у психиатра не состоишь?

— Нет, не состою. А вы считаете, что пора?

— Пора, пора, ладно, подожди, сейчас я схожу, позвоню.

Отправить психа в сумасшедший дом без направления психиатра — задача непосильная. Даже если он и совершенный шизофреник. А особенно если еще не состоит у психиатра на учете. Кто сталкивался с подобной проблемой — подтвердит. Да если и есть направление психиатра, отправить человека в психбольницу бывает не просто. Звоню в психдиспансер, по старой дружбе прошу к телефону начмеда, объясняю ему ситуацию. Тот просит подождать, проверяет в своей регистратуре:

— Странно, такой красавец и у нас не на учете. Послание к римлянам, говорите, цитирует? Точно к римлянам?

— Точно, точно. Даже проверил, сходил взял Новый Завет, их тут много у нас валяется, свидетели приносили.

— Хорошо! Так и напишите в направлении: — «Цитировал из Нового Завета “Послание к римлянам”», — и отправляйте в дурдом. Если у них будут вопросы, ссылайтесь на меня, скажете, что по моему распоряжению. Я туда позвоню, предупрежу приемное отделение. А сейчас, извините, много работы.

Начмед вешает трубку. Жаль, не успеваю спросить, есть такой симптом психического заболевания, как цитирование Посланий? А если следующий раз кто-то будет читать Евангелие или Послание, допустим, к апостолам, как быть с ним?

Но не успеваю запомнить накопившиеся вопросы, как в приемном отделении начинается паника. Пока я звонил по телефону, поклонник Александра Невского убежал из приемного отделения, оставив на топчане в смотровой свои милицейские штаны. Впрочем, убежал, и ладно, нет человека — нет проблемы. А такой обнаружит себя быстро, вскоре привезут опять. Хотя нашелся он только на следующий день к вечеру, почему-то рванув от больницы в противоположную от Питера сторону. На пару дней он стал звездой Интернета, заснятый всеми видеорегистраторами автомобилей, едущих по бетонке в районе Борисовой Гривы. Люди в выходной день ехали на природу, отдыхать, а тут такое дополнительное развлечение: целеустремленно и бодро шагающий по обочине голый человек, хотя и отмахавший за сутки уже больше марафонской дистанции.

Но те края уже не наша юрисдикция, и если он и попал в какое-то лечебное учреждение области, то уже не к нам.

Верочка

Старая история о любви. Вся больница следила за ее развитием, все ждали развязки, финала. Но все так и закончилось — ничем. История неожиданно оборвалась.

Наша героиня, Верочка, отличается от остальных прекрасных обитательниц нашего поселка только одной странностью: она постоянно носит в сумке топор. Обычный топор, пригодный для колки дров. Как в деревне без топора? Топор необходим, и лучину для печи наколоть, и защитить честь. А в остальном это абсолютно нормальная женщина, тридцати с небольшим лет. Проверили, больше из любопытства: у психиатра на учете не состоит, ни в одной в психиатрической больнице не лечилась. Ее можно было бы даже назвать симпатичной, если бы не какой-то не очень здоровый блеск в глазах и, пожалуй, склонность к излишне ярким нарядам. Соседи не раз жаловались на нее, страшно им, сумасшедшая, без топора из дома не выходит, даже обращались к правоохранителям, но органы только разводили руками: «Привлечь ее? А за что? Кто может запретить носить в сумке топор?» Никто. Одинокая женщина должна защищать себя сама. Тем более, что топор предмет полезный, в сельском быту просто необходим. Ну ходит и ходит, с годами все привыкли к тому, что топорище постоянно торчит из хозяйственной сумки, разве что в магазине стали требовать оставить сумку при входе, в камере хранения.

И угораздило Верочку лет пять назад сломать руку, сломать так, что пришлось ее оперировать. Операция была сделана удачно, и тут-то все и началось. Весь поток нерастраченной любви обрушился на лечащего врача-травматолога. Верочка не стеснялась открыто проявлять свои чувства, ординаторская к приходу доктора заваливалась цветами, конфетами. Когда не хватало денег, цветы срезались на привокзальной клумбе или приносились с местного кладбища. Травматолог поднимался на отделение по запасной лестнице и, переодевшись в санитарной комнате или в кладовке, бежал наверх, в операционную. Он прятался от нее в мужском туалете, куда мы предлагали ему перенести свой стол из ординаторской и вести прием там. Не помогало ничего. На отделении все привыкли к его крику по утрам:

— Верочка, да пошла ты на х…!!! Я тебе который раз говорю, меня женщины уже не интересуют. Все, Верочка, я импотент, у меня давно уже не стоит!

В ответ раздавалось:

— Олег Анатольевич, ах, Олег Анатольевич, да вы меня просто не знаете. Со мной у вас все будет прекрасно, все будет хорошо, вот увидите, у вас все получится.

Подкараулив в коридоре, просила:

— Олег Анатольевич, ну посмотрите на мою руку, что-то она у меня стала побаливать.

— Да все нормально у тебя с рукой, отстань ты от меня!

— Нет, ну вы хотя бы ее потрогайте!

— Не буду я трогать твою руку!

— Ну тогда грудь…

Товарищи по работе советовали:

— Нет, Олег, придется тебе уступить. Смотри, женщина опасная, с топором ходит, а у тебя двое детей. У дома еще тебя не караулит?

— Пока нет, она адреса не знает, но мы на всякий случай к теще переехали.

— Интересно, как она не догадается ногу сломать, чтоб к тебе снова поступить?

— Ты только не вздумай ей это посоветовать!

Верочка и без наших советов ломает ногу, и никто не сомневается, что делает это специально. Снова оперируется у своего любимого хирурга.

И неожиданно Верочка исчезает. В хирургической ординаторской ни цветов, ни подарков. И сразу какое-то ощущение пустоты и утраты. Даже поинтересовались, жива ли? Местные говорят, жива, все так же гуляет по поселку, с топором в сумочке, но в больницу не заходит. Что произошло? Загадка.

Доктор Беленький

— 1-

Утром, часов в шесть, звонок в реанимацию из приемного отделения: к вам везут клиническую смерть. Я давно уже считал оставшиеся минуты до конца смены, измеряя шагами коридор, сравнивая полученное расстояние, 75 шагов, с количеством половых плиток (0,3 м плюс 5-мм шов между ними), поэтому встретил очередного клиента прямо у лифта. Санитары вкатывают на каталке окоченевший труп мужчины, лет 45, с пятнами гипостаза на лице, слава богу, еще без признаков разложения. За каталкой семенит дежурный терапевт, доктор Беленький. На вопрос, где же ты тут увидел клиническую смерть и почему в таком случае он не оказывает никакой помощи, он попытался сделать пару толчков в грудь трупа, изображая массаж сердца. Доктор моментально посылается на хуй и вместе с трупом молча уезжает обратно вниз, в приемное отделение. Опытная лифтерша, понимая, что окоченевший труп в реанимации я не задержу, не стала уезжать на первый этаж. У входа в отделение сидели удивленные родственники, два мужика и тетка, судя по внешнему виду, люди не очень сложные, с явными монголоидными чертами физиономий. Вероятно — приезжие. Спрашивают, как же такое могло случиться? Только что дышал, мы спокойно спали, женщина вдруг проснулась от его храпа, позвонила брату. Тот приехал на своей машине, они его погрузили на сиденье и привезли в больницу. Всего-то прошло времени часа два, не больше. Тут же рядом, от силы час езды. Спасите. Объяснив двумя словами (он умер) бесперспективность ситуации и проводив родственников, я продолжил свои вычисления. Оставалось работать еще 138 минут.

Надо сказать, что доктор Беленький страдал тяжелым аутизмом, вернее, от этого страдали окружающие его люди, и поэтому он никогда не задерживался подолгу на одном месте работы. Нестандартность мышления в сочетании со специфическим слабоумием не позволяли ему заняться каким-то одним делом, и к сорока годам он сменил не один десяток специальностей, от кардиореаниматолога до гомеопата. В его трудовой книжке уже было 2 вкладыша. Среди его сертификатов встречались просто экзотические, типа выпускника Израильской школы фитотерапевтов, магистра гомеопатии и экстрасенсорики. Единственное, что он делал безошибочно, так это выносил

диагноз СПИД на обложку истории болезни, причем при первом осмотре больного, без всяких анализов, и при этом никогда не ошибался в диагнозе. Как это ему удавалось, было тайной. Во всех остальных диагнозах он ошибался.

За 76 минут до конца дежурства меня посетила мысль: а что же этот шизофреник напишет в истории болезни? А если вдруг он догадается написать, что доставил в реанимацию больного в состоянии клинической смерти, а там был послан, то у меня будут большие проблемы. Надо спуститься в приемное и оставить какую-нибудь запись в истории болезни.

В приемном отделении утренняя суета. Перед сдачей смены всегда надо успеть сделать много дел. Беленького на месте не оказалось. Поймав на бегу дежурную медсестру, спросил, где история болезни умершего. А нет истории, ответила сестра. Как так, труп есть, а истории нет? А как же он его оформит? А не надо никого оформлять, сказала медсестра. Родственники спрашивали Беленького, что же нам теперь делать, но вы его так расстроили, что он сказал им: ваш труп, делайте с ним что хотите, можете увозить. Те молча снова погрузили тело в машину и увезли.

Способность удивляться проявлениям идиотизма была утеряна еще в институте. Но здесь ситуация была неординарная. Неизвестный труп молодого мужчины, привезенный неизвестными людьми, на машине, у которой не то что номер, даже марка не известна (кажется «девятка», кажется темная.)

— А фамилию то он хоть записал?

— Да нет, так отдал. Сказал, что чего ему историю болезни заводить?

Хорошо, необходимость в записи дежурного реаниматолога отпала. Одной проблемой меньше, как говорят наши правоохранители: нет тела — нет дела. Но надо рассказать о происшедшем на утреннем обходе. Оставшееся время до конца работы ушло на обсуждение ситуации. Вспоминалась известная свалка старых автомобилей из кинофильма «Криминальное чтиво», мистер Уиткинс, решающий все проблемы, его фраза о том, что убитого негра никто не спохватится, и прочие эпизоды. В общем, конец дежурства прошел весело. История пересказывалась каждому приходящему на работу. В ординаторскую, услышав смех, заходит начмед, интересуется, чего же в ординаторской так весело? Начмеду предложили повеселиться вместе с остальными, пересказав в очередной раз историю. Но начмеда ситуация не развеселила:

— Где этот мудак? Я сейчас убью эту скотину!!! (Дальше нецензурно.) Что за труп, откуда, почему даже не записана фамилия?!!!

Мы тоже затихли. Понять начмеда можно, если вдруг там криминал и смерть насильственная, то неприятностей у администрации мало не будет. В течение дня была оповещена вся милиция района, подключено ГУВД, даже обратились с просьбой о содействии к частным охранным структурам, к местным браткам, в счет оказанных в прошлом и будущем медицинских услуг. Тишина. Пять дней прошло, никакой труп в озере не всплывал, на обочинах дорог и в лесах не находился. Появилась надежда, что не всплывет, что его сожгли в печке или по крайней мере глубоко закопали.

На шестой день в приемном отделении раздается звонок. Звонят родственники умершего. У них созрел вопрос, а что же теперь делать дальше? Нельзя ли его снова привести в больницу, а то он дома лежит, разлагается. Лето, завонял уже. Ответили, что нет, привозить не надо. Надо подождать, когда к ним приедут.

— 2-

К вопросу о способности доктора Беленького ставить больным диагноз «СПИД» ходили легенды. Однажды с утра в субботу подходит дежурный терапевт, рассказывает. Накануне Беленький положил на отделение гостя с Украины, написав ему на обложке истории два слова: «СПИД. Деменция». Фамилия гостя была Калитка. Что было особенно интересно, гость месяц назад обследовался в инфекционной больнице имени Боткина, где никакого СПИДа у него не нашли. На вопрос откуда взялся этот диагноз Беленький отвечал, что Калитка — пидор, потому что сопровождавшего его товарища назвал своей женой. Зав. отделением приказал дежурному терапевту гнать Калитку в шею, как только нарисуются его родственники, но терапевта насторожили некоторые странности в его поведении, и он пришел за советом. Посмотреть больного он не просил, но мне уж очень захотелось взглянуть на педераста с фамилией Калитка. Фамилия наводила на игривые ассоциации: «Отвори потихоньку калитку….»

Поднимаюсь на терапевтическое отделение. В отдельной палате на полу сидит человек и с аппетитом поглощает туалетную бумагу. Отмотав от рулона удобный кусок, комкает, запихивает в рот и запивает лимонадом. Человек явно наш, реанимационный. Лихорадка за 40, одышка. Срочно тащу его к себе в реанимацию. Рентген, анализы. На рентгене — тотальная пневмония с обеих сторон. Тянуть некуда: наркоз, перевод на

искусственную вентиляцию легких. Приходят результаты анализов, как говорится, диагноз товарища Саахова полностью подтверждается: сепсис с поражением всех внутренних органов. Попутно начинается синдром ДВС (дисиминированного внутреннего свертывания крови). Как всегда пропускаешь его начало, первый этап, а замечаешь, когда кровь начинает сочиться из всех мест, в первую очередь из десен. Тут уже не помогает никакая гемостатическая губка, никакие препараты. Остановить кровотечение удается только прижиганием раскаленным на пламени зажигалки хирургическим зажимом. При этом дежурного хирурга, стоявшего рядом и наблюдающего за процессом, выворачивает наизнанку. Слабоват оказался парень, а еще отставной майор, побывавший не на одной войне.

В общем, адреналина с товарищем Калиткой хватило. Хватило надолго, когда состояние более-менее стабилизировалось, начинаю заполнять лист назначений и не замечаю, что вместо слова-фамилии Калитка пишу слово Скамейка, вероятно вспомнив персонажа одного известного армейского анекдота.

Через пару дней Калитка погибает от септического шока. Тотальная пневмония оказывается туберкулезом, а его такое быстрое, тяжелейшее течение связано с чем? Связано с наличием у Калитки СПИДа. В результате я имею очень конкретные неприятности из-за того, что заразного больного положил в общую палату. Плюс за расхождение диагнозов второй категории, хотя даже рентгенолог, описывая снимок, ни словом не обмолвился о наличии туберкулеза. Просто не бывает в наше время таких туберкулезных пневмоний. Была какая-то комиссия, разбирала нарушение санэпидрежима. А надпись на листе назначений «Скамейка» лишь усугубила мое положение. Так что Беленький оказался прав, за исключением одной мелочи — Калитка не был педиком. Приходила его законная жена, она оказалась женщиной. Беленький ходил по больнице, обращаясь к каждому: «Вот видите, я говорил!» При этом казалось, что щеки Беленького лопнут от гордости, а ты рано или поздно не сдержишь своего желания пробить их кулаком до самых коренных зубов.

— 3-

Беленький увлекался гомеопатией. Даже пытался своими горошинками воскрешать больных. Просил сообщать ему, если у нас в реанимации случается клиническая смерть. Я ему объяснял,

что если ты начнешь лезть к больному, когда идет процесс реанимации, самое мягкое, на что можешь рассчитывать, — это посылание на хуй. Нет-нет, говорил Беленький, я подойду только тогда, когда все уже будет закончено, когда вы констатируете биологическую смерть. Честно говоря, если есть посторонние свидетели, то попытки оживить организм продолжаются до победного конца, то есть до трупных пятен или окоченения. Без свидетелей такой фанатизм случается редко. Бесперспективность попыток оживления видна гораздо раньше. Так что лишние глаза нам не нужны. Но из какой-то студенческой солидарности, а мы оба почти одновременно закончили Первый медицинский, я разрешил ему потешиться. Узнав о свежем трупе, Беленький переодевался в ярко-оранжевый хирургический костюм, подходил к больному, клал в рот две горошины и молча уходил. После этого тело отвозили в морг. Цель манипуляции была не ясна.

Иногда ему давали пользовать горошинами живых лиц с какими-то редкими безнадежными болезнями, о которых можно прочесть не во всяком учебнике и лечить которые никто не умеет. Беленький брался за это дело со словами: «Я этого заболевания не знаю, но думаю, что здесь должен помогать хром (никель, цезий или другие элементы)». Эффект был один и тот же.

Госпитальная зависимость

Читаю красивое определение: *«Госпитализм возникает при пребывании в течение длительных периодов в больничной среде. Вследствие этого пациент вживается в роль хронически больного, его пребывание в стационаре становится «стилем жизни». Отвыкая от жизни за пределами больницы, человек порой прикладывает значительные усилия для того, чтобы вновь вернуться в стационар. Под ним понимаются неблагоприятные, в первую очередь психические условия больничной среды и результаты их действия на психическое и физическое состояние пациента».*

В целом верно, и бывает, что избавиться от таких пациентов — задача не из простых. Мудрые преподаватели в институте учили: больного с первого дня надо настраивать на выписку. Иначе залежится. Не все учились хорошо, и вот перед глазами, прямо перед твоим носом свежий пример на эту тему.

Бабулька, лет так далеко за 70, но вполне еще себе активная пенсионерка, при этом одинокая, скучающая по человеческому общению, ищет повод полечиться в больничке. Повод нашелся — болезнь. Болезнь пустяк, рожистое воспаление голени, эритематозная форма. Осмотрев ее в приемном отделении, хирург махнул рукой:

— Иди, бабуля домой, запиши название, мазь купишь в аптеке. Лечись амбулаторно, если что, приходи.

Но гуманный терапевт проявляет сострадание. Трудно бабке каждый день ездить в райцентр, на перевязки, на УВЧ, и он предлагает:

— У меня на отделении есть места, пусть полежит с недельку.

На пятый день бабулька по пути на процедуры падает с лестницы. При весе под 140 поступок рискованный. Перелом бедра. Травматологи, матерясь и проклиная гуманного терапевта, берут бабку на операцию. Неделя проходит в реанимации, месяц на отделении травматологии. Поставить такой увесистый организм на ноги после операции задача практически невыполнимая, и травматолог почти смирился с мыслью о том, что бабушка у него остается навсегда. Но тут с ней случается катастрофа — прободная язва желудка, перитонит. Моментально пишется перевод на хирургическое отделение. Операция, еще одна неделя в реанимации. Наступает очередь хирургов морально готовиться к написанию посмертного эпикриза. Но у бабули были свои планы на жизнь, она начинает потихоньку поправляться, даже пытается вставать и с аппетитом кушает больничную кашу. Надо срочно выписывать, пока она на пике формы, но когда

лечащий врач сообщает ей эту новость, что все, бабулька, завтра выписываем домой, вечером с ней случается инсульт. В итоге бабушка возвращается к исходной точке, то есть на терапевтическое отделение. Но уже не просто полежать, а уже как их законная больная.

Случившийся повторный инсульт отправляет бабушку с отделения сначала в реанимацию, а через четыре дня на тот свет. Опорожнив напоследок свой кишечник, бабушка, скользя по его содержимому, плывет в вечность. Плывет буквально, и несмотря на свой вес, легко соскальзывает с кровати на каталку для перевозки трупов.

Но это еще не все. Путь в лифте не долог, со второго этажа в подвал. По утрам к подвалу подгоняется «уазик» и накопившиеся там за ночь трупы едут в морг. Санитары, набрав в легкие свежего воздуха, надеются доехать, не сделав в лифте ни одного вдоха. Иной путь в подвал, по лестнице, вечером закрыт. Как несложно догадаться, проехав полметра, лифт застревает. Бабка никак не желает покидать родной стационар. Слышу в коридоре какой-то непонятный крик, удары по железу: «Срочно откройте! Задохнемся!» Кричат из кабины застрявшего лифта. Но что тут сделаешь, больничный лифт старинной конструкции, двери — броня. Ломом выбивается стеклянное окошко для доступа воздуха, двое санитаров и лифтер, пытаясь максимально высунуться наружу, дышат по очереди. Наконец втроем удается сорвать с петель одну створку дверей и выпустить узников. Тележка остается внутри. К утру вонь из шахты расползается по всему отделению реанимации. Запах скоро перестаешь ощущать, неприятно только одно — слезятся глаза. Шахта лифта рядом с отделенческим буфетом, и любители позавтракать на работе остаются голодными. Вызванная аварийная бригада приезжает только после обеда. Тело опускают в подвал, можно вздохнуть. Осталось только одно. Тело бабушки опаздывает на последний рейс автобуса, который из подвала перевозит тела в морг. В подвале тепло, и через подвал идет воздухозаборник в операционную. Трубы прогнили, давно потеряли герметичность, и часть воздуха в оперблок засасывается из подвала. Воздушные фильтры способны задержать до 100 процентов бактерий, но бессильны перед молекулой вони. В результате в операционных начинается ад. Сестры пытаются затампонировать тряпками вентиляционные отверстия, но это помогает мало. Не помогает даже отключение воздушных насосов.

На следующий день наблюдаю редкий пример единодушия коллег: заведующие всех отделений, которые успела посетить пациентка, все дружно сидят за столом и совместно пишут

посмертный эпикриз. При этом проклиная гинеколога и педиатра, на чьих отделениях бабушка почему-то не побывала. Задается вопрос: а родственникам-то сообщили? «Сообщил, — говорю, — только вот беда. Ближайшая ее родственница живет в городе Улан-Уде. Она обещала приехать, но как только сможет. Говорит, надо отпуск оформить, билеты купить на поезд. Пока доберется… В общем, не раньше, чем через неделю. Так что, бабушка, похоже, у нас в морге еще задержится».

Маугли

Давно привык к тому, что все самое лучшее достается мне. И снова окружающая природа, наш русский лес, а точнее — чахлый березнячок на краю поселка, подарила мне очередную встречу с прекрасным. На этот раз уникальную в наши дни удачу познакомиться с бредом кристальной чистоты и алмазной прочности, самостоятельно развивавшимся годами без какого-то вмешательства нашей психиатрии. Все началось так: солдаты из соседней воинской части прочесывали близлежащий лесок. Последние дни там раздавались женские крики, стоны, иногда плач или смех. По ночам звуки мешали бойцам спать, пробуждая эротические фантазии. Когда крики стали негативно отражаться на боевой подготовке, командование обеспокоилось, построило пару взводов в шеренгу и отправило на поиски источника криков. В землянке, оборудованной из полуосыпавшегося окопчика, то ли времен великой войны, то ли выкопанного позже на учениях, воины обнаружили существо женского пола, на вид лет тридцати — тридцати пяти. Существо носило человеческую одежду, имело на удивление опрятный вид, единственной странностью в одежде была армейская маска на лице с прорезями для глаз. Одетые в такие маски персонажи ныне постоянно мелькают в телевизоре, разве что у нашего она была более плотной, из нескольких слоев ткани. Как настоящий человек из повести Бориса Полевого, существо ползало на коленях по снегу. Обе ступни были отморожены. Дальше естественное попадание в стационар.

Пытаюсь выяснить, что заставило существо жить в землянке. Диалог выглядел примерно так:

— Как вас зовут?

Женщина представилась, назвала имя, возраст, домашний адрес, все верно, все соответствовало данным паспорта, найденного в кармане.

— Скажите, Светлана, а что вы делали в лесу?

— Я там живу. Уже несколько лет.

— В землянке?

— Почему? В домике, я там домик построила, там рядом у меня банька, курятник недавно срубила, весной кур разведу. В гости приходите.

— Нет там никакого домика, мы в этот лесок иногда ходим праздники отмечать, никто там никакого домика не видел.

— Вот и не видели, потому что пьете. А я не пью, поэтому и построила. И в больницу к вам я не лягу.

— А как же ноги?

— А что ноги? Ноги не мои.

— Понятно, что теперь уже не ваши. Отморозили вы ноги, ампутировать придется.

— Да просто печку было не растопить, и на снегу огонь никак не разгорался, холодно.

— Слушай, ты случайно не пьешь, а?

— Нет, доктор, вообще почти не пью, ну очень редко. Да и денег у меня нет, вот совсем ничего осталось, — достает из кармана несколько монет, показывает, — а мне еще на них всех гостей кормить надо. И самой жить.

— А чего тебе дома не живется, у тебя ведь квартира есть, совсем рядом.

— Я ее брату оставила. Нет, он меня не выгнал, просто им тяжело со мной, ко мне много народа приходит. А у него двое детей, им еще рано такие вещи слушать. Вот я и ушла в лес жить.

— Давай-ка про гостей поподробнее. А кто к тебе приходит?

— Многие приходят. Ну вы понимаете, они сначала мне снятся, как бы во сне. А потом нет, уже не снятся, они потом приходят, и у меня внутри кто-то постоянно есть.

— А что они там делают? Разговаривают?

— Нет, чаще молчат, но они там трахаются. Ну то есть, как бы это сказать, они у меня там внутри сексом занимаются. Иногда так активно, что все из меня наружу вытекает.

Становится интересно, включаю диктофон, порадовать знакомых психиатров. Дальше идет точная расшифровка записи.

— А ты их знаешь?

— Многих знаю, сначала отец с матерью приходили, покойные. Но им же больше негде, это понятно, не на кладбище же. На кладбище любовью заниматься грех. Потом друзья, все знают, у меня всегда свободно, места всем хватит.

— Так они снились тебе или на самом деле приходили?

— Сначала снились, потом на самом деле. Ну я же чувствую, все же наружу из меня выходит. Хотите покажу, как вытекает?

— Нет, не хочу! Получается, что ты просто какое-то вместилище порока? А теперь только честно, ты когда последний раз в дурдоме лечилась?

— Ни разу не лечилась, я что, ненормальная?

— И что, ни разу никогда не была в «Скворечнике»? Вы же по прописке, кажется, должны лечиться там, в третьей психбольнице?

— Нет, была, но я сама туда приходила, одного профессора искала.

— Значит, все-таки была? А на учете в диспансере не состоишь?

— Нет, не состою. Что, вы меня за ненормальную принимаете?

— И водки не пьешь?

— Нет, не пью.

— Слушай, а ты мне не врешь, а? Ты что, будешь утверждать, что с таким бредом ты ни разу не была в «Скворечнике»? Я ведь сейчас проверю. Если тебе в лесу надоело, ночевать негде, так и скажи, мы тебя все равно с отмороженными ногами положим в отделение.

Набираю номер приемного покоя психбольницы, беседую с дежурным врачом. Странно, но такая действительно не попадалась. Какое-то чудо. Чтобы в наши дни, с таким бредом — и ни разу не столкнуться с психиатрией? Невероятно.

— Ладно, говоришь, что все же была в дурдоме? Что за профессор там тебе понадобился?

— Да я туда ночью прилетала. Искала профессора Кандинского…

— Чего?! Слушай, так ты, может, его книг начиталась, про псевдогаллюцинации, а теперь мне телегу задвигаешь?

— Я его не читала, я знаю, он давно умер, но мне говорили, что он хороший доктор. Как раз во всем этом разбирается. Я его на том свете искала.

— Разбирался. Нашла?

— Нет пока, но найду обязательно, теперь я знаю, где он….

Вопрос только в том, что делать с такой красотой. Ни один сумасшедший дом не возьмет безумного человека с отмороженными ногами. Ни одно хирургическое отделение не захочет держать у себя активного шизофреника. Ну до утра полежит в реанимации, а дальше? Ждать, когда отвалятся стопы, когда заживут ноги после ампутации? При отморожении это процесс длительный.

— Слушай, а сейчас в тебе кто-нибудь трахается?

— Сейчас нет, сейчас у меня внутри двое мужчин…

— Педики, что ли?

— Нет, просто сидят, разговаривают, разве сами не чувствуете? Чувствуете запах пота? Он же явно мужской, вот понюхайте, — поднимает одну руку, — тут одним пахнет, а тут — другим.

— Не хочу, не знаю, может, запах и мужской, но судя по нему, потеют сейчас мужики сильно. Ладно, давай анализ крови сделаем.

— Я не дам уколы делать, я знаю, вы своими уколами нормального человека в дурака превратите.

— Да нет, видишь — пустой шприц, мы только кровь из вены

возьмем.

— А, берите, вы все равно мне в вену никогда не попадете, попробуйте, рука все равно не моя.

— А чья?

— Ну мужская же рука, разве не видно? Сейчас вы анализ ДНК сделаете, я знаю, он покажет, что рука не моя. Ой! Больно, и что, в вену попали? Странно, значит, все же моя… Интересная мутация. Но если в вену попали, значит не моя.

— А еще вопрос. Ты на что там живешь? Работаешь?

— Нет, не работаю. Там лес, как можно в лесу не прожить? Грибы я на зиму заготовила. Ягоды. Прожить можно.

— Ладно, полежи до утра у меня в реанимации. Согласна? Завтра психиатр придет. Давай пока укол сделаем, поспишь. А то отогреешься. Ноги начнут болеть, пусть они уже не твои.

— А что вы мне назначили?

— Седуксен.

— Зачем? Дайте инструкцию к препарату.

Не жалко, принес инструкцию. Знакомьтесь.

— Не понимаю, для чего он мне? Если у вас тут сейчас двое мужчин в армейской форме, гаечными ключами мне в ногах закручивают гайки, разве это, по-вашему, повод лечить меня седуксеном?

Даже не знаешь, как и возразить. Действительно не повод. Не объяснять же, что никаких мужиков рядом нет. Потеряешь доверие, с таким трудом налаженный контакт.

Пришедший утром новый доктор-психиатр не разобралась в тонкостях душевной организации. Пожимая плечами, сказала, что такого не видела никогда, только читала в книжках. Так и не смогла поверить, как человеку за много лет до сих пор удавалось избегать контактов с ее коллегами. Похоже, решила, что мы ее разыгрываем, подговорив пациентку, и даже показалось, что слегка обиделась. Уходя, попросила, если появятся родственники — прислать к ней. Родственники так и не появились. Девушка вместо одной ночи пролежала в реанимации недели две. Каждый день аккуратно по просьбе хирургов писала расписки, что отказывается от ампутации. Писала, что ноги не ее и она не вправе распоряжаться чужой собственностью. Конечно, расписки, написанные безумным человеком, ни имеют никакой силы, но и в сумасшедшие ее пока официально не определили.

За пару недель мы почти подружились. Иногда она просила прогнать какого-нибудь нежелательного гостя, напрашивающего к ней переночевать. Почему-то при ее виде постоянно вспоминался рекламный слоган: «Когда руками работают с душой…» Не помню, что там рекламировали, но представлялся некто в образе

мясника, ковыряющийся в чьей-то душе огромными грязными руками. С этой нетронутой душой так никто еще и не поработал, ни руками, ни иными способами.

Только под шумок, поздним вечером, удалось отправить ее на отделение. Якобы в связи с отсутствием мест в реанимации. На самом деле, договорившись с дежурным хирургом обменять ее на другого сумасшедшего, более опасного для себя, человека с нашей родной любимой белой горячкой. Горячий человек хотел, как Гарри Поттер, оседлав швабру, вылететь на ней в окно. А наша больная в окно не стремилась, а далеко убежать на своих обмороженных ногах не сможет. Даже если кто-то из гостей и посоветует выйти в окно — не дойдет.

Русский нуар

Пятый канал телевидения радует, еженедельно повторяя любимые фильмы. Три великих дела нашего кинематографа: «Дело пестрых», «Дело Румянцева» и «Дело № 306». Смотрю и наслаждаюсь. Интрига, захватывающий сюжет. Жаль, устарели, не отражают действительность. Сейчас у нас все проще. Помнится, местная пресса освещала зверское убийство в одном из наших поселков. И как оно было раскрыто в течение пары часов. Если бы существовал конкурс на самое идиотское преступление, наши злодеи вполне могли бы не только номинироваться, но и гарантированно получить первый приз в виде пожизненного заключения. Впрочем, они его получили. Детективный сюжет выглядел так:

Две подружки-сестренки часто принимали гостей в своей квартире. Двери их дома были всегда открыты, все джентльмены из окрестных селений знали, что тут их ждут, тут им рады, тут они всегда найдут свою любовь по цене значительно ниже рыночной. Каждый день гости, шум, музыка. Постоянные споры кавалеров, кому выпадет честь первому пригласить дам на танец. Споры заканчивались телесными повреждениями, от менее тяжких до смертельных. Соседи часто вызывали правоохранителей, но в полиции, услышав адрес, даже не пытались приезжать, объясняя звонившим, что если будет труп, даем слово — сразу приедем, а так чего ехать-то, километров за тридцать? Только, чтобы разогнать гостей? Зачем? Не пройдет и пары часов, как общество соберется вновь. Надо сказать, слово свое сдерживали: если в квартире случался труп — приезжали.

Кто конкретно убил одну из сестер — ее собственная сестрица или посетители, а сестры порой тоже ссорились между собой из-за кавалеров, как-то никто особенно не интересовался, но двое гостей приняли активное участие в сокрытии улик. Вытащив тело на улицу, вскрыли автомобиль «УАЗ», стоявший на стоянке во дворе, затолкали труп на сиденье. Но российский джип проявил строптивость и ехать отказался. Тогда друзья угнали стоящую рядом иномарку и, почему-то забыв про труп, скрылись. Убитая так и осталась лежать в «уазике». Злодеи не учли две вещи. Технический прогресс шагнул далеко за пределы Кольцевой автодороги, и поселок был оснащен видеокамерами, даже двумя. Одна, понятное дело, осматривала самое людное место поселка — площадь перед магазином, вторая, огромная старинная видеокамера, висела во дворе, на полуохраняемой автостоянке. Укреплена она была на столбе, на самом видном

месте, в расчете на то, что одним своим видом будет отпугивать потенциальных угонщиков. Все были уверены, что висит она исключительно для острастки. Но как ни странно, она работала. Снятый ею видеоролик моментально побил в поселке все рекорды по просмотрам. Пьяные рожи, занятые своим грязным делом, были моментально опознаны, осталось только их поймать. И тут свою роль сыграла их вторая ошибка. Из всех машин на стоянке злодеи придирчиво выбрали две, и оказалось, что обе, седан для деловых поездок на работу и джип для внедорожных приключений, принадлежали местному гаишнику. Стоит ли говорить, что поймали их быстро? Без драматической погони и стрельбы.

Пресса еще пару месяцев продолжала информировать об этом громком деле, о резонансном убийстве, писали, что дело даже дошло до суда.

Делюсь новостью с дежурным хирургом, жителем этого же поселка, соседом убитой.

— Слышал, там про твою соседку пишут, говорят, суд скоро. У вас в доме хоть потише будет.

— А, так она уже месяц как в психушке лежит, ее на вменяемость проверяют. На нее хотят еще одно дело повесить. Помнишь, летом у нас гараж сгорел, снаружи закрытый, в нем три трупа нашли? Так это были ее друзья-собутыльники. Одно хорошо: больше в квартире никого нет, пусто, мы даже мебель наружу в окна выкинули, чтоб не воняла. Теперь там тишина.

— Так у нее же вроде бы муж был? Тоже сидит?

— Ну ты вспомнил! Его еще в прошлом году собаки съели.

— ???

Хирург откидывается на спинку стула, сложив руки на животике, устраивается поудобней и неторопливо начинает рассказ:

— А чего ты удивляешься? Помер-то он скорее всего сам, в своей квартире, а у него две собаки было, овчарка и какая-то шавка приблудная. А подруга его тогда тоже в психушке лежала, а где сестра была, не знаю. Вернулась, а на пороге две сытые собаки встречают, облизываются. И кошки все живы, тоже сыты, кошек несколько штук у них было. Никто не знает, сколько он там пролежал, но собаки-то проголодались и обработали его капитально, одни джинсы остались. Череп еще долго искали, он под диван закатился. Все, что от него осталось, участковый из квартиры один вынес, в полиэтиленовом пакете из «Пятерочки»…

— Круто. И где теперь эти собаки? Пристрелили?

— Да по поселку теперь бегают, побираются. Не нужны? Та, которая овчарка, ничего, хорошая, здоровая такая. Но вот что

странно, она у него в квартире жила, а вторая, дворняга, та никогда в квартиру не заходила, ее просто не затащить было. Она погуляет с ними и на улице остается, там у подъезда для нее будка была сколочена. А кто ее в закрытую квартиру запустил, вот это вопрос…

— Да нет уж, спасибо, не нужна мне овчарка.

— Зря, хорошие собаки. Ты бы видел, как они его охраняли. Он на дороге завалится, уснет, они сидят рядом, никого не пропустят. Он лежит поперек дороги, не проехать, а выйти, отогнать собак, его оттащить в сторону — страшно. Так мог целый день валяться. Умные собаки. Наверное знали, что свой будущий ужин охраняют.

— Да, у вас там жизнь кипит! У нас по сравнению с вами тишина. Ваш-то поселок со страниц криминальной хроники не сходит. Опять какая-то тетка любовника зарезала. Пишут, от полученных ранений мужчина скончался на месте. Знаешь ее?

— А то, конечно знаю. Но только это же еще в начале года было, мы почти забыли. Она уже давно на свободе. Да и просидела-то всего два дня, говорят, отпустили под подписку. Там как было, мужик пришел с ночной, жена в хламину, и труп ее хахаля на полу. Прямо ножом в сонную артерию. Мужик трупак вынес на улицу, ну и, понятное дело, лег отдыхать. Не спалось ему, понимаешь, в одной квартире с трупом, пусть полежит на газончике, пока рабочий класс отдохнет. К вечеру только разобрались, откуда взялся этот трупешник, что на улице взялся, поняли, что из ихней квартиры принесли. Баба как раз протрезвела, ее и забрали.

— Так что, она на свободе?

— А хрен ее знает, у кого спросишь? Она только с соседкой общалась, бухали они вместе. Но та вместе с мужем вскоре в сарайчике сгорела. Одни кости остались. Хотя знаешь, давно что-то не видно, уже с неделю, а мужик ее кому-то говорил, что упекли ее в дурку. И знаешь, что странно? Я ее мужа каждый день вижу, он в соседней парадной живет, так вот, смотрю, он каждое утро идет на работу с полным полиэтиленовым пакетом в руках. И с лопатой. Куда идет, что там в пакете — не знаем. Спросить неудобно. Может, жену по частям выносит. Вот так.

— Да, а семейка-то, где 15 детей было? Ну та, в которой один брательник другого задушил?

— Живы, что с ними будет. И мать их жива, каждый день в лабаз ползает за водярой. Только их там не 15, а 7.

— А соседи говорили пятнадцать. Просто они своих детей, тех, что чуть поприличней получались, раздавали сестрам, братьям, соседям. Ну как котят, не топить же…

— Ну, может быть и так, не знаю, последние годы в квартире семь детей жило. Кто там считал, сколько этих дебилов из мамаши выпало. Она и сама-то забыла. А то, что один брательник другого задушил, это точно, только не подушкой, как писали, а шарфом. Я с этим убивцем в одном классе учился. Он потом совсем умишком тронулся. До сих пор его встречаешь, он на себе рубаху рвет: «Я не хотел! Я не хотел убивать брата! Просто он в зенитовском шарфе все время ходил, не снимал даже ночью. Ты представляешь? В шарфе, блядь! Я за концы шарф потянул, и все, и нет больше у меня брата!»

— И не посадили?

— А кому он нужен, придурок? Не поверишь, я у них один раз был в квартире, еще когда в школе учились. Это пиздец. Кухня, значит: стол газеткой застелен, на ней какая-то рыба недоеденная, вонь. Посередине стола лежит ложка. Алюминиевая такая, старая. Смотрю — из комнаты ковыляет девочка-дебилка. Увидела ложку на столе, как закричит: «Ложка!» Хвать ее и начинает этой ложкой из кастрюли что-то жрать. Ложка ей, понимаешь, досталась, повезло. Не поверишь, я такого счастья, как на лице у девочки, никогда больше не видел. В большой семье, как говорится, ебалом не щелкай, кто первый встал, того и валенки… Но ты в одну вещь не поверишь: из них двое самых младших — нормальные ребята. Девочка самая последняя школу с золотой медалью закончила, в университете учится. Даже какую-то стипендию от губернатора получила. И парень ничего, нормальный, институт окончил, работает.

— Странно, обычно наоборот, у таких старшие бывают еще ничего, а потом уже уроды на свет лезут.

— Ну вот такой парадокс. Ладно, узнаю, если сосед разрубил жену на части, расскажу. Опасно с такой женщиной жить, я бы наверное на его месте тоже бы закопал.

Царь-камень

Задумался над прочитанной в газете фразой: «*Неужели отчуждение молодежи от подлинной духовной культуры, национальных камней и традиций…»* А ведь верно, от камней отчуждать нельзя, особенно от национальных, опасно. Вспомнил историю, которую рассказал один товарищ. Наверняка что-то в ней преувеличено, но в основе достоверный факт, имеющий подтверждение.

Разговорились как-то с ним о камнях, обладающих целительной силой, о сейдах и прочих чудесах, которых много на Среднерусской равнине. Признаюсь, сам любитель подобной мистики, готов ехать черт знает куда, чтобы самому увидеть какой-нибудь знаменитый своими свойствами булыжник. Помню, в одной из телепередач показывали один из таких чудотворных камней в Рязанской области. Огромный монолит на берегу Оки, вокруг очередь из желающих прикоснуться, впитать в себя живительную силу валуна. И название у него есть — Царь-камень. Сила в нем сказочная, он исцеляет почти все болезни и дарит душевный покой.

Приятель сам родом с Рязанской губернии, еще не потерявший связей со своей родиной. Пытаюсь узнать у него подробности.

— Да знаю я про этот камень. В соседней деревне стоит. Шутка это. Мужик, один пошутил, теперь не знает, что с этим камнем делать.

— То есть как шутка? Нельзя над святым-то шутить, вон показывали, сколько паломников, с соседних областей едут.

— В России вообще шутить нельзя, а над святым — особенно. За неверие получишь сполна еще при этой жизни. А было так:

Мужичок, разбогатев, даже не то чтобы разбогатев, просто подзаработав за границей деньжат, решает к старости осесть в своей родной деревеньке, поближе к своим истокам, к могилам предков. К народу. Построил на своем участке мощный сруб, каменный амбар. Пусть все видят, человек живет основательно, собирается крепко стоять на родной земле, до той самой поры, пока в эту землю не ляжет. Все добротно, под старину, резные коньки, кокошники. Для постройки амбара строители-узбеки привезли несколько самосвалов камней из ближайшего бутового карьера, сложили стены на века. Но один из привезенных валунов имел такой огромный размер, что не то чтобы лечь в стену сарая, — не мог быть даже сдвинут с места трудолюбивыми мусульманами. Так и остался лежать во дворе, да и пусть, не

мешал.

Народ приходит интересоваться, как живет сосед. Сосед живет неплохо, одно непонятно:

— Слушай, сосед, а на хера у тебя камень посреди двора? Чего не уберешь?

А сосед возьми да ляпни:

— Да ты что? Он здесь миллион лет лежит! Его трогать нельзя.

Сказал и забыл. Не признаваться же, что лень вывезти. Но следующие посетители не заставили себя долго ждать. Народ проявляет интерес:

— А правда, что у тебя тут камень миллион лет лежит?

Тут бы и остановиться мужику, но захотелось дошутить шутку до конца:

— Конечно правда. Знаменитый камень, о нем еще в летописях писали. Витязь на распутье, слыхал? Это про него.

Как не поверить? Мужик серьезный, с Европы вернулся, там люди трезвые. Вскоре о камне заговорили: «Это ж надо — милльён лет! Не, такой камень не может не иметь свойств, такой камень должон исцелять!»

И потянулись страдальцы, уверовавшие в силу камня. И само собой нашлись исцеленные от недугов. Сначала это были местные селяне, потом народ с окрестностей. К камню как-то незаметно приклеилось название, дано было ему имя: Царь. Откликнулась пресса, ушлый корреспондент посетил достопримечательность. Серия статей в местной газете с описанием камня, с рассказами об исцеленных, подогрела интерес. Незаметно родился ритуал. К камню полагалось подходить босиком, оставив обувь за забором. Лучше, конечно, приближаться ползком, но во дворе с вытоптанной травой было грязновато. На каких-то форумах исцеленные обменивались опытом, как получить от камня максимальную пользу. Рекомендовалось полежать на камене, устремив взгляд в космос, но в ясную погоду это удавалось редко, потому как полежать желали многие. Все ветки деревьев и кусты вокруг покрылись разноцветными ленточками, несмотря на протесты ревнителей истинного православия, считающих развешивание ленточек бесовским ритуалом. Тут пришла пора сказать свое слово ученым. Тема целебных свойств не отрицалась, но требовала изучения с точки зрения науки, а тот факт, что огромный валун стоит на рыхлом грунте, рядом с берегом реки, стоит миллион лет и по какой-то причине за все эти годы не проваливается в песок, был необъясним. Ученые развели руками: «Придет время, исследуем феномен, а пока загадка. Не иначе — промысел». И Царь-камень включается в официальные списки

местных достопримечательностей, как памятник природы и наследия. Сюжет, показанный по центральному телевидению, множит число паломников.

— А как же мужик?

— А мужик уже давно проклял свою неудачную шутку и пытается от камня избавиться. Нет, поначалу его это забавляло, особенно вид граждан, ползающих на четвереньках по участку. Хотел было взимать плату за вход, но то ли совесть, то ли налоговые органы не позволили. Отгородиться от паломников не удавалось, поток страждущих сносил забор, протаптывая дорогу к Царь-камню. Попытался незаметно ночью вывезти его подальше, но куда? Кто-то заметил движение техники на участке, народ встал на защиту. Появилась милиция: не смей! Что с того, что он стоит на твоем участке? Земля твоя, а камень — народное достояние. Говорят, продает участок, не знаю, давно там никого не было видно.

Святые мученики

К празднику, ко Дню медицинского работника, попросили написать нечто вроде заметки, чтобы опубликовать на сайте больницы. Осветить, так сказать, проблемы, наметить пути, рассказать о самоотверженном труде на благо. Пообещали за работу выписать премию. Сочинять лень, попробуем почитать прессу, наверняка что-то подобное уже писалось. Совпадение или нет, но к наступающему празднику в средствах информации много сообщений о нападениях на медперсонал. Избили сотрудников «Скорой помощи», напали на врача в приемном покое. Все правильно, тема не нова, публика у нас благодарная, если что не так — сразу в морду. Слава богу, женщин пока не бьют. По мне, если не имеешь достойных физических данных, не знаком с навыками прикладного рукопашного боя и не готов к использованию подручных средств, если сам не в силах своими руками ушатать любого агрессивного ублюдка, то и нечего тебе делать в неотложной медицине. Сиди, занимайся функциональной диагностикой, можно податься в рентгенологи, куда угодно, лишь бы подальше от непосредственного контакта с населением. Иначе всегда будь готов получить удар в морду. Тебе, конечно, посочувствуют, возмутятся, пошумят и забудут. Но лечиться и вставлять зубы будешь за свой счет. В святые мученики, в подвижники тебя никто не запишет, как ни старайся.

Короче, позитивной информации мало и надо срочно исправить пробел. Что касается меня, то я люблю читать жития святых, особенно тех, чьи имена пишутся с приставкой мч. или влкмч., то есть мученик и соответственно великомученик. Многие среди них были интересными ребятами, немало достойных признания и памяти. Читаешь про иных, удивляешься: Матерь Божья, а почему тебя еще не канонизировали при жизни? По сравнению с ними ты просто праведник. Но поскольку впереди праздник — День медработника, почитаем про работников медицины, признанных Церковью святыми.

Наберется их не так уж и много, всего с пару десятков, а тех, что с образованием, дипломированных врачей-специалистов и того меньше, от евангелиста Луки до Луки Крымского. Оставим персонажей Ветхого Завета, отбросим санитарок, сестер милосердия, различных новомучеников, канонизированных в наше время, как пострадавших от советской власти, и останется всего ничего.

Первый, естественно, в моем списке оказался евангелист Лука. Мало кто помнит, что имел он специальность и работал

врачом, говорят судовым, пока не подался в проповедники. Где учился, где защитил диплом, предание умалчивает, о его достижениях в медицине тоже не сказано ни слова. Но человек разносторонних талантов, Лука прославился как литератор, никем не превзойденный со своими соавторами-евангелистами по количеству тиражей и переизданий. А еще как знаменитый художник-материанист, оставивший после себя с десяток изображений Богоматери, по преданию, написанных с натуры. Неизвестно, насколько мученической была его смерть, вроде как был просто скромно повешен.

Пропустим ветхозаветного архангела Рафаила, сведения про которого вообще более чем скудны, и доверять преданиям Ветхого Завета требуется с осторожностью, перейдем ко всем известному святому, который безусловно был профессиональным врачом, к святому Пантелеймону. Прославился он своими чудесами, с успехом излечивая незрячих. Но скорее всего, он просто умел оперировать катаракту, проводя так называемую реклинацию, то есть не удаляя, а сдвигая острым предметом вниз помутневший хрусталик. Операция была известна за тысячелетия до нашей эры, но имела недостаток: зрение в полном смысле не возвращалось, человек начинал различать свет, а где он в те времена находил очки в 20 диоптрий для более-менее полноценного зрения, чтобы заменить линзу хрусталика, это уже были его проблемы. Видимо, с тех пор и сохранились понятия: зрение и прозрение. Слова однокоренные, но даже близко не синонимы. Одно дело — прозреть, другое — увидеть.

Были у Пантелеймона успехи и в других областях медицины, недаром его принято изображать на иконах с ящичком для инструментов, чтобы всегда они были под рукой, и перышком, так называемым стручецом, пригодным для смазывания ран и прочих болячек. Но мы отвлеклись от темы. Смерть святого Пантелеймона может служить выдающимся примером настойчивости в достижении цели. Император Максимилиан, известный как последовательный гонитель христиан, рассердился на святого и приказал казнить, предварительно отправив на тот свет его пациентов. Поначалу Пантелеймона бросили в море, привязав камень. Не утонул. Повесить не удалось, висит, кроет императора, не умирает. По античной логике, если предмет легок и не тонет — он должен гореть. Попробовали сжечь — не сгорел. Пытались колесовать, бросали в кипящее олово, рвали клещами. Без результата. Дикие звери тоже не причинили вреда, облизав доктора, улеглись у его ног. Хотя Пантелеймон и не был римлянином, а казнь путем отрубания головы считалась почетной и полагалась только полноправным гражданам, император

приказал: так уж и быть, рубите! Могу даже специально для этой цели дать римское гражданство. Опять неудача. Меч или гнулся, или отскакивал от шеи. И тут, услышав голос с небес (что не удивительно), Пантелеймон наконец сдался: «Все, ребята, хватит, надоели. Рубите уж как-нибудь, пожалуйста». После его просьбы у палачей все получилось, но тело, брошенное в костер, так и не сгорело. Еще описывается пара чудес, типа текущего вместо крови молока, и ожившего пенька, на котором рубили голову. Пенек зазеленел, расцвел и одновременно покрылся плодами. Чудо. Вообще интересно, во времена, когда христианство было молодой религией и только-только набирало своих сторонников, когда за веру в Христа полагалось наказание, чудеса во имя Господа случались на каждом шагу. Что ни день — чудо. А сейчас сколько ни ждешь, никаких чудес. Или просто изменилось восприятие? Смотришь: зацвел пенек? Подумаешь, чудо. Бывает…

Пойдем дальше. Рассказ про двух братьев-врачей Космы и Димиана не внушает доверия. Первое, что странно, в православии описывается, что было три пары братьев-врачевателей, почему-то носивших одинаковые имена Косма и Демиан. Были они асийские, римские и аравийские. Всех объединяет то, что они бродили по свету и исцеляли страждущих. Более чем странное совпадение, напоминает клоны популярных групп, типа «Ласкового мая», которые во время гастрольного турне умудрялись одновременно давать концерты в разных городах. Если верить житиям, то насильственной смертью погибли братья из Рима, правда, не в страданиях за веру, а по причине конкретной уголовщины: зависть и происки конкурентов. А мучения аравийских Космы и Димиана повторяют страдания святого Пантелеймона, что наводит на мысль о плагиате. Все происходило опять-таки во времена царствования Максимилиана. Братьев бросали в море — не тонули, в огонь — не горели, вешали… Не удалось забить камнями, убить стрелами из луков. Камни и стрелы рикошетом отскакивали от их тел, причиняя вред не святым, а окружающим. В конце концов опять-таки пришлось отрубать головы.

В католической традиции почитается только одна пара братьев, живших и работавших в Сирии, что более правдоподобно. Естественно, им тоже пришлось рубить головы (другие средства казни оказались неэффективны). Сомнения вызывает факт пересадки ими ноги больному после ампутации. Донором стал некий мавр после своей, хочется верить, естественной смерти. Если так, то Космы и Димиана можно смело назвать первыми трансплантологами, и вполне достойными того, что их память увековечена в названии города Козьмодемьянск,

районного центра Республики Марий Эл. Скептики возразят: а может, нога почернела после их лечения или от гангрены, а они втирали пациенту, что ему пришлось пересадить ногу эфиопа? Бог знает, сомнительно, что пересадка прошла удачно, но надо верить.

В те же времена, во время правления все той же веселой парочки, Диоклетиана с Максимианом, затейливо замучен еще один врач, святой Орест Тианский. Ему вбили гвозди в пятки, привязали к коню и таскали по камням, пока мученик не отошел в лучший мир. Годом позже рубили голову другому медработнику, мученику Диомиду, правда, уже мертвому, чтобы представить императору доказательство смерти. Далее у меня по списку совсем малоизвестные святые, Кир и Иоанн, из которых врачом был Кир, а Иоанн при нем помощником: святой Антиох, Иулиан, которых убили во времена и по приказу, не сложно догадаться, все того же императора Диоклетиана, который перед своим увлечением огородничеством и выращиванием капусты на приусадебном участке успел посносить головы многим христианам. Вообще-то непонятно, почему Диоклетиан со своим соправителем, имея такую массу заслуг перед христианской Церковью, наплодив святых мучеников с запасом на тысячелетия, не включен этой Церковью в список так называемых «хороших» римских императоров?

Если поискать, можно найти еще несколько имен, которые никому ни о чем не скажут. Помнится факт, как одному из врачей, по имени Фалалей, пытались просверлить голени и, пропустив в отверстия веревки, повесить за ноги. Но сколько ни старались ребята, сколько ни потел сам император, не сложно догадаться, кто, не доверяя подручным, сверла не причиняли святому вреда. Дальше история повторяется, мученика не удалось ни утопить, ни скормить голодным львам. Пришлось применять испытанное средство — меч.

После Диоклетиана режим по отношению к христианам стал помягче, производить новых святых стали реже, и все врачи, почитаемые впоследствии, перестали носить титул мученика, чаще именуясь преподобными. Поскольку канонизировались только те, кто имел духовный сан или совершал монашеский подвиг. На днях мы вспоминали о святом Луке Симферопольском, который в миру был известным хирургом и священником Войно-Ясенецким. Кто-то из пациентов случайно оставил пузырек с маслом, якобы освященным на его мощах. Масло пошло в дело вместо вазелина. Оказалось, что мочевые катетеры, смазанные маслом, освященным на мощах лауреата Сталинской премии, легко с Божьей помощью проникают в самую заскорузлую уретру.

Он хоть и причислен к новомученикам как потерпевший от советской власти, но дожил до преклонных лет и до признания своих заслуг в медицине. Кажется, это был единственный священник, получивший Сталинскую премию. До сих пор его книга по гнойной хирургии считается одним из лучших учебников в мире, хотя написана была в эпоху до внедрения антибиотиков. Лично я по нему уже не учился, но преподаватели рекомендовали прочесть. Прочитал. Так что надо бы исправить этикеточку на пузырьке с маслом, написав полный титул святого: Масло освящено на мощах лауреата Сталинской премии, профессора, преподобного Луки Симферопольского

Поэтому советую всем своим коллегам: не пытайтесь попасть в мученики. Бесполезное это дело в наши дни, неблагодарное. Разве что придется претерпеть мучения, по сравнению с которыми страсти Пантелеймона покажутся вам просто щекоткой. Берегите себя.

Литературный дар

С утра в отделении проходят литературные чтения: читая истории болезней вновь поступивших больных, наслаждаемся художественным словом. Новый терапевт демонстрирует очередные грани своего таланта. Обещаю при всех: все, больше не напишу ни строчки — на его фоне просто стыдно брать в руки перо, карандаш или тупо стучать по клавишам. Выкину к чертям все свои блокноты с записями. Читаем рукопись Мастера, да-да, именно Мастера, с первой заглавной буквы М: «*Племянницы отмечают, что до 25-го числа включительно была в ясном уме, выходила на контакт посредством телефонной связи. Сегодня родственники нашли ее на полу в сознании и испражнениях*». Конец цитаты.

Кажется на первый взгляд как в одной фразе соединить, как сопоставить две разные, противоположные категории, идеалистическую дух, разум, и грубый, можно сказать, низменный материализм? Но это только на первый взгляд, так покажется только неискушенному читателю. На самом деле стоит задуматься, как с помощью минимального лексического материала четко выражен характер главной героини повествования, ее образ. Глубочайший старческий маразм…

Сразу вспоминается довлатовское: «родство тишины и мороза». Критика редактора, что мороз и тишина — явления различного порядка. Но фраза в неизмененном виде навсегда сохранилась в тексте, став одной из ключевых во всей повести. Далее текст насыщен профессиональными терминами, не стоит утомлять читателя цитатами. Кратко: «Сознание не значительно угнетено, 4 балла по шкале Глазго. При появлении анестезиолога (подчеркнуто в тексте), больная стала кричать, что она Ксения Блаженная, что отсюда всех увозят неизвестно куда». Немного покажется странным, что 4 балла по классификации ком Глазго соответствуют глубокой коме, когда больной уже не только не кричит, но и не реагирует ни на что. Даже на появление анестезиолога. Но примитивная шкала Глазго придумана для домохозяек, и нашему доктору тесно в ее рамках.

Не может быть, чтобы у нового классика не было аккаунта ни в одной из Сетей, такое надо читать, наслаждаться. Обещаю знакомить читающую публику с новыми трудами нашего литературного дарования. Они у меня есть. Отксерены, подшиты в папочку. Цитаты дословные, с сохранением авторской пунктуации. Человек ищет свой стиль, стремится к краткости выражения мыслей:

На учете состоит у кардиолога по поводу ПФФП, НК, ГБ, ИБС АКС. СД, БА, ЯБ, ИМ, ОНМК отрицает.

Автор позиционирует себя как стойкий последователь диалектики, смело оперируя категорией отрицания:

На учете не состоит. Амбулаторно терапевта, невролога, кардиолога, ИМ, ОНМК, СД, БА, ЯБ, отрицает.

Как многие гуманитарии он немного слаб в точных науках, в частности в математике:

Состояние пациента тяжелое сознание на уровне ступора, баллов по шкале ком Глазго = 4+2+5=13, что соответствует умеренному оглушению.

Вопрос — оглушению кого? Больного или доктора?

Хирургия

Никто нигде и никогда не любит начмедов. И это чувство обычно взаимно, начмеды тоже не любят своих врачей. Вот если бы достался коллектив получше, все было бы хорошо. Исключение из правила я знаю только одно — наша больница. Мы своего начмеда любим. И есть за что. Думаю, что с таким начмедом нам ничего не страшно и мы можем смело делать все что угодно.

С утра на столе в ординаторской нашей реанимации нахожу историю болезни некой бабушки. Самой бабушки в списках живых пациентов реанимационного отделения не числится, видимо, перевели бабушку лечиться на отделение, а историю забыли отдать. Или умерла, а отдать историю дежурному врачу опять-таки забыли. Накануне был праздник, никто не вспомнил. История толстая, есть что почитать. Читаю с самого начала. Бабушка лечится на терапии, черт его знает от чего, не совсем понятно, да это и не важно, в 88 лет найдется причина и найдется что полечить. Неожиданно бабушку переводят в реанимацию с подозрением на желудочное кровотечение. Бабушку пару дней назад утром осматривает наш замечательный хирург, заведующий отделением. Читаем его запись. Ярко описывается какая-то катастрофа в бабушкином животе: Живот вздут, резко болезненный, перистальтика не выслушивается, шум плеска, симптом Щеткина. Предполагается диагноз: «мезентериальный тромбоз», и дается указание: «готовить бабушку к операции». Бабушка всегда готова, судя по записям невропатолога, ей уже все равно, она не очень-то и понимает, где находится, что происходит вокруг и что с ней делают и делать собираются.

Переворачиваю лист в уверенности, что на следующей странице найду протокол операции. Плюс наркозную карту, осмотр анестезиолога и прочие сопутствующие бланки. До жути любопытно, что там нашли в бабушкином животе. Но странное дело — нету. Нет ни протокола, ни осмотра анестезиолога, только в 23–00 непонятная краткая запись дежурного хирурга, что с бабушкой вроде все не так уж и плохо и в экстренной операции она не нуждается. Листаю дальше. На следующий день описан подробнейший осмотр нашего замечательного заведующего хирургией. Запись начинается со слов: «Вторые сутки после оперативного лечения. Жалобы на боли в области послеоперационной раны, в местах стояния дренажей». Написано, что живот не болит, перистальтика прекрасная, кишки журчат, из них выходят газы и все остальное, чему положено выходить из

кишечника.

Следующая запись оставлена реаниматологом: раз все хорошо, больная переводится на терапевтическое отделение. Наверное, думаю, опечатка, после операции — на хирургическое. Значит, спасли еще одну человеческую жизнь. Но сохраняется интерес: что же все-таки такое сделали бабушке, от чего сразу ей стало легче, да и вообще, что с ней было? Наверное, протокол операции просто забыли вклеить. Любопытство всегда заставляет делать лишнее, и иду я искать по больнице эту бабушку, а заодно отдать историю на отделение. Нашел, и нашел действительно на терапии, но не саму бабушку, а ее трупик. Нашел, правда не в палате, а в так называемом полулюксе, а точнее, в закутке коридора у грузового лифта. Этапность в лечении у нас на высоте, и потенциально готовых к вывозу в морг кладут именно туда. Зачем потом смущать пациентов и катить каталку с трупом через весь коридор? Медсестры поняли, что труп скоро придется вывозить, и сразу определили бабушку поближе к выходу.

Ладно, может быть хоть по расположению дренажей попробую догадаться, что за операцию сделали бабуле. И тут очередной тупик. Осматриваю живот трупика и не вижу никаких на нем следов хирургической активности, кроме довоенного рубца от аппендицита. Ни шва, ни дренажей. В былые времена старые хирурги говорили: лучшая операция — это та, которая не сделана. И с этим утверждением можно согласиться, но ведь не настолько? И понимаю, что мне надо срочно сделать один телефонный звонок.

Звоню знакомому психиатру.

— Что случилось?

— Да ничего, ты просто поговори со мной. Если что-то покажется странным, скажи.

Рассказываю историю, спрашиваю: у меня это поехала крыша или такое возможно? Доктор по телефону затрудняется ответить, просит:

— Ты бы зашел завтра, поговорим, а пока выпей что-нибудь, валерьянки например.

— Валерьянки нету, есть аминазин. Галоперидол где-то есть в таблетках. Есть водка.

— Не, галоперидол не пей, водки тоже. Приходи завтра.

Надо, думаю, с утра зайти, благо приятель работает в диспансере рядом с моим домом. Но заходить не пришлось, на следующий день все прояснилось. Визит к психиатру отложим, пока.

С утра, узнав об умершей бабушке, которую уже укатили в морг, терапевты наотрез отказываются писать посмертный

эпикриз: «Мы эту бабку несколько дней не видели, пока лежала в реанимации, числилась за хирургическим отделением, кто ее обратно перевел, нам неведомо, понятия не имеем, оперирована она или нет, у вас, граждане хирурги, написано, что проперирована, вы и пишите. А в морг мы не пойдем, смотреть, есть ли на ней следы операции или нет». Я вставил слово, что никаких следов операции нет, но мне на слово никто не верит, все знают, что я могу и пошутить. Заведующий хирургией думает мысль, и по красной роже видно, что бывший полковник крепко отметил 23 февраля и начисто про бабку забыл. Может, и проперировал перед праздником, а может и нет. Приходится соглашаться, хорошо, говорит, напишу, раз пять повторив, что история нуждается в доработке. Историю он доработал, пообещав написать обтекаемо. Вырвав все листы с намеками на необходимость операции, похоронил бабулю с диагнозами, приличными ее возрасту: ЦВБ, ИБС, атеросклероз…. Без всяких упоминаний о больном животе. Лелея надежду, что придут родственники и их удастся уговорить отказаться от вскрытия. В общем, обтек полностью.

Родственники рано утром не пришли, и патологоанатом находит на вскрытии перфоративную язву желудка. Разлитой перитонит. Смерть от септического шока. Расхождение диагнозов 3-й категории. Кто не в курсе — для врача это конец. Если в былые времена за расхождение первой категории пожурят, а иногда даже и похвалят, если изобразишь попытки поставить правильный диагноз, за вторую накажут на месте, то увольнение за третью было не самым строгим наказанием.

Наш заведующий хирургией даже не поинтересовался результатом вскрытия, ему не до пустяков. А что делает начмед? Начмед идет в морг, а как она договаривается с патологоанатомом, который ей не подчиняется, это загадка. Приятель, санитар из морга, говорит, что она там ползает на коленях, что обещает патологоанатому — неизвестно, но в результате тот ставит вторую степень расхождения диагнозов. Тоже не хорошо, но неправильно поставленный диагноз якобы на исход заболевания не повлиял.

Идя сдавать дежурство, спрашиваю начмеда:

— Ну почему вы ничего раньше нам не говорили, что отмажете от любого косяка? Или это только для избранных? А то знаете, в отдельные палаты, в которых собираются самые отъявленные гоблины, вообще с собой очень хочется на обход брать, например, топор, а после обхода причиной смерти указывать какое-нибудь широко распространенное заболевание, инфаркт, к примеру, или инсульт. И в зависимости от того, как ты

ударил клиента — обухом или острием, получаешь соответственно первую или вторую степень расхождения диагнозов.

Перечитываем Стивенсона

Смотришь на происходящее вокруг и неожиданно задумаешься: а ведь зря Стивенсона считают детским писателем. Очень даже писатель интересный и актуальный в наше время. А его история про доктора Джекила и мистера Хайда оказывается вовсе не вымыслом. На работе наблюдаем за развитием одного сюжета, в надежде на его полное повторение. Возможно, окончание истории будет полностью соответствовать описанной в повести.

Расскажем еще одну историю о нашем заведующем. Наш замечательный Хирург, именно так, с большой буквы Х, он же не менее замечательный заведующий хирургическим отделением нашей больницы, требует отчета от дежурных врачей. Ежедневно вечером, ровно минута в минуту, в двадцать один ноль-ноль, и ровно в девять утра в выходные, в конце дежурства. Армейская привычка, надо быть в курсе, обозначить свою причастность к процессу. Правда, в остальное время телефон отключен и дозвониться, если надо спросить совета или не дай бог попросить помощи, приехать помочь при сложной операции, как всегда это у нас было принято, еще не удавалось никому.

Дежурный хирург звонит вечером, зачитывает отчет. Хирург сам бывший военный, привык к придури начальства. Поэтому краток:

— Поступило столько-то, выписано столько-то, прооперированы (перечень фамилий и диагнозов). Какие будут указания?

— Указание одно. Завтра (в субботу) на моем столе должно лежать ваше заявление на увольнение! Иначе будете уволены по статье. Завтра лично приеду, проконтролирую. И еще, с вас объяснительная на имя главного врача.

Естественный вопрос — а за какие грехи?

— А вы что, не помните? За то преступление, что вы совершили! Как вы посмели отправить домой ребенка с разлитым перитонитом! Теперь девочка умирает в детской городской больнице. Таким, как вы, у нас не место!

— Минуту, да, была девочка, приводили родители, причем приводили два дня подряд. Было подозрение на аппендицит, им предлагали лечь, я предлагал прооперировать, но они категорически отказались. Дважды родители писали расписку и уходили. Там все оформлено, расписка, отказ, даже подписи трех врачей, свидетелей, что, несмотря на все предупреждения, и прочее, они категорически отказываются…

По телефону слышно, как заведующий заливается опереточным хохотом:

— Ха-ха-ха. Нет в истории никакой расписки, нету! Ха-ха! И ни одного анализа вы не взяли. Вы преступник! Да за такое вас уволить мало!

Интересный поворот сюжета. Тут уже не лень разобраться. Вместе сходили в лабораторию, во всех журналах отмечено, что были анализы. Берем историю болезни, расписок родителей нет, вместо них явные следы вырванных листов. Вместо них подклеены новые, с какими-то непонятными записями. Хирург в панике:

— Вот сука, вырвал, теперь же ничего не докажешь, что была расписка.

Успокаиваю:

— Не паникуй, пошли видеозапись в приемном отделении, посмотрим, наверняка на ней видно, как тетка сидела за столом, писала расписку. Перепишем на всякий случай к себе этот отрывок, пока там охранник знакомый сидит, он разрешит. У нас еще этот контрацептив за подлог ответит.

— Да ну их, он говорит, что и главный требует увольнения, еще до начала разборок. А разборки будут, якобы уже написана жалоба. Сейчас напишу заявление и на х… Пусть завтра сам дежурит. У меня отпусков скопилось больше полугода, припомню немецкий и к чертям, давно в Германию зовут работать, уеду. Там хирурги нужны.

— Ладно, успокойся, завтра решим твою проблему, есть одна мысль.

Поздно вечером на телефон хирурга приходит СМС-ка с напоминанием: «*Заявление мне на стол!!!*»

— Опять таки, — говорю, — не переживай. Нахерачился ваш заведующий коньячком в пятницу вечером, вот и сидит, развлекается, как пираты у Стивенсона в «Острове сокровищ», черные метки шлет. Такие СМС-ки уже получили почти все ваши. Но никто же не уволился.

Утро субботы, время очередного звонка с отчетом. Напутствую:

— Если он что-то будет кричать насчет увольнения, ты ему намекни, как он вчера на плановой операции накосячил, я свидетель. Мужика после его операции надо сегодня снова срочно на стол брать, вот пусть сам приезжает и оперирует.

Возвратившись после звонка, хирург задает странный вопрос:

— А что такое сумеречное сознание?

— Ну, форма такая, помрачения сознания.

Обычно у эпилептиков. А что?

— А амнезия при нем бывает?

— Не только бывает, а обязательно должна быть по определению, человек потом вообще ничего не помнит. Но ты объясни, в чем дело?

— Понимаешь, звоню, отчитываюсь. Жду, что скажет. А он мне: «Ну вы и молодец, вы наверное устали? Столько тяжелых больных прооперировать за дежурство, я просто в восторге. Отдыхайте, а вы что, остаетесь еще на одни сутки? (Хирург по домашним обстоятельствам много лет дежурит по два дня подряд, в пятницу и субботу, о чем в больнице знают все). Ну держитесь, — говорит, — я всегда спокоен, только когда вы дежурите. Из всех вы единственный, на кого я могу положиться, в ком уверен на все сто». Странно как-то все это, о вчерашнем ни слова. Что это такое, может быть какие-нибудь вещества?

— Да черт его знает. Попивать-то он попивает, но в наркотиках не замечен. И тогда логичнее предположить агрессию с утра, с перепоя, а вечером хорошее настроение, благостное. А у него наоборот, и это почти каждый день, это не первый случай. Если только один вариант — что он пьет «Агдам», от которого сначала похмелье, а опьянение и все остальное потом. Но не похоже, он вроде коньяк пьет.

— Может, это патологическое опьянение?

— Да нет, не может быть, оно очень редко бывает, и при нем обычно слов не говорят. Агрессия — да, характерна, но агрессия молчаливая. И потом, почему оно у него ежедневно ровно в 21–00?

Загадка. Будем думать.

Наша гомеопатия

Читаю в прессе про дискуссию по поводу запрета гомеопатии, вроде собираются запретить на законодательном уровне. Интересно одно: зачем? Пусть нет от нее пользы, с самого ее основания было известно, что это шарлатанство, но зато нет и вреда. Дело добровольное, хочешь — пей горошинки, не хочешь — не пей. Помнится, родители в свое время увлекались этим методом, и дома гомеопатические горошинки были всегда. Заставляли пить строго по часам, минута в минуту, отсчитывая нужное количество горошин. Зато когда в доме неожиданно заканчивался сахар, содержимое этих пузырьков я высыпал в стакан с чаем. И даже не смотрел на названия и количество, единственное, на вкус старался выбирать те, что не имели запаха.

По мне, лучше запретить самостоятельное оказание любой медицинской помощи, введя соответствующую статью в Уголовный кодекс. А подобное лечить подобным, особенно по утрам, это не только принцип гомеопатии, но отчасти и национальная идея.

Расскажем про нашу народную гомеопатию. Ситуация такая: есть узбек. На обложке его истории болезни в графе, где отмечаются контактные телефоны родственников и указывается, чей это номер, написано кратко: Хозяин. Узбек с ним и выпил, как он потом об этом сказал, когда смог разговаривать. Выпил много, до потери рассудка и судорог. А что у нас народная медицина советует делать при эпилептическом припадке, и вообще, при любых судорогах? Правильно, разжать челюсти и что-нибудь из подручных средств воткнуть в рот. Непонятно зачем, но почему-то так считают все. А поскольку самая сильная мышца организма это жевательная, то без рычага челюсти не разожмешь. Поскольку пили в бане, то в качестве рычага применилось полено. Полено в бане всегда под рукой. Спрашивал хозяев, а почему в таком случае не кочерга? Кочерга вроде как удобней? Хозяева ответили, что они не дураки, кочергой пытались, но она почему-то согнулась. Но полено не удалось просунуть в ротовую щель, даже сбоку, где у испытуемого не хватало пары зубов. Сейчас не хватает больше. А что еще в бане под рукой? Правильно, топор. Полено слегка обтесывается клинышком и ударом обуха топора забивается в глотку. Судороги от процедуры не прошли, но у узбека исчезли остатки сознания. Еще по непонятной причине оказалось сломанным плечо, но это уже мелочь, которую мы и сами-то сразу не заметили, это ерунда по сравнению с тем, что произошло во рту.

Раз в пять лет каждый из нас должен посещать учебный цикл в Институте усовершенствования врачей. И на каждом таком цикле слушать одну и ту же лекцию под названием: «Трудные дыхательные пути». Каждый раз нам рассказывают про одни и те же сложности, которые могут возникнуть у анестезиолога при введении трубки в трахею. У кого-то короткая шея, у кого-то большой язык или не открывается рот. Мне смешно слушать эту лекцию, такая трудность, как забитое в глотку полено, наука не описывает. И действительно, во рту узбека творилось что-то страшное: на тебя смотрели два языка; заглянув глубже, ты видишь разорванное пополам мягкое (да и твердое тоже) нёбо, болтаются какие-то остатки зубов, а что там дальше, понять невозможно. К счастью, узбек дышит самостоятельно, и по звуку воздуха из трахеи трубочка вводится в нужное место. Главное, узбек поправился, через неделю уже пытается жевать, учится разговаривать ртом и просится к своим хозяевам. Хозяева у него хорошие, приходят каждый день, заботятся о своем питомце. Тяжело ему жить без любимых хозяев в нашем приюте.

Невроз навязчивых состояний

Расскажем еще про один случай самостоятельного оказания медицинской помощи, пример того, как в нашей больнице пациенты друг другу лечили невроз навязчивых состояний. Случай хотя и жестокий, но оказался вполне успешным.

Навязчивости есть у всех, и многие мы за собой не замечаем сами. Большинство их безобидные, ну например, обратите внимание, какой ногой вы вначале наступите на проезжую часть? И не удивляйтесь, если окажется, что вы постоянно делаете первый шаг на пешеходный переход одной и той же ногой, левой или правой. Да, вы можете сознательно сделать первый шаг с другой ноги, но отвлекшись, не обращая внимания, вы будете первой наступать на зебру ногой, привычной для вас. Никогда не видели людей, грызущих свои ногти? Видели, просто не обращали внимания, если только это не профессиональный грызун с рваными краями ногтей, не скрывающий своей привычки. А если так, кто-то иногда покусывает, мы не обращаем внимания, пока он не кусает ваши. А это тоже одна из навязчивостей. Кто-то ковыряется в ушах или грызет зубочистку, кто-то сосет колпачок от авторучки. Но иногда навязчивости доходят до состояния ритуала, до сложных привычных действий, и сам человек не может объяснить, зачем он это делает, зачем ему, к примеру, обязательно надо пересечь проезжую часть, прыгая на одной ноге, или войти в открытую дверь спиной вперед. Так надо, и все.

Наш пациент человек обычный, средних лет, как и все мы, и имеет навязчивость, к сорока годам доведенную до степени ритуала. Суть его действия в том, что на любой мягкий предмет мебели, кресло, диван, кровать, он садится примерно так: разбегается, подпрыгивает, разворачивается в воздухе и с упоминанием японской матери шлепается на седалище. Зачем он это делает? Дебил? Да, но не настолько, чтобы не отвечать за свои действия. Безобидно? Вполне. Кому-то мешает? Пожалуй, никому, если он занимается этим дома, кроме разве что него самого. Копчик у человека сломан давно, а на сегодняшней день он лечится от парапроктита. Допрыгался. Парапроктит штука болезненная, но задница продолжает искать приключений. Прыжки повторяются в палате. Разбег от входа, прыжок, скрип кроватной сетки. Это нравится особенно, это вызывает громкий смех, а в коридоре слышны матюги соседей по палате. Их почему-то действие раздражает, особенно ночью. Что поделать, люди нетерпимы к человеческим слабостям.

Идея борьбы родилась быстро. Пока страдалец был на очередной перевязке, соседи под панцирную сетку кровати подставили табурет. Товарищ заходит в палату, разбегается, прыгает… И с разбегу падает задницей о деревянную табуретку… Тут уж на крики страдальца прибегают врачи из ординаторской. Оперативное следствие заходит в тупик, в палате круговая порука, никто ничего не видел.

Ладно, ритуал ритуалом, но задницу надо беречь. Перед прыжком приходится заглянуть под кровать, нет ли под ней табурета. Табурета нет — совершается прыжок. Тогда соседи вместо табуретки кладут на пружинный матрас лист фанеры. Разбег, полет… Товарищу приходится менять тактику, действие усложняется: вначале надо подойти к кровати, заглянуть под нее, пощупать матрас, если мягко, можно прыгать. Несколько шагов назад, разбег, прыжок, мягкое приземление, довольный смех.

Но коллективная мысль рождает новую идею: сетка кровати снимается с опорных крючков и ставится на их края. Прощупывание матраса не выявило жестких предметов. Разбег, прыжок… Кровать складывается, Задница шлепается на пол, сверху с обеих сторон страдальца бьют спинки кроватей.

Вчера смотрю — идет, прихрамывает, рука в гипсе. Говорят, уже день, как не прыгает. Дай бог, а вдруг избавился от навязчивости?

Профессия — следователь

В районную больницу случай заносит роженицу. До роддома «Скорая» довести уже не в состоянии: стремительные роды, крупный плод, кровотечение, отслойка плаценты. Будущая мать была сильно навеселе, активно сопротивляется всему, что не связано с продолжением застолья. Приходится насильно завалить на операционный стол и пристегнуть наручниками. Наркоз. Кесарево сечение.

Радость первого кормления можно отложить, мамаша спит после наркоза, пусть заодно и протрезвеет. Ребенок в люльке для недоношенных. Когда новорожденное существо достали на свет, оказалось, что нельзя про него сказать, что оно крупное, крупное у него только одно — голова. Очень большая голова, гидроцефал. Но живет, дышит, хотя, если честно, лучше бы умер сразу или родился мертвым.

Счастливый отец мается под окнами. Вечер, охране строго указано: не пускать. Ему сказали, что жена в реанимации, ее жизнь вне опасности, в реанимацию вход запрещен, а подробности сообщат трезвому. Но товарищ не понимает, товарищ пьян. Как не повидать любимую, только что подарившую ему ребенка, сына? Реанимация на четвертом этаже, но вдруг неожиданно кто-то стучится в окно. К стеклу прижата расплющенная рожа, каким-то образом просунутая между прутьями решетки.

— Ты кто?

— А я, это, у меня тут жена лежит!

— Ну и иди гуляй, спит твоя жена.

— А кто у меня родился, сын? У меня должен был сын родиться.

— Можно сказать, что сын…

— А он на меня похож? — рожа крепче прижимается к стеклу.

— Ты еще крепче к стеклу прижмись. Вот так. Вот теперь, пожалуй, похож. Только…

Как сообщить, что у ребенка гидроцефалия, что если он и выживет на радость родителям, то будет тяжелым идиотом?

— Чего только?

— Ну понимаете, у него гидроцефалия, голова очень большая.

— О! Это здорово! Будет умный, как я. А я умный, я — следователь.

— Да нет, вряд ли он будет умный.

— Ну как так он не будет умный? Я следователь, я умный,

жена у меня следователь, и он будет умным. Следователем будет.

— Слушай, умный, слез бы ты с березы, пока она под тобой не обломилась. Супругу твою, как только проснется, мы в роддом переправим. Туда езжай домой. Дорогу найдешь?

— А то!

Голова стремительно исчезает, предсказание насчет сломанной березы сбылось. Лень, но пришлось идти во двор, смотреть, не разбился ли следователь под окнами больницы. Но нет, под окнами земля мягкая. Ушел куда-то на своих ногах. Больше его никто не видел.

Старый знакомый

С утра неожиданно поступает знакомый организм, лет восемь назад пролежавший у нас в реанимации пару месяцев. По всем понятиям, выжить после тяжелейшего тотального панкреонекроза у парня не было. Даже наш лечащий патологоанатом, попивая у меня в кабинете подаренный коньячок, а он любил заходить по пятницам, за рюмочкой коньяка поговорить о жизни, поскольку ему больные коньяк приносят редко, заранее заполнил шапку протокола вскрытия: «Представлен труп молодого мужчины на вид 20-ти лет, правильного телосложения…» Чтобы оценить правильность телосложения, попросил разрешения еще при жизни начать осмотр пациента. Другу отказать трудно, я разрешил. От таких осмотров была еще одна польза: каким-то своим чутьем Лева всегда точно предсказывал, кто в ближайшее время попадет к нему на стол, а кому пока удастся избежать встречи. Анатом постоял рядом, примеряясь, потрогал жировые складки по бокам, провел пальцами по груди и животу, сказал: «Хорошо, хорошо», — и ушел. Такой необычный осмотр человека в зеленом халате до пола и переднике из клеенки на больного произвел впечатление:

— А кто это был?

Отвечаю, что это был патологоанатом, приходил знакомиться. И если ты не будешь лежать тихо и делать все то, что тебе говорят, то очень скоро с ним встретишься еще раз.

И после этого от больного никто не слышал ни одной жалобы, ни одной просьбы отпустить из реанимации. И случилось чудо, ушел живым, правда без поджелудочной железы, но зато, что естественно, с довольно тяжелым сахарным диабетом. Пообещав, что больше никогда в жизни не будет пить пиво «Арсенальное крепкое». Слово сдержал и при встрече на вопрос о пиве отвечал:

— Не, пиво я больше не пью, мне нельзя. Вы же сами мне запретили. Я теперь только на водочку надеюсь.

На днях надежды не оправдались: откушав водочки, забыл на пару дней про инсулин и попал в реанимацию уже практически в коме, с кетоацидозом. Через несколько часов, придя в рассудок и перестав блевать, начинает привычно скулить:

— Отпустите меня на отделение.

— Тихо лежи, попал в дерьмо — не рыпайся, а то снова патологоанатома позову, знакомиться.

— Зовите, меня теперь ваш Лева не испугает.

— Лева давно уволился. Теперь у нас девушка работает,

прикольная, с разноцветными волосами. Волосы пучками во все цвета покрашены, красный, желтый, синий. Все лицо в пирсинге, наушники плеера трясутся от Рамштайна. Сплошной трэш. Я тебя уверяю, увидишь — испугаешься. Вид такой, что, пожалуй, только ее клиенты от такого прикида не вздрагивают.

— Серьезно? О, я хочу познакомиться.

— Будешь бухать — познакомишься, я тебе обещаю. Заодно и у меня будет повод к ней зайти.

Мамин кишечник

Интересные вопросы порой задают люди. У входа в отделение реанимации стоят родственники:

— Доктор, а не подскажете, где мамин кишечник?

Вопрос поначалу ставит в тупик: — А зачем вам?

— Ну мы бы хотели похоронить его вместе с ней, а то получается как-то не по-христиански. Нам сказали, что мама долго не проживет.

— Знаете, то, что осталось у нее в животе, мы его вместе с ним выписали. А то, что удалили… Честно говоря, не знаю.

Действительно, без кишечника жить тяжело, а кишок в животе их мамы осталось мало, то есть не осталось практически совсем. Началось с тромбоза, когда была удалена изрядная часть кишки, через неделю развалился анастомоз, сшили заново, повторный тромбоз, язвы с перфорацией, перитонит. Так по частям хирурги вынесли весь кишечник. Когда желудок напрямую соединили с остатками толстой кишки, решили, что хватит, больше отрезать нечего. Но после каждой операции бабуля просыпалась в здравом уме и настаивала на своем праве умереть дома, пока ей не позволили это право реализовать. Но и дома помирать пока не собирается, питаясь внутривенными смесями. Родня явно торопится.

— Не знаю, чем вам помочь. Все удаленные органы уничтожаются, а вот каким способом, сказать не могу. И потом. Вы уверены, что хотите об этом знать?

— Как это вы не знаете, это же ваша больница!

— Не знаю, я этим не занимаюсь и не интересовался, извините.

Странные люди, зачем им кишечник? Нет, я еще в свое время мог понять зятя, который просил ему отдать ампутированную ногу тещи. Ногу можно приспособить для дела, украсить интерьер. Хотя сам, наверное, предпочел бы тещин череп. Даже потом написал жалобу на сайте, что его даже не пустили на территорию больницы, забрать ногу. Видно, хорош был.

И задумался: а действительно, как уничтожаются у нас биологические отходы? В общем-то должна быть специальная печь. Такой печи в больнице нет, это точно. В лихие 90-е годы один из наших затейников — главных врачей пытался купить две. Фирменные, немецкие. Все было сделано, как положено, оформлено техзадание, проведен тендер. Смущала цена изделий, но разве в нашей стране принято экономить на здоровье населения? Но тут кто-то из недоброжелателей главного врача

проявил интерес к предстоящей покупке, и оказалось: в заказанных печках конечно можно сжигать вырезанные потроха, но предназначены они вообще-то для сжигания трупов, и печи питерского крематория по сравнению с ними просто буржуйки для обогрева строительных вагончиков. Надо отдать должное, немцы хорошо разбираются в печах для крематория. Написали в комитет по здравоохранению, намекнули, что шурин главврача — директор кладбища, и нет ли в дальнейших планах одну из печей списать и приспособить для настоящего дела? Для которого она и предназначена. В общем, покупка сорвалась.

По идее, больнички, не имеющие печек, должны отправлять отход в крематорий. Но что странно, сжечь ящик с биологическими остатками в крематории стоит раза в два дороже, чем ящик аналогичного размера с обычным человеческим трупом. Не совсем понятно почему. Наверное, за счет того, что при сжигании отходов не будет приобретено дополнительных услуг: никто не закажет зала для прощания, траурной церемонии с распорядителем, никто не даст грузчикам денег на поминки.

Пока больничная котельная работала на угле, с утилизацией отходов проблем не возникало. Главное было, пока спит кочегар, успеть подсунуть пакеты в топку и присыпать углем. Обычно по ночам кочегар спал крепко. А с утра разводил огонь в топке, действуя после вчерашнего на автомате. Но если проснувшись, обнаруживал в печи чью-то ногу, начиналось шоу. Кочегар носился с ней по двору, кричал, что прямо сейчас этой ногой замочит санитара. А как выходят из положения сейчас, сказать трудно. Говорят, санитар морга прячет их в чужих трупах и даже может в чей-то живот зашить чью-то ампутированную ногу. Но ничего сказать не могу, сам не видал, а санитар секретами своего мастерства делиться не собирается.

Трудный наркоз

Никогда не могло присниться в самом страшном сне, что на старости лет придется работать с чудом советской технической мысли с дыхательным аппаратом под названием «Фаза-5». Следом за словом «Фаза» на аппарате стоит черточка, а за ней по идее должен быть номер модели, который давно стерся от времени. Принципы работы аппарата и почему он называется «Фазой», забыты еще в институтские времена. Понятно, что описание прибора потеряно примерно в те же годы. Искать в Интернете лень, и каждый раз борешься с желанием взять в руки отвертку. И посмотреть — а что там внутри? Больше всего интересует вопрос: почему аппарат создает в легких вентилируемого организма звук, напоминающий скрип напильника по фарфоровой тарелке? Но свои функции аппарат выполняет, раздувает легкие всем желающим пройти курс сверхбыстрой опиатной детоксикации, и бог с ним, пусть работает.

Все же любовь всей моей жизни — это дыхательный аппарат РО-6. Все наше поколение на нем выросло, работало и продолжает вспоминать с грустью. А кое-где продолжает работать и по сей день. Изделие сверхнадежное, созданное где-то в начале 60-х годов и до сих пор способное работать с любым клиентом до полной победы над его организмом. Причем всегда делая это молча, не подавая никаких звуков тревоги. Мех аппарата, в отличие от человеческих легких, не порвется никогда, и не помню случая, чтобы воздуходувка выходила из строя. Единственное относительно слабое место — клапаны выдоха, теоретически могли рваться прокладки, если кто-то сопротивлялся слишком упорно, но вырезать подходящую можно было из обычного кожаного ремня, что для технически грамотного советского человека пустяк. Высокая ремонтопригодность — главное условие живучести и единственное положительное качество советской техники. Буквы в названии аппарата обозначают «Респиратор объемный», потому что кроме минутного объема вентиляции и объема каждого вдоха никакие другие параметры на нем не регулировались. Это лишнее, зачем? А что обозначает цифра 6, это как было, так и осталось загадкой. Кроме всех достоинств изделие еще и многофункциональное. Помнится, я рассказывал, как один из списанных аппаратов служит у меня на даче верстаком. Видел, как его корпус использовался в качестве шкафчика. Поэтому расскажем о еще одном, несколько необычном употреблении аппарата РО-6.

Давно, лет наверное 15 назад, трудился у нас один доктор,

врач-анестезиолог. Он, кстати, жив, даже работает до сих пор. Тогда еще молодой парень отличался небольшими странностями, но люди с опытом верили, что он себя еще покажет. И он себя показал и сейчас плотно состоит на учете у психиатра. В одно из дежурств, когда ему пришлось почти сутки безвылазно просидеть в оперблоке, в его голову пришла оригинальная идея. Испытывая острое желание опорожнить кишечник и не найдя для этого подходящего места (а туалета в оперблоке тогда не было, тамошний персонал исключительно женский, и он бегал по нужде на соседнее отделение гинекологии), парень решил использовать для этих целей аппарат РО-6, стоящий в качестве резервного, в одной из предоперационных. Стоял так, на всякий случай. Использовал он его творчески. Сняв заднюю крышку, а может, ее и не было, их часто снимали для простоты обслуживания и просто забывали ставить на место, достал дыхательный мех. Сделать это было не трудно, мех держится на трех болтах, и навалил кучу в него. Поставив мех на место, скрыл следы. И так бы аппарат простоял годы, и был бы вместе с этим куском дерьма окончательно списан, но на следующий день как раз случился тот самый всякий случай. Что-то случилось с больничной системой подачи сжатого воздуха, сломался компрессор, импортная техника отказалась работать, и пришлось в операционную прикатить старого надежного друга.

Дневным анестезиологом работала доктор, далеко уже не молодая тетенька, и не любили эту тетеньку в коллективе сильно. Как человек, проработавший всю жизнь в плановой анестезиологии, она имела свои особенности. Надо сказать, что многие из ей подобных, привыкая иметь дело со стандартным течением наркоза, в случае, если что-то идет не так, как обычно, начинают нервничать и принимать, скажем, не совсем корректные решения. Так и в этом случае: включив подачу фторотана и уже приступив к масочной вентиляции, тетка удивилась, почему это больной, вместо того, чтобы уже давно спокойно спать, с каждым механическим вдохом возбуждается все сильней и готов просто сорваться со стола. Вывод: у больного выраженная фаза возбуждения, решение: надо быстрее ее проскочить, увеличив подачу газа… Наверное, больной не признался, что он алкоголик, а у них такое бывает часто. Хирургам об этом говорить не обязательно, но если, например, мне предстоит какая-то операция, анестезиологов лично я предупреждаю всегда, что человек я пьющий и могу выдать чудеса в начале наркоза. И всегда об этом спрашиваю у своих больных, обещая строгую конфиденциальность и неразглашение. Мне верят, пьющие признаются в своей слабости.

Увеличение подачи газа не помогло, больной продолжает безумствовать, маску не удается удержать плотно прижатой к лицу, и тут струя воздуха из нее попадает в лицо врачу. Второй неправильный вывод: у больного гнилые зубы. И с криком: «Ты бы хоть зубы почистил, сука, изо рта говном несет!» со всей силой наваливается на больного. Наконец фторотан делает свое дело, больной засыпает, маска убирается с лица. Но пока идет интубация, аппарат продолжает посылать в атмосферу струи смердящего воздуха. И тогда становится понятно, что это не кариес. Из операционной разбегаются все, кроме больного и озадаченного анестезиолога, которая от удивления впала в ступор и не может предпринять каких-то действий. Ситуация явно вышла за пределы привычных рамок. Хорошо, в соседней операционной работал парень, которого позвали на помощь, и он сообразил, что первым делом надо каким угодно способом, хоть вручную, вентилировать больного, который уже не дышит, а потом уже делать все остальное, потом думать и заняться поисками источника вони. Вспомнив, кто дежурил накануне, он нашел его поразительно быстро, и первая же мысль оказалась правильной: источник в дыхательном мехе. К счастью, к РО-6 пристроен наркозный аппарат «Полинаркон», а у него предусмотрена ручная вентиляция, и для нее отдельный мех-гармошка сбоку аппарата. И тетеньке всю операцию, часа два-три, пришлось эту гармошку сжимать. А потом выслушивать от больного слова недовольства и угрозы ответить за оскорбления, за обвинения в алкоголизме и в плохой гигиене полости рта.

После этого она с нашим доктором больше не разговаривала, и никак нам не удавалось ее убедить, что парнишка это сделал от великой нужды, можно сказать, несознательно, нисколько не желая ей зла. Но теория заговора привела ее к написанию кучи докладных записок, что коллега не только насрал в аппарат, но и сознательно испортил компрессор централизованной подачи газов, чтобы ей пришлось работать на резервном аппарате РО-6. Когда уставший от ее жалоб главный врач предложил ей уволиться, у многих появилась мысль, — а не этого ли и хотел добиться паренек? Шизофреники, а парень действительно, как оказалось потом, хворал простой формой шизофрении, бывают весьма изобретательны в достижении своих целей. Многие так и решили и были очень ему благодарны, удивляясь, как такая простая мысль, такой способ избавиться от надоевшей всем тетки раньше никому не приходила в голову.

Мужская сила

В рекламе средств для укрепления потенции особенно нравится одна фраза: «Перед применением посоветуйтесь со специалистом». А вот интересно, с кем посоветоваться специалисту, если человек укреплял потенцию, не посоветовавшись с ним?

Ситуация простая. Дедушка под 80 лет перенес инфаркт. Тяжелый инфаркт, с коллапсом, но дедушка выжил, несмотря на все усилия врачей. Но что интересно, никак не хочет самостоятельно держать артериальное давление. Чуть уменьшишь дозу адреналина, давление падает, дедок кричит: «Умираю!» Снова ставишь прежнюю, и приличную, надо сказать, дозу. И так месяца два дедок лежит в реанимации. Редкий случай, что с ума не сошел, только уши затыкал, когда наши страдальцы во время психозов кричали за стеной слишком громко. При этом заматывал голову мокрым полотенцем, остужал. Бабушка каждый день приходит, плачет: «Ну что за беда! Скорей бы домой тебя, милай, выписали».

А в чем причина и что происходит с дедом — вопрос. Проверили надпочечники, нормально работают, добавили гормонов — никакого эффекта. Сердце вполне сокращается, ну должен дед давление держать, а он ни в какую. Кто догадается, что происходило с дедом? Разгадка, как это часто бывает, нашлась случайно: ночью отключился свет и остановился дозатор с адреналином, не подав сигнала тревоги. Покричал дедушка, а поскольку лежал в сторонке, в отдельном закутке, то его криков никто не услышал. И затих дедушка. А наутро как огурец, давление 120 на 80, и что интересно, без всякого адреналина. Через день был выписан и пошел домой. Теперь встал другой вопрос: а что это было? Опять головоломка. И так бы и остался случай нерешенной загадкой, если бы дедушка, молодец, после выписки не пришел бы в больницу. Не принес бы тортик в знак благодарности врачам. Ну и кое-что еще, кроме тортика. И признался, что принимал дедушка какой-то альфа-блокатор от аденомы предстательной железы. Типа празозина, только что-то посовременнее, я не запомнил название. И это объяснило все: и низкое давление, и парадоксальное действие адреналина, когда он в малых дозах, давление, наоборот, снижает. Оказалось, что каждый день таблеточку приносила заботливая бабушка. А на вопрос: «Зачем!?» — ответила: «А как же, доктор, это ж ему врач прописал для мужской силы!» А вот зачем деду понадобилась мужская сила в отделении реанимации, это так и осталось

загадкой без ответа. Медсестер за задницы прихватывать? Так он вроде этим не занимался…

Принц Персии

Новости слушаю в машине, на первом месте, естественно, Сирия. Какой же молодец оказался их президент Башар, отбивается. Остальные его коллеги уже давно на небесах, а этот, смотри-ка, держится. А простой, казалось бы, врач-офтальмолог. А зря иронизируют, офтальмолог у арабов профессия почетная, уважаемая.

Вспомнил одного нашего клинического ординатора. Гражданин Ирана, типичный перс, и прозвище получил сразу — принц Персии. Учился в России, закончил институт, ординатуру по специальности «Окулизм». И поехал домой, работать. Русский диплом работать в Иране позволял. И вдруг, уже в возрасте, решает переучиваться на реаниматолога. Интересно стало, спрашиваю, зачем? Оказалось, что вся его семья решила перебраться в Кувейт, на заработки, ну и он вместе с ней. По-арабски парень говорит свободно. Попытался найти работу по специальности, а ему в ответ на языке пророка: хер тебе. Офтальмологи нужны, да, но российский сертификат не годится, российскому сертификату окулиста мы не доверяем. Годится только европейский или американский. А какой русский сертификат годится? Если переучиваться, то в России парню учиться сподручней, и дешевле, и проблем с русским языком нет. А только, говорят, действует у нас российский сертификат врача анестезиолога-реаниматолога. Получишь — приезжай работать.

Я поначалу удивился, риск в профессиях несравним. Глаз потерять страшно, но жизнь-то еще страшней. А он объясняет: ничего ты не понимаешь, арабу лучше умереть, чем остаться без зоркого глаза или вообще ослепнуть. В результате пошел учиться на реаниматолога. Говорил я ему: брось, на реаниматолога выучиться легко, но стать не просто, это скорее не профессия, это черта характера. Походив пару месяцев к нам, бросил, поехал в Европу, подтвердить там свой сертификат окулиста. И пропал, хотя обещал писать, приглашал в гости: «Приезжай к нам в Иран, не бойся, мы вполне светская страна. У нас все есть. Надо будет — и водка будет, и девочки, все будет. Только по улицам пьяным не гуляй, и все, дома пить будем».

Если зададут мне вопрос, а кончится ли когда-нибудь эта война в Сирии, разгонят ли боевиков, отвечу: может быть, и закончится, может быть, боевиков и разгонят, но только не сирийцы. Почему так думаю? Все очень просто. Приходилось мне по работе в свое время встречаться с представителями славных Вооруженных сил Сирийской Арабской Республики.

Давно, а работал я еще в поликлинике, прибежал ко мне один сириец, военный моряк. Вообще-то до его появления я и не представлял, что в Сирии существует грозный Военно-морской флот, а если и существует, то состоит из пары катеров, а командующий всем флотом должен быть в звании никак не выше капитана. Причем не самого высокого ранга. А тут неожиданно явился араб лет так 35, в парадной форме, капитан первого ранга, этакий Синдбад-мореход. Учится у нас, мечтает стать адмиралом, что дословно в переводе с арабского — повелитель морей. Кто его ко мне направил, кто посоветовал обратиться, я так и не понял. Капитан плакал:

— Доктор, спасите! Сердце…

По-русски он говорил вполне сносно, удалось выяснить, что что-то у него кольнуло в левом боку. Раз слева, значит сердце. Погонял я его на тредмиле, сердце — дай бог каждому, прописал каких-то капель, типа настойки боярышника. Капитан был страшно рад:

— Значит, я не умру, да? Мне нельзя умирать, у меня тут жена, дети.

Оказалось, что он как приехал к нам учиться в Военно-морскую академию, так и учился в ней подозрительно долго, где-то уже шестой год. Видимо, основательно постигал флотскую науку. Успел обзавестись семьей, наделать детишек. И возвращаться домой большого желания не имел. В общем, ушел он от меня довольный. Прошло несколько месяцев, мореход появился снова, опять в слезах.

— Что случилось, — спрашиваю, — опять что-то болит?

— Нет, спасибо, доктор, не болит.

— Тогда в чем дело?

В общем, что-то изменилось в планах его командования и зовут моего морехода домой. Зря тебя учили? Послужи. Но служить не хочется, а вдруг, говорит, война? А у меня жена русская, дети русские… Не знаю, кто ему наплел, что могу я помочь оформить инвалидность. Помочь-то я тогда мог, но с какого хрена, да и как ее оформить здоровому 35-летнему мужику? Послал я его в задницу и был уверен, больше не появится. Но повелитель морей оказался настойчивым и на следующий день привел троих ребятишек:

— Доктор, смотрите, это мои дети, они могут сиротами остаться!

Еще через день я сдался, устроил его в больничку, якобы по «Скорой помощи», договорился, что там напишут ему диагноз, что-нибудь про мерцательную аритмию. Пойди проверь, была она у него на самом деле или нет. А как воевать с врагом, если сердце

больное? Наверное, сработало, явился через пару месяцев довольный, сказал, что уволился из армии. И даже получил какую-то пенсию. А еще через неделю привел своего друга, тоже морячка…

— Доктор, а ему не поможете? У него мама, дети… А мы заплатим.

Нет, говорю, все. Денег я не беру, я это уже говорил, а вашего коньяка мне не надо. Лавочка прикрылась, больше не помогу. Ищите в другом месте. Правда, подсказал, в каком. Друзья расстроились, но пошли искать.

«Мадонна пилигримов»

Каждый раз, когда бываю в городе Риме, обязательно захожу в небольшую, скромную с виду церковь, базилику Святого Августина. Захожу с одной целью — посмотреть на висящую в первой капелле слева картину Караваджо «Мадонна пилигримов» или «Мадонна ди Лорето». Вход бесплатный, но картина висит в глубине капеллы сразу у входа, в сумраке, и чтобы ее рассмотреть, отцы придумали хитрость: бросай в прорезь специального автомата монетку, один евро, на минуту включится подсветка. Советую, не пожалейте, картина того стоит, хотя она более чем спорная с точки зрения христианской морали. В образе мадонны художник изобразил известную римскую проститутку, да и сама церковь была почитаема всеми блядями города Рима. Для них были специальные места у самого алтаря, чтобы остальные могли видеть впереди только их затылки и не вертеть головой, не отвлекаясь в мыслях о Боге. А самые знаменитые из римских шлюх даже похоронены в церкви, несмотря на запреты высшего духовенства, вплоть до самого понтифика. Но это оказалось хорошо, это привлекало в храм верующих и давало дополнительный доход.

Главное в картине, что вызывало негодование критиков, не сам отнюдь не канонический лик мадонны, а грязные пятки коленопреклоненных пилигримов, оскорблявшие эстетический вкус ценителей прекрасного. С каких маргиналов Караваджо писал паломников — это загадка, и на нее история не дает ответа. А зато я теперь этот ответ знаю.

Иду по отделению и смотрю, как из-под одеяла торчат ноги строителя с одной недалекой славянской республики, пришедшего (наверное пешком) на заработки в наш поселок. А новейшая история этой страны учит, что выходцы из нее построили на земле все. То есть абсолютно все, от Вавилона до Афин, включая Рим и Житомир. А теперь работают на строительстве гаражей под городом Санкт-Петербург. Поэтому вопросов нет, на картине изображены те самые строители, добравшиеся пешком до итальянского города Лорето, куда, по преданию, чудесным образом был перенесен из Назарета тот самый дом, в котором росла Дева Мария. Можно с уверенностью предположить, что и сам домик Богородицы был перенесен не без их помощи.

В истории болезни написано, что он после трехнедельной пьянки был найден в бытовке с проломленным черепом. И чем дольше разглядываешь, а смотреть на них (при этом главное — не

нюхать) приходится уже третий день, тем больше находишь сходства. Наш, пожалуй, даже превзошел своих предшественников времен Караваджо. По сравнению с его пятками те, что принадлежат мужику в штопаных шортах, изображенному на картине, можно снимать в рекламном ролике средств для ухода за пятками, типа электрической роликовой пилки «Шольц». Думаю, художник немало бы заплатил, чтобы иметь таких натурщиков, хотя вряд ли, при жизни денег у него почти никогда не было.

Благословение

Товарищ, пишущий прозу, обращается ко всем друзьям с просьбой: «Дайте тему хотя бы для рассказа, кончились темы, нечем поделиться с читателем. Пусть тема будет самой бредовой, самой фантастической. Хочется создать полотно, но нечем мазнуть».

Мне проще, мне никаких тем для рассказов придумывать не надо, только записывай. Предлагаю — не годится. Ну, не годится, так не годится, расскажу сам. Мазнем.

Проснулся в отделении очередной неизвестный, стал Вовой. По виду матерый отброс общества, гоблин высшей пробы. Синее от наколок тело, разрисовано куполами, кинжалами и розами. Если судить по рисункам, начал тюремную жизнь еще с малолетки, но явно не авторитет, а скорее всего какой-нибудь лагерный чушок. Несмотря на надпись на веках: «Не буди», — подергал за торчащую из трахеи трубочку: «Просыпайся, открывай глаза. Проснулся? Теперь вспоминай, как сюда попал».

Неожиданно пришла супруга, что удивительно — симпатичное и вполне социальное существо. Интересуется:

— А кровь вы на наркотики взяли? Надо проверить, это наверняка его друг ему что-то подсыпал. Да нет, не пьяный он был, если выпил, ну может пива.

Интересно становится, что за друг, в чем его цель?

— Да чалились они вместе, только друг его, а он пидор, после отсидки в священники подался. Встречаются с моим, как сидевшие вместе. Только чего мой к нему ходит, ведь знает, что он пидарас? Это он ему что-то подмешал.

— Вообще-то если подумать, то его состояние на метадон похоже, ваш муж случаем не балуется?

— Да нет, что вы, пить — попивает, а наркотики никогда. Это его батюшка подпоил, он его, это самое, в общем, давно он его совратить хочет. Вот наверное и пытался.

Забавно, спрашиваем у Вовы, поимел тебя святой отец или не успел? Испугался Вова: «А что, было?» А как можно проверить?

— Да даже не знаю как. Гинекологи обычно берут при подозрении на изнасилование мазки, а вот из задницы не знаю, приходилось им брать или нет. Ты сходи на гинекологическое отделение, спроси. Попроси, может быть согласятся.

— Да вы чего, мужики, серьезно? Да как я скажу, что меня поп вые….?

— Ну почему так грубо? Скажи, поздравил тебя батюшка с Новым годом, с наступающим, с годом огненного петуха.

— Не, вы уж, пожалуйста, никому. Я ж все честно, как на исповеди.

С тем и ушел Вова в неведении, уестествил его отец или нет. Ушел походкой странной, через каждый шаг как-то подпрыгивая и хватаясь за задницу. Наверное, пытаясь понять, нет ли в ней каких новых ощущений, получил он благословение от своего духовного наставника или нет.

День святого Валентина

Как всегда в этот день, друзья просят рассказать историю о большой и долгой любви. Эти истории у меня есть. Расскажем.

Произошло это в Санкт-Петербурге лет 30 тому назад, и наверное сейчас бы не вспомнил о ней, если бы не так давно встретил одного из ее участников. Сказать, что удивился встрече, значит не сказать ничего, долго никак не мог поверить, что твой старинный знакомый еще со школьных времен не только жив, но и на свободе. По всем моим преставлениям, попав в сумасшедший дом в середине 80-х, он должен был там и остаться навсегда. А если вдруг и выписался после курса лечения, то должен был превратиться в безвольного дегенерата, безопасного для общества. Но нет, оказалось, жив, здравствует и даже кое в чем процветает.

Попал он в сумасшедший дом по одной простой причине: любовь. За прошедшие годы стерлись из памяти мелкие детали, сама история стала обрастать подробностями, порой фантастическими, но сохранилось главное: пример самопожертвования ради любимого человека.

Помнится, наш герой еще в школе отличался странностями и, наверное, поэтому выбрал для поступления медицинский институт, то место, где таких, как он, собирается в избытке. Чтобы понять произошедшее, надо немного вспомнить 80-е годы. Если те, кто поступил в медицинский институт на год-два раньше, практически гарантировали себе этим избавление от срочной службы в Советской армии, то со следующих курсов призывали практически всех, несмотря на наличие военно-морской кафедры в нашем медицинском институте. После службы человек восстанавливался на прежнем курсе, но два года оказывались потерянными. А курс нашего героя занимал некое промежуточное положение, в армию с него не призывали, по окончании института вручая погоны лейтенанта запаса, но за особые заслуги загреметь на срочную было можно. Через пару дней после приказа об отчислении приходила повестка в военкомат. А отчислить могли не только за особые успехи в учебе, но и за несоответствие высокому званию советского студента. Достаточно было попасть пару раз в вытрезвитель. И практически было невозможно до получения повестки успеть оформить академический отпуск. А у нашего героя заслуги были как в учебе, так и в общественной жизни. И сразу после несданной сессии повестка из военкомата ему пришла. В армию идти не хотелось. Была у него в то время любимая женщина-

подруга, и два года расставания обоим казались смертельными. Подруга никак не могла дождаться солдата, а почему — чуть позже. Тем более это был год самых массовых потерь в Афганистане.

Трудно сказать, в чьей голове родился план, как избежать службы. Но план был прост и казался эффективным. Влюбленные договорились, что он сделает подруге ножом пару надрезов на животе. «Не бойся, — успокаивала она, — у меня жира много, оттяну складку, немного поцарапаешь, и все, ничего страшного не случится». Договорились, что заявления в милицию на любимого она писать не будет, а он, когда его спросят: «Зачем?» — ответит: «Да просто так, мы решили посмотреть, какого цвета подкожный жир». А учитывая его известные странности, его ненадолго отправят полечиться в психиатрическую больницу. А какая армия после дурдома? В военкомате сразу выдадут белый билет. А некоторое поражение в правах человека, попавшего в поле зрения психиатрии, казалось полной ерундой. В конце концов, можно обойтись и без водительских прав.

На словах все просто. Но ударить ножом живого человека первый раз тяжело. Наш Ромео берет нож, прицеливается, размах. Удар, и кишки любимой падают на пол. Дальше все пошло обычным путем: «Скорая», милиция, КПЗ. Любимая сдержала слово, заявления не написала, да и писать ей ничего не пришлось. Дело возбудили по поводу причинения тяжких телесных повреждений и без ее заявления. Опросив участников, следствие встало на единственно верный путь. Если с подругой все было более-менее ясно, оказалось, что она болела гломерулонефритом и уже не один год была привязана к аппарату «искусственная почка». А как известно всем, хронический гемодиализ не способствует росту интеллекта, и как ни следи за собой, периодически моча бьет в голову, оставляя в мозгах следы от своих ударов. С парнем было сложнее. Соматически он был здоров, и для проверки психического состояния его направили на судебно-психиатрическую экспертизу. Там он успешно выдержал все испытания на душевнобольного и вместо тюрьмы оставлен на принудительное лечение в сумасшедший дом.

Заканчивались 80-е, вместе с Советским Союзом ушла в историю и стройная советская система психиатрической помощи. Наш герой был выпущен на свободу, даже каким-то образом смог восстановиться и закончить медицинский институт, получить диплом и работать. Наверное, уже в наше время, представив из себя жертву карательной психиатрии. Не будем называть его фамилии, хотя стоит набрать ее в «Гугле» и посмотреть, что он пишет в соцсетях, ни у кого не останется сомнений, что

выпустили его зря. И что эта история более чем правдива. Не могу сказать, дожила ли подруга до его выписки из сумасшедшего дома или же случилось чудо и она смогла дождаться подходящей донорской почки и жива до сих пор. Это уже не важно. По крайней мере могу сказать, что женат он не на ней.

* * *

Хотя о чем говорить, циничные люди работают в отделениях реанимации, не верят в светлые чувства. А они есть, они рядом, они даже зарождаются прямо на глазах. Недавно наблюдаю. Мужчина заканчивает свои расчеты с белой горячкой, уже тих и спокоен и пользуется некоторой свободой в пределах кровати, точнее говоря, вязки ослаблены и он может двигать руками по сторонам сантиметров на 20. Лежит тихо, пока к соседней койке не привязывают новую посетительницу. Мадам имела неосторожность назвать врача-армянина в приемном покое чуркой и расцарапать ему харю, за что и была отправлена в реанимацию для воспитания. Мадам буйствует, пытается поцарапать лица санитаров, кричит:

— Что за х. ю вы мне в п…у суете? Прекратите! Опытный страдалец успокаивает: — Ты не волнуйся, у них так положено, первый день всех в реанимацию. Это как чистилище. Будешь вести себя хорошо — отпустят. А что это за трубочка? Это для мочи. Смотри, у меня такая же, — пользуясь относительной свободой рук, достает, показывает. — Только она у меня прямо в член, а тебе ее засунули через влагалище прямо в мочеточник. Давай я тебе покажу…

Но тут уж длины вязок не хватает, чтобы дотянуться до ее катетера, хотя соседка и сама изо всех сил стремится навстречу его рукам. Мужчина явно слабоват в анатомии, но пусть, главное, всю ночь оба лежат тихо, о чем-то щебечут в дальнем конце палаты. Разве что кавалер порой покрикивает на медсестру:

— А ну отойди от моей женщины! Что ты ей хочешь сделать?

К утру мадам трезвеет, повода задерживать ее нет. Даже обещает извиниться перед доктором. Прошу принести ее одежду, «одевайтесь, сейчас отведут на отделение». И что? А не тут-то было.

— Я без него никуда не пойду! Отпустите его, тогда и я с ним.

Объясняю, что кавалер еще не готов в люди, еще день-два.

— Тогда и я с ним остаюсь! Я готова заплатить за лечение в реанимации, сколько там у вас за сутки? Выписывайте мне

квитанцию, заплачу, а без него я все равно не уйду.

Да ради бога, мне все равно, пусть полежит еще сутки, а заведению прибыль.

День матери

Одно время пришлось мне исполнять обязанности врача в одной воинской части. Штатный врач ушел в отпуск, а я как раз был на военных сборах, и меня, можно сказать, попросили задержаться еще на пару недель.

В те времена служить солдат отправляли недалеко от дома, и как раз пришло к нам пополнение, девять перцев с окрестных деревень. Служить хлопцы хотели не сильно, и каждый пытался откосить от призыва. Кто поумнее — смог, остальные попали к нам. И вот приходит один и, не говоря ни слова, спускает штаны до колен:

— Доктор, смотрите, что со мной?

А у парня на лобке просто шевелится слой вшей.

— Давай, говорю, сбривай волосню и в бочку, — а специально для таких у нас во дворе стояла особая бочка с бензином, — посидел в ней, потом под душ и в казарму.

Результат гарантирован. Однако через неделю солдатик приходит снова. Волосы уже чуть-чуть отросли, но на каждом пеньке гниды висят гроздьями. И ползают вши. Интересно. Снова бочка, душ. Прошло еще пару недель, воин приходит опять, но уже с разбитой харей. Оказалось, в казарме накидали за то, что вонял. Но по синякам видно, что били не вчера, а дней пять назад.

— Чего сразу не пришел?

— А, это вы про синяки? Это ерунда. А у меня вот, я только вчера снова заболел.

И спускает портки, а там опять весь лобок шевелится от мандавошек.

— Слушай, — говорю, — ты бы, может, партнершу бы сменил, а? Или тут все девки такие?

Нет, оказалось, что они все к одной ходят, та их специально заражает, за небольшую плату. Зачем, спрашиваю?

— А как же, доктор, если я за год третий раз одной и той же болезнью заболел, значит, меня по закону положено комиссовать. Так ведь?

— Ну, так-то так, только это не болезнь, а просто ты мудак, брейся и шагом марш к бочке.

— А мамке так в комитете солдатских матерей сказали, это она мне посоветовала чем-нибудь заболеть три раза подряд.

— Все, шагай в бочку. А если еще раз придешь со своими мандавошками, буду лечить паяльной лампой. Понял?

Больше служивый не приходил. После присяги дали ему

увольнительную, и он сразу поскакал домой, к мамке. Извини, мама, нет у меня теперь другого выхода, служить я не хочу. Лучше в тюрьму. И засадил ей в живот кухонный нож по самую рукоятку. Сам «Скорую» вызвал, ментов. Те солдатика к нам привезли. Мне еще потом пришлось его в дурдом отвозить. Там он и остался, признали психом, так что парень добился своего. А мама выжила, потом все бегала в психушку, носила ему передачи.

Лаборатория

Вечер спокойный, лаборантка заходит потрепаться, сидеть одной в лаборатории скучно.

— Нет, — говорит, — я все понимаю. Чего только в этой больнице не увидишь. То, что дерьмо свое несут на анализ в трехлитровых банках, это нормально, к этому мы привыкли. С травмы тащат мочу, а в ней хабарики плавают. Так и напишешь: Окурок — 1–2 в поле зрения. Смешно, да? А у вас один медбрат, Сережа, лень ему по утрам мочу из пакетов сливать, так он баночки в ряд поставит и сам в них отольет. Знаю, что он сумасшедший, сразу понятно, что его работа, когда видишь, что у всех одинаковые анализы. И видно же, что моча мужская. А иногда смотришь направление, там написано: бабушка 80 лет, а в моче сплошь сперматозоиды. Ну не будешь же писать как есть, еще подумают, чего вы там с бабушками делаете? Но сегодня один поразил. Представляете старый флакон от «Тройного» одеколона? С дыркой в горлышке такой, что туда спичку не просунешь, не то что свой конец. Его трясешь изо всех сил, по капле оттуда вытряхиваешь. Принесли полный мочи. Как? Я трясла его, трясла, натрясла несколько капель, выкинула к чертовой матери. Нет, ну как? Шприцем туда наливал? Нет, это от души.

Особенности национального сельского хозяйства

На отрывном календаре дата: Международный день сельских женщин. Надо бы ради смеха поздравить своих знакомых селянок. Только начинаю думать, с кого начать — звонок от одной из обитательниц нашего поселка:

— Послушайте, там у вас в реанимации парень лежит, это мой хороший знакомый, раньше у меня конюхом работал. Чего с ним?

— Плохо с ним, я бы даже сказал не совсем хорошо, скоро помрет ваш знакомый, сегодня-завтра. Он уже весь в такой патриотичной раскраске, весь жовто-блакитный, в синих пятнах на желтой коже. Цирроз у него от водки. Как это он так умудрился в тридцатник?

— Это потому что он от меня к одной суке ушел работать, свиней кормить, а она его спиртом поила. Нет бы накормить, говорят, жрал то же, что и свиньям давал. Может быть дотянете до утра? Я вам лекарств принесу, все, что надо, и гордокс привезу, и гептрал. У меня от лошадей много лекарств осталось.

— Не знаю, думаю, что до утра не дотянем, да и смысла не вижу. Не жилец он.

— Ой, ну вы постарайтесь, я хотела утром своего привезти, ему показать. Сказать, ты у меня, сука, следующий будешь, если пить не бросишь.

— Тогда везите скорее, гарантии не дам, что до утра доживет.

— А я сейчас не могу, мне еще с машиной надо договориться, с мужиками, чтоб моего принесли.

— Кого принесли?

— Да козла моего. Он у меня уже неделю лежит, встать не может…

— А с ним-то что?

— Да нажрался так на прошлой неделе, что когда я пришла, скотина не кормлена, коз не подоил, а сам лежит на сеновале, спит. Разбудила, говорю: что ж ты, сука, делаешь? А он от меня убежать попробовал, сученок, но куда там. Я его оглоблей достала, так он отлетел так, что спиной забор сломал. Лежит теперь, стонет.

— Ноги-то хоть шевелятся? Привозите все равно, хоть рентген сделаем.

— Шевелятся, чего ему будет. Первый раз, что ли? Зато пока не пьет.

* * *

Через пару дней очередной звонок. Звонит та же знакомая, которая держит в поселке небольшую ферму.

— Слушай, купи у меня козла. Недорого. Козел у меня хороший, альпийский. Сам видел — красавец.

Тут есть над чем задуматься. Интересно, как же я столько лет смог без своего козла прожить?

— Да на черта он мне?

— Ну ты чего? Он дом охраняет лучше собаки.

— Это в городе-то?

— А, извини, я ошиблась, думала, что ты у нас в поселке живешь.

— Да нет, в городе живу, у меня в поселке дача.

— Ну возьми на дачу, хороший козел, правда.

Всего за пять тысяч отдам.

— А чего продаешь, раз хороший? Пусть твоих коз развлекает.

— Да он уже всех моих покрыл, всех соседских коз покрыл, теперь до своего потомства добрался, нехорошо.

— Чего, уроды рождаются?

— Да нет, у них можно, ничего страшного от имбридинга не случится, нормальные козы получаются, только глупые. Даже по их рожам видно — мудаки. Мало того, что козлы, еще и дебилы.

* * *

Случайно слышу телефонный разговор нашей сельской жительницы с соседкой:

— Надюша, слушай, посмотри там у меня, мой-то как, еще не вернулся? Нету? И замок на дверях висит? Где же его, козла, носит? Я же ему сказала: с утра поезжай за комбикормом и сразу домой. Уже вечер, и нету. И телефон у него отключен. Вот сука, и ребенка, говоришь, со школы не забрал? А мне-то что делать, я на дежурстве… Ну все, конец ему, пусть только завтра вернется — пристрелю, как скотину. Пусть лучше домой не суется. Надь, выручай, а… Сходи, покорми там моих. Там я коровам наварила, ты им, главное, пить побольше дай, по два ведра. И козам тоже. И сена подбрось побольше. А сено? Ты его там в сарае возьми, да, там хорошее. Только, Надь, ты сено-то вилами не шеруди, ты осторожней. А то мой может быть там спит, он часто от меня там прячется, когда нажрется. Еще не дай бог заденешь.

* * *

Вечером, на работе, подходит одна из местных жительниц.

— У меня к вам просьба, вы мне машину не дадите на полчаса, домой съездить? Я быстро, я только туда и обратно, очень надо.

— Дам, пожалуйста, только погодите, я вроде слышал, как вы с утра на своей приехали.

Не услышать сложно. У женщины стальные нервы, поэтому на ее автомобиле нет глушителя, глушитель прогнил и отвалился в начале зимы. Поставить новый — не вопрос, только зачем? Старая «Нива» используется в основном как тягач, с глушителем не хватает мощности таскать прицеп с сеном, с навозом, с лошадями.

— Да я бы на своей съездила, только меня издали услышат, и все гопники в деревне сразу попрячутся. А мне бы хоть одного отловить, я с него душу выну, но узнаю, где мой-то прячется. Три дня, скотина, дома не ночует. Как запил на Восьмое марта, так не остановится.

— Ну давайте, найдете — привозите, привяжем тут до утра. Только смотрите, чтоб он мне машину не заблевал.

— Ой, не волнуйтесь, я в багажник мешки для мусора постелю, он маленький у меня, он у меня в багажник войдет. Он тихо будет лежать, он как меня увидит, сразу тихий. Я быстро его найду, я знаю, где он прячется. Я его на прошлой неделе у соседей нашла, они его под диваном прятали.

— А как нашли?

— Да мне шепнули, там он, в доме у них сидит. Ну я подошла, кирпич в окно кинула, кричу: не пустите — сейчас в окно бутылка с бензином полетит. Испугались, открыли.

— Подождите, вы что им, кирпичом стекла в окне выбили?

— Ну да, а как иначе? Если бы не открыли, я бы им избу подожгла, а бутылку-то с бензином как иначе в окно кинуть?

— Ну давайте, привозите свое чучело, полечим.

— Полечите его, полечите. Он когда трезвый — золотой, и руки на месте, и голова светлая. Вы уж его попугайте, он вас послушается. Он у меня трусливый, он очень всего боится, больницы боится, врачей.

— Ни фига себе трусливый. Да я б с такой женой даже о пиве подумать бы побоялся. Да ему орден Мужества за храбрость полагается. Давайте, полечим. Листеноном можно его попугать? Не жалко?[1]

— Можно, можно. Сейчас, я мигом.

Исчезает. Жду, готовлюсь читать новости 47-го региона.

Наверняка поиски мужа областная пресса отразит в разделе происшествия. Минут через 20 возвращается, тащит мужа по коридору за шиворот. Существо спит.

— Во, во дворе нашла, на дровах спал. Замерз бы, дурачок мой. Я его в палату положу, ладно?

— Давайте. Только просьба: если к утру проспится — заберете, чтоб никто ничего не узнал. Не проспится — тогда придется оформить, тогда историю болезни заведем. И уже полечим по полной.

* * *

Весна. Семья решает заняться огородом. Естественно, начинаются просьбы:

— Ты бы нам навозику привез, лучше конского, несколько лет участок не удобряли.

— Да где ж я вам его возьму? Раньше надо было искать, местные уже все свои конюшни очистили.

— Ну ты поспрашивай в поселке, у вас ведь там лошадей держат, может у кого осталось. Нам надо немного, всего-то пару мешков.

Ладно, спрошу, наверняка у кого-нибудь есть, процесс выработки навоза идет непрерывно. Звоню знакомой селянке:

— Привет! Навоз у вас есть?

— Да мы уже весь вывезли, теперь до осени только по записи, очередь. Но если вам лично, то для вас — всегда найдется. Приезжайте.

Ну хорошо, еду, по пути на дачу думаю: «Все же как хорошо, что ты работаешь в сельской больнице и в благодарность за работу всегда можешь получить без очереди пару мешков говна». Заезжаю в соседнюю деревушку, на ферму. Навоз уже упакован в герметичные мешки.

— Вы что? Никаких денег, это от моего мужа, он считает, что вы ему жизнь спасли. Пойдемте, я вам свой участок покажу.

Веселое хозяйство, настоящий зоопарк. Десяток лошадей, козы, кролики, ослик. Караси в пруду. Первым делом экскурсия, слушаю рассказы о лошадках непростой судьбы. Кто-то доживает свой век на пенсии, катая ребятишек с церебральным параличом. Сбитый машиной коняшка губами жует вареную морковку, лечит перелом челюсти. Из стойла выводится оседланный вороной жеребец каких-то совершенно фантастических размеров:

— А это у меня чистокровный гасконец, он десять лет в цирке работал во Франции. Списали, так я к себе привезла. Вы не

бойтесь, он немного нервный, но добрый.

Добрый конь опускается на передние колени, кланяется, приветствует, затем случайно копытами сносит изгородь вокруг загона. Вежливо отказываюсь от предложения покататься:

— Да знаете, я на лошадях как-то не очень, в детстве только катался, да и то на сельской лошадке.

— А у вас что, никогда лошади не было? Если надо, могу уступить, у меня как раз от него жеребенок родился, пойдемте смотреть.

— Не было у меня коня. Так вот получилось, что и лошади не было. Был мотоцикл. Велосипед есть. Давайте я вам лучше дров нарублю, вот это я умею.

— Ой, сделайте одолжение, а то муж на халтуру уехал, мне топить нечем.

Через час трогаюсь в сторону своего огорода. Еду не спеша, не дай бог разорвется мешок в багажнике. Звонок:

— Ой, я забыла вас спросить, а вы женаты?

— Да вы же вроде в курсе, что да. А что, есть какие-то предложения?

— Да я в курсе, просто у меня соседки спрашивают — а кто это к тебе приезжал? Доктор наш, говорю, приезжал. Ой, какой интересный мужчина, и хозяйством интересуется, и дров нарубил, ты спроси на всякий случай, женат он или нет. Так чего мне им ответить?

— Ответьте, что не дозвонились. А мы пока подумаем.

* * *

Звонит знакомая селянка, спрашивает:

— Послушайте, вы, кажется, друзья с нашим травматологом? Не попросите его мне справку написать, что я сегодня в больницу обращалась. Пусть напишет, что у меня что-то типа сотрясения, ну, или вывих плеча. Вправили — отпустили.

— А зачем?

— Да мы с председателем соседнего садоводства поругались, что я у них в садоводстве свет ворую. А что мне делать, когда он сам мне на участок провода перерезал. Много, говорит, вы тока берете. А у меня весь хлев на электричестве, холодно еще. Теперь он на меня заявление ментам написал.

— Подрались, что ли?

— Да я что, дура совсем, чтобы с мужиками драться? Упаси господи! Никогда.

— А справка тогда для чего?

— Так заявление же он на меня написал. А я всего-то его прижала слегка, приподняла и за воротник бушлата на штакетник повесила. Он так на заборе несколько часов и провисел, пока соседи мимо не прошли, не сняли. Сейчас он в больнице, ключицу он якобы себе сломал. Ну это наверное он упал, когда снимали. Пусть у меня будет справка, а я напишу заявление, что он первый полез.

* * *

В отделе кадров встречаю медсестру, которая постоянно пыталась то продать мне лошадь (недорого, для вас — всего за 10 тысяч), то подарить какого-то сверхпородистого козла. Подписывает обходной лист.

— Все-таки увольняетесь? Решили уехать?

— Ну а что мне тут делать в нашей гребаной деревне, теснота, сена даже козам накосить негде. Соседи на нас жалуются, навоз им, видишь ли, не нравится, а как огород сажать, так все ко мне, дай им хоть ведерко говна. А у меня теперь еще ослик есть, а он по утрам кричит, недовольны. Вам случайно ослик не нужен?

— Нет, спасибо, ослик мне не нужен. А куда уезжаете?

— Решила я к бывшему мужу уйти. Мы же с ним расстались тихо, без скандала, просто скучно мне с ним стало, но ничего, решили снова попробовать. Он дом на хуторе купил под Лугой, ферму построил, большую, на сто голов. Места там замечательные, земли полно, хоть жопой ешь. Мы пока 30 гектаров в аренду взяли, на первое время хватит, для коров сена накосить, а гектаров 10 засеем. Так что скучать не придется. И на хуторе всего три дома, в одном только две старухи живут. Давайте, покупайте участок рядом, места замечательные, речка, лес. Вот, смотрите, фотографии покажу.

— Спасибо, знаю я этот хуторок, бывал, действительно, места красивые. Только мужа вашего, Славика жалко, пропадет же он тут один, сопьется.

— Почему один? Я его с собой возьму. Коней будет пасти, хозяйство большое. А у него руки золотые, трезвый все может, и баню срубит, и трактор починит.

— Это конечно хорошо, только где же он на вашем хуторе своего конька пасти будет? Если там всего две старухи живут, а он парень-то еще молодой.

— Ничего, решим этот вопрос. И потом, кто ребенка в школу возить будет? Там до школы километров 30. И сын, как узнал, что

переезжаем, обрадовался, только сразу ставит условие, чтобы второй папа с нами поехал, я без него никуда. Хорошо, пусть у сына будет два папы.

— Слушайте, а его родной-то папа, так сказать, биологический, он случайно к вам не собирается? Было бы три, еще лучше.

— Звонил, я ему сказала: надумает — пусть приезжает, дело найдется.

— Ну что ж, удачи вам. Зайду на днях со Славиком попрощаться, хотя если буду под Лугой, может быть заеду, посмотрю на ваш зоопарк.

— Обязательно приезжайте! Ну все, я побежала, мне сегодня овец перевозить надо, это ж почти на другой конец области. А Славик уже там, они там вдвоем сарай строят, да и к зиме там много чего сделать.

На отделении медсестры срочно перекраивают сентябрьский график. Занятие не простое, работать и так было некому, а стало совсем как по Чехову: три сестры. Все дружно матерят уволившуюся селянку. Прислушался к беседе:

— Сука, могла заранее…, предупредить…. Я за эту…., на… два дня подряд работать не буду, к…., в…. мне это все засунуть?

— Ну чего, — спрашиваю, — завидуете?

— Да чему тут завидовать? Да пусть она там в своей деревне е…. сразу с двумя мужиками….! Еще третий х… подтянется, совсем хорошо будет.

— Завидуете, девчонки, завидуете. Тут кто-то одного мужа найти не может, а у кого-то сразу три. Так что учитесь, учитесь, пока не поздно.

* * *

Поздним вечером слышу, как на одном из своих последних дежурств наша селянка руководит по телефону действиями своих мужей. Задача стоит непростая, переезд всего домашнего зоопарка на новое место, на другой конец области. Ситуацию надо держать под контролем. Судя по разговору, мужчины подружились и действуют слаженно.

— Я вам что велела сделать?….. Да что ты мне п….шь! Чтобы Славка с двух литров пива на сеновале валялся, пьяный в говнище? Да никогда не поверю!.. Опять соседка спирта принесла?…. Да я прибью ее завтра, суку!… Что нет, что нет? Короче, если к утру мне лису не поймаете, я не знаю, что с вами с обоими сделаю!

Становится интересно, согласитесь, необычный способ добиться благосклонности женщины — поймать для нее живую лису. Есть в нем что-то первобытное, какой-то древний ритуал. Меня бы такая задача поставила в тупик. Очень живо представил двух пьяных дебилов, которые ночью бегают по окрестным подлескам и ловят лисиц, а поймав, наутро приносят со словами:

— Прости нас, дорогая, вот тебе лисица. Ты уж не сердись, мы вчера немного того, посидели, в общем…

Спрашиваю:

— А что это за просьба такая, зачем вам живая лиса?

— Как зачем? Вы что, не знаете, у меня теперь две лисы живут. Я их из питомника взяла, привезла из Белоруссии. Теперь мода пошла, вместо собаки лисицу дома держать. На лисью шерсть аллергии почти не бывает, так что сейчас на них хороший спрос. Кто собаку держать не может, заводит лису. — Показывает смартфон с фотографиями: — Смотрите, какие они у меня красивые.

— Тогда что случилось?

— Эти два пьяных мудака пошли с лисой в лес гулять. Не, по поселку она со мной хорошо ходит, даже без поводка. А эти в лес пошли, отпустили, ну она там от них и убежала. Искали-искали, пока не стемнело, и решили, что лучше, чем лис, лисицу никто не найдет. И представляете, выпустили второго. Сказали: ищи! Ну и понятное дело, тот тоже убежал. Одна бы лиса вернулась, а двоих где теперь найти? Завтра узнаю, чья идея, тот особенных п….й получит, просто сказочных.

К счастью, все обошлось. Обе лисицы, проголодавшись, через пару дней вернулись домой.

* * *

В дни, когда оба супруга заняты делом, работают или пьют, на дежурство приходится брать сынишку. Крепенький такой пятилетний карапуз по имени Ярик. Ярику скучно, привыкнув к деревенскому хозяйству, он не может сидеть без дела и рвется оказать посильную помощь. Катает носилки с больными, таскает коробки с растворами. Надев халат, а мой халат ему оказался великоват, низ волочится по полу примерно на метр ссади, и где-то раздобыв огромные круглые очки, начинает изображать доктора. Выпросив у меня фонендоскоп, с важным видом ходит по палатам. Даже остается на посту, когда мамка идет пить чай. И справляется с задачей вполне, не хуже иных сестер. Если с кем-то из больных что-то не так, у какой-то кровати монитор начинает

выдавать сигналы тревоги, всегда позовет. Наших больных трудно удивить, ходит доктор, пусть маленький, бывает. Зато постоянно в палате, в отличие от настоящих. Но если кто-то попадается из города, начинают удивляться.

Ночь, часа два. Городская «Скорая помощь» закатывает каталку с пострадавшим в ДТП. Чего их занесло в наши края, не известно, но причина, по которой клиента привезли к нам, понятна. До города его наверняка бы не дотащили. Кровопотеря, шок.

Ярик к ночи уже вошел во вкус, начинает распоряжаться:

— Больного на эту кровать, осторожно! — помогает фельдшерам перекладывать, раздает указания медсестрам, из соседнего зала катит дыхательный аппарат. Интересно, аппарат на колесиках, кататься на нем ему не разрешают, а тут такая удача, можно.

Врач с городской «Скорой» с некоторым удивлением показывает на Ярика пальцем:

— А что это?

— Это? А, это наш новый доктор, я сегодня с ним дежурю.

— Вы чего, серьезно?

— Абсолютно.

— А чего он такой маленький?

— Я не знаю, наверное, йода в детстве мало кушал. Да вы не волнуйтесь, он все сделает, мы пока можем пойти покурить.

Но доктор со «Скорой» волнуется и от пережитого стресса просит водки. Приходится налить, успокоить. Так и уехал, думая о тяжелой обстановке с кадрами в районных больницах, что берут на работу всех, даже каких-то гипофизарных карликов. Говорят, потом на городской «Скорой» долго вспоминали, что в районной больничке работает врач ростом чуть выше метра.

В перерывах между поступлениями больных сидим с Яриком, смотрим телевизор. Есть, конечно, в реанимации вещи, на которые посмотреть поинтересней, но ребенку, пожалуй, еще рановато. Показывают очередное достижение медицины, пересадку печени в каком-то дальнем городе, кажется в Новосибирске. Печенку разделили на две части, подарив каждому из реципиентов по одной. Больничка показана неплохо, может, так и есть на самом деле, а может, это работа опытного оператора.

— Дядь Саша, смотри, какая хорошая больница! А ваша больница — плохая! Вам надо поменять главного врача.

— Так поменяли уже, что толку? Ничего не изменилось.

— А его надо посадить в лифт, а лифт отправить в подвал.

— Ну а как же мы без лифта? Как больных будем возить-

вывозить?

— А тогда его надо просто без лифта бросить в шахту.

— Без толку, нового пришлют. Это тебя мама научила?

— Нет, она дома про работу не рассказывает.

— Верю, она и на работе-то говорит только о своих конях и козах. Ладно, пошли лучше рыбок покормим и спать.

Диссертация

Для желающих заняться научной работой.

В любой клинике поощряется занятие наукой, приветствуется написание диссертационных работ. Почему-то считается престижным, если в богадельне работает стайка кандидатов и хотя бы пара-тройка докторов наук. Цену иным кандидатам мы знаем, но желающих прибавить к своей фамилии приставку к.м.н. меньше не становится. Даже несмотря на то, что платить за ученую степень никто не собирается, главное — престиж. Главное — найти проходную тему, простую, не требующую глубоких изысканий и сбора большого материала. Желательно, чтобы материал был уже готовым. А дальше дело техники: собрать его в таблицы, изобразить анализ, нарисовать выводы. Можно даже предложить возможность практического выхода твоей работы, хотя это уже замах на докторскую. От кандидата требуется только показать, что ты способен заниматься чем-то, смахивающим на научную деятельность. Как человек щедрый, бесплатно раздаю идеи. Иногда свежий взгляд на проблему полезен. Например:

Из разных углов реанимационной палаты весь день раздаются крики, из одного: «Серега! Срочно вызывай полицию, иначе тут сейчас будет полный пиздец!» Другая койка посылает невидимого Серегу за портвейном, срочно. Третья — на х… Мне не жаль галоперидола, просто лень вставать. Пусть кричат, нервы у меня крепкие. К тому же интересно: а ведь на самом деле, почему в горячечном бреду если кто и обращается за помощью к воображаемому другу, то этого друга чаще всего зовут Серегой. И так прикинув количество случаев, получается, что Серегу зовет процентов восемьдесят из тех, кто отдает свой долг белой горячке. Цифры надо будет уточнить, сбор и систематизация материала будет первым этапом научной работы. Совпадение? Не думаю. Предлагаю желающим написать диссертацию, что имя Сергей четко произносится по слогам, слоги отличные друг от друга по звучанию, и даже достаточно произнести один — Сер, или Гей, чтобы определить, к кому обращается привязанное существо. Соискатели посмеиваются, спрашивают, а каков практический результат исследования? Иначе работа будет напоминать очередное достижение британских ученых. А практический результат прост: изучив артикуляцию в жопу пьяного организма, можно создать список, такую своего рода рекомендацию, какое имя давать потенциальным алкоголикам. Так, чтобы в любом состоянии обратиться к нему было легко, это раз, а два, чтобы человек, пусть с трудом шевелящий языком, мог

свое имя произнести более-менее внятно. Мне, например, кажется, что для этого очень подходит имя Артур. Ни разу не попадался никакой Артур под видом «Неизвестного», если он имел хоть какие-то остатки сознания и был способен говорить звук. Пусть он был с раскрошенной челюстью или с полным ртом крови, даже тогда он произносил что-то вроде Аар-турр. А при повторении имени согласно кивал головой. Видимо в середине имени должен присутствовать раскатистый звук Р. Таких, к сожалению у нас встречается не много. Артур, Сергей, Борис. В общем, думаю, тут есть над чем поработать. Надо на эту тему проконсультироваться со знакомым психиатром.

Коллега согласен. Оказывается, не я первый обратил внимание на этот феномен, он давно интересует многих. Но пока еще никто не обозначил свой приоритет в открытии. Доктор согласен с моими предположениями: пожалуй, Сергей единственное распространенное имя, которое в грубой форме четко делится по слогам: Се-Ре-Га. На втором месте, по наблюдениям коллеги, идет имя Леха, с чем я согласен. Слога четко различимы между собой, и главное, после каждой согласной идет гласная, звук которой пьяному организму воспроизвести гораздо легче. И тоже нет двух согласных подряд. Но доктор к теме подошел серьезней и в выводах идет дальше: «Смотри, в русском языке всего шесть гласных звуков, а в старорусском было раза в два больше. Значит что? Значит, нашим предкам было легче общаться после, например, десятого ковшика браги. Попробуй по-пьянке что-нибудь сказать на каком-нибудь западнославянском языке, например польском, или понять, что скажут тебе. Не говоря уже про какие-нибудь северо-германские или финно-угорские языки. Захочется сразу дать в морду. Почему финны пьют молча? Подумай. Отсюда вывод: русский язык и был создан для людей пьющих, а вся его последующая эволюция, потеря гласных звуков только разрушает человеческое взаимопонимание».

Вывод, конечно спорный, но интересный. Это, пожалуй, уже тема для изысканий в области филологии.

Гороскоп

Отрываю сразу несколько листков календаря, смотрю, День учителя прошел зря. Не проявил в этот день своих педагогических способностей, да особенно и не было времени. Вот пару недель назад, по пути на работу послушаю астрологический прогноз на радио Ретро-FM. Гороскоп предлагает Весам сегодня свой педагогический талант не скрывать. Решил проверить и прямо с утра организовал группу выздоравливающих алкоголиков, начав учить их основам социальной адаптации, готовить к выходу в люди. Главное, говорю им, с утра на обходе правильно ответить на самые простые вопросы главврача: «Как вас зовут? Какое сегодня число? Где вы находитесь?» Надо сказать, что воспитуемые на следующее утро первую часть теста прошли блестяще. Главный сдержанно похвалил, хорошо научили, но потом зачем-то перешел к более сложным вопросам: «Скажите, вы знаете, кто ваш лечащий доктор?» — «Конечно, — отвечает ученик, — мой доктор — женщина». — «А как зовут эту женщину?» — «Как зовут — не знаю, знаю только, что у нее очень большие сиськи». Что есть, то есть, ответ можно признать правильным, да и больше про его доктора в общем-то знать ничего и не нужно, но доктор с большими сиськами почему-то обиделась и оставила моего студента еще на сутки в реанимации.

Кстати, если уж говорить о гороскопах, большей любительницы, чем одна старинная знакомая, я не встречал. Мадам регулярно слушала астрологический прогноз и строила свою жизнь по рекомендациям Павла Глобы. Строила, надо сказать, жизнь не очень удачно, годам к сорока жила одна, попивала. Мы очень любили у нее собираться, квартира в центре, одинокая женщина, которая всегда рада гостям. Иногда по совету астролога она пыталась внести в жизнь крутые перемены. Не помню, как был сформулирован совет, но мадам решила перестроить дачу и утеплить домик. Садовый участок у нее был недалеко от моего, и все лето она уговаривала меня сложить ей печку. Сколько ни пытался убедить, что я не печник, не отставала. Ты, говорит, себе сложил, соседу сложил, сложи и мне такую же. В долгу не останусь. Уговорила. Сложил я ей печку, топила с удовольствием весь сентябрь, пока не пошел снег. А участок у нее стоял на развилке дорог, вдаваясь клином в перекресток. И на вершине этого угла бывший супруг, придурок, и поставил домик. Забора в этом месте вокруг участка не было, поскольку его регулярно сносили в темноте проезжавшие мимо автомобили. И осенью по гололеду въехал на участок груженый «КАМАЗ», снес

остатки забора и стену дома. Вместе с печкой. Печка в этот момент топилась. Повезло, что дама в этот момент вышла наружу, извиняюсь, в сортир. Но не повезло, что вовремя не заметила расколовшуюся печку. Пожарники уже ничего не смогли сделать, приехав, только поливали водой соседние дома.

Этот случай не поколебал веры в астрологию, но вдруг она, придя на работу, неожиданно заявляет, что все, больше она эти еб…е астрологические прогнозы не слушает. Все требуют подробностей — почему? Что случилось? А было так. Однажды, опять таки по совету звезд, решила она сменить дома всю сантехнику. Нет проблем прикрутить новые смесители, кто-то из пришедших гостей переставил мойку на кухне, но поставить новый унитаз никто не соглашался, работа не только сложная, но и ответственная. В итоге он долго стоял посреди комнаты, пока кто-то из перебравших гостей не использовал его по назначению. Тогда унитаз был обшит материей и около года использовался как табурет. Так бы и стоял, но Павел Глоба дал очередной совет: «Сегодня вам удадутся дела, которые вы долго откладывали». И мадам решает вызвать мастера. У мастера на этот день был другой гороскоп, скорее всего звезды ему советовали не начинать никакого дела не похмелившись, и что-то он сделал не так. Скорее всего, снимая старый унитаз, забил фановую трубу. И все дерьмо с верхних этажей полилось вниз, затопив квартиру. По колено. Это предупреждение помогло, с тех пор моя знакомая гороскопам больше не верила.

Цыгане

Самое страшное — это когда к тебе в реанимацию попадает представитель цыганского племени. Сразу под окнами останавливается табор, его обитатели, как тараканы, лезут во все щели.

— Как там бабушка моей тещи? Я узнал, что она заболела, я сразу приехал из Саратова, пустите, мне хоть одним глазочком на нее посмотреть.

Разгонять бесполезно, приходится вступать в переговоры с бароном. Одно его слово — и площадь перед больницей пустеет. Хуже, когда умирает кто-нибудь из цыган. Тут бессилен даже барон, от воя цыганок не спасает ничего. Но надо сказать, цыгане любят умирать дома, за что им наше большое уважение. Но бывает так, что не успевают вовремя выписать. В новогоднюю ночь умирает заслуженная цыганка. С утра звонок из табора:

— Как там наша цыганочка?

— А вам разве не позвонили? Должны были сообщить, что умерла.

— Звонили, да. Но сами понимаете, Новый год, все отмечали. Мы думали — вдруг кто-то из ваших пошутил? А точно умерла? Ну спасибо. Дай тебе Бог здоровья, пусть тебе Бог пошлет любимую женщину.

Нет, душевный все-таки народ, им говоришь о смерти близкого, а тебе добра желают. Не успеваешь проникнуться теплыми чувствами, как снова звонок:

— Это из табора вас беспокоят. Вы не перепутали? Точно Долорес умерла?

— Точно, Долорес.

— Ой, беда-беда. А что нам теперь делать?

— За справкой приходите в первый рабочий день.

— Ой, спасибо тебе, добрый человек. Дай тебе Бог…

Звонок еще минут через 10. В трубке уже сплошной вой:

— А вы не пошутили, а?

— Вы чего, с ума там все сошли? Кто такими вещами шутит?

Уже ни спасибо, ни добрых слов. Еще пара-тройка звонков:

— А что с ней случилось? Неужели умерла? Почему умерла?

— Болела она, болела, почки у нее отказали, удивительно, как вообще она еще столько прожила.

Еще звонок. На сей раз мужской голос:

— Из табора беспокоят. Заместитель цыганского барона. Это правда, что вы сказали?

— Правда. Можете приехать и убедиться.

— Вы не шутите?

— Идите вы все в жопу! Зае… вы со своими звонками!

— Хорошо, я понял вас, значит, не шутите. Вы извините наших, больше вам звонить не будут.

Заместитель не обманул — звонки прекратились.

* * *

На одном из каналов наткнулся на старый фильм — «Табор уходит в небо». Хороший фильм. Может, где-то табор в небо и уходит, но к счастью, не у нас. Лежат у нас представители ихнего табора, болеют, казалось — все, конец, но нет, почти всегда перед смертью успевают убраться на волю. Кто мог — уползал сам, кого уносил табор. Цыган должен умереть на свободе. Так и сейчас, знакомая цыганочка Людмила Дристовна (давно мучает вопрос, загадка, как звали ее папу?) с пороком сердца, на сей раз в придачу заработала инфаркт. Начмед поднимает крик: «Срочно переводите, помрет, от цыган не отделаемся!» — «Да ничего, — говорю, — с ней не случится, полежит, уползет домой, не в первый раз. Я ее сто лет знаю, ее главное не трогать. А помрет, так никто про нее завтра не вспомнит, цыганка не центровая, у дверей сидит всего лишь одна ее семья, человек десять». — «Нет, переводите, я договорилась с Институтом кардиологии». Ну да и ладно, цыганка с воза — кибитке легче. Написал справку, вызвал «Скорую», отправил.

Через пару часов звонок из института: — Померла ваша цыганка. Теперь толпа цыган штурмует отделение.

Нормальная тема, смысл в том, что мы сволочи, подкинули им подарочек. Интересуюсь:

— А вы ее лечили?

— А как же, как положено при инфаркте, по стандарту.

— Наверное, нитраты капали?

— Капали.

— Зря… Надо было справку прочитать. Написано там, субаортальный стеноз, в ликбезе проходят, что при нем нитраты противопоказаны. Или вы думаете, чего там читать справки из сельской больницы? Вы же институт. Теперь отбивайтесь.

* * *

Знакомство с цыганским бароном часто облегчает жизнь, помогает сэкономить пару упаковок аминазина.

В наркологической клинике к кровати крест-накрест жестко привязан цыганский организм, естественно, по фамилии Михай. Интересуюсь у предыдущей смены, за что его так? Вроде на апостола Андрея не похож. Доктор отвечает:

— Не поверите, это тельце мы впятером связать не могли, это был какой-то звиздец, это была битва титанов, гибель богов. Не поверите, сколько в него влили, а он еще жив. Пропофола коробок пять, аминазин… Я это, конечно, в карте не писал, но имейте в виду.

— Цыган всегда на волю стремится, особенно в белой горячке. Слова он говорит?

— Говорит, только подходите к нему осторожно, он кусается.

Подхожу осторожно:

— Михай, скажи мне, кто у вас сейчас барон?

— Гога…

— Матросович? А давно?

— Матросович. Как старый Михай помер, он бароном стал. А ты его откуда знаешь?

— А мне-то не знать Гогу Матросовича. Это мой друг, я его лечил. Смотри, будешь шуметь, все Гоге расскажу. Он тебя накажет.

— Брат, только не говори ему, что я здесь, прошу тебя.

— А почему ты не в районной больнице? Всегда ваши приходят с перепоя откапаться, там дешевле.

— Там наших сейчас не берут, там стало плохо. Там теперь новый главный врач, вор.

— Тихо будешь лежать?

— Буду, только не говори Гоге.

Не обманул цыган, сутки пролежал тихо, даже к вечеру пришел в рассудок, вечер провели, вспоминая общих знакомых.

Наутро молчу, что цыган расстался с горячкой не от той кучи фармакологического мусора, тех препаратов, которые отмечены в карте, но не введен ни разу, а от страха перед бароном. Вот, говорит начмед, смотрите, как надо лечить делирий: ноотропы, седация. Учитесь. Ну-ну, пусть в следующий раз сами попробуют вылечить белую горячку у цыгана.

Но мой цыган все же попал. Кто-то настучал барону, что он отправился лечиться после свадьбы своего любимого двоюродного племянника в частную клинику. При выписке Гога приехал встречать лично, во дворе долго бил цыгана по голове своим костылем. Бил жестко, даже охрана хотела вмешаться. Но цыган молча терпел, его жена, дети и внуки не вмешивались в процесс. Так надо.

Административная мысль

С утра весь персонал собрался у окон, выходящих во двор больницы. Кто прижал свои лица к стеклу, кто высунулся наружу, рискуя упасть, но не пропустить зрелища. Все наблюдают, как бывший главный врач таскает в машину из своего кабинета все, что накопилось в нем за годы работы. Какие-то мешки с землей, горшки с цветами. И никто не догадается помочь пожилому человеку, ни один. Раньше бы и просить не пришлось, желающие сделать приятное слетелись бы сразу. Спросите: «А почему не поможешь ты?» Отвечу: «Я бы помог, но не могу, поскольку наблюдаю за процессом в окно оперблока, нарушая главное правило в работе анестезиолога: нельзя никогда не смотреть в окно с утра. Иначе тебе будет нечем заняться вечером. Делать на плановой операции тебе нечего, кроме двух моментов, как и летчику: взлет и посадка, начало наркоза и его конец. Остальное время работает автопилот, но отойти нельзя».

Но нет, никто не поможет, все почему-то обсуждают личное транспортное средство главврача. Какой-то кроссовер с эмблемой «Мерседеса» на капоте, ценой четыре-пять миллионов, а может и выше. Никто не посочувствует, что теперь приходится ездить на работу на своем автомобиле, жалко такого красавца гонять по нашим дорогам. Нет, дороги сейчас ничего, но вот подъезд к больнице преодолим не для всех. Ямы. Знал бы главврач, что придется приехать хоть раз на своем «Мерседесе», наверняка бы давно приказал их заделать. Во-вторых, пришлось засветиться, что имеется в личном пользовании «Мерседес». До сих пор этот факт отрицался, поскольку, как известно, политика — дело честное и открытое, главный врач как депутат какого-то местного совета в имущественной декларации указал, что в личной собственности имеет автомобиль «Нива», с забытым годом выпуска. И на словах не уставал повторять: «Да «Нива» у меня, «Нива», надоела, вечно ломается». Пусть даже все знали от знакомых из местного ГАИ, что «Нива» давно снята с учета, а поставлены два новых джипа. Но людям надо верить.

Раньше было проще, был раздолбанный служебный «Форд», подаренный больнице какими-то спонсорами еще лет десять назад. Умельцы из больничного гаража поддерживали его в сравнительном порядке, и все наши прошлые главные врачи рассекали на нем по району. Три буквы его номера складывались в короткое слово: ВОР. Наверное, случайно. Казенная машина — это удобно, бензин бесплатный, не жалко ездить по нашим проселкам.

После обеда народ загоняется на собрание, обещают, что будет интересно, будет озвучена важная информация. Какая информация, все и так знают причину — главный врач должен официально объявить о своей отставке:

— Простите, не могу больше. Тяжело, возраст. Чувствую, еще чуть-чуть — и не справлюсь.

Можно подумать, что кто-то раньше справлялся. Последние лет пять больница жила по принципу зоны строгого режима: день прошел — и хорошо. Но тут на днях закончила работу комиссия из комитета по здравоохранению, сделала выводы, и, видимо, запахло уголовным делом.

— Простите, если что не так. Попрошусь обратно, простым врачом, надеюсь, не откажете?

И смотрит на реакцию зала, а в зале тишина, все молчат. И ни слезинки в глазах, никто не захлебывается соплями и не спрашивает, рыдая: «На кого вы нас оставляете, сиротинушек?»

В общем, удивительно жестокий у нас народ, бессердечный. Можно сказать — злой. И так опустили человека до неприличия, из главных врачей перевели в рядовые, и то с неопределенным статусом, работай, пока сезон отпусков, а там посмотрим. А мне жалко человека, и чует сердце, придет новый начальник, будем просить старого: «Вернись!»

Следующий день посвящен обсуждению вопроса: кто же будет новым главным врачом? Уже ясно, что придет человек со стороны. Впитываются слухи, строятся самые фантастические версии. Говорят, молодой, говорят, раньше у нас работал. Начинают перебираться возможные кандидаты, имеющие способности к администрированию, а главное — связи в Комитете здравоохранения:

— Может этот?

— Да нет, я ему звонил, точно не он. Он бы мне проговорился.

— Уверен?

— Уверен, он трепло, у него вода в заднице не держится. Наверняка бы сказал.

— Тогда…

— Так он же полный мудак.

— Зато у него дядя в министерстве.

— Все равно, вряд ли. Дядя не станет из-за него рисковать своей должностью. У дяди тоже дети есть. Может, для смеха нашего бывшего заведующего возьмут? Надо же шутку до конца дошутить.

— Это того, которого через месяц работы за наркоту уволили? Которого спящим нашли, со шприцем в вене? Да ты с

ума сошел.

— Нисколько не удивлюсь, зато пропофол в больнице появится, а то нету его давно. А потом, ну какая вам разница, кто придет? Один черт, улучшений в течение года не будет. Главное, не кто придет, а зачем. Если придет с указанием ликвидировать больницу, так тут любой справится. В свете нынешних требований экономии и оптимизации здравоохранения.

— Не скажи, ликвидировать тоже надо уметь.

Очередной слух, принесенный заведующим, сужает круг подозреваемых. Якобы кто-то слышал, что у выбранного кандидата короткая фамилия. Но вот какая — вопрос.

— Кац?

— Да вроде нет.

— Ну ты прямо как ребусник Синицкий: «А третий слог, досуг имея…» Кац вряд ли, ты когда в больнице последний раз живого Каца видел? Последний еврей лет пять назад уволился.

— Да, точно, плохой это признак, когда никаких Кацов, Штейнов и Бергов не остается. Все бегут. Эх, прикроют нас к чертовой матери. Жаль, в свое время ведь неплохая больница, всегда хвалили.

— Ну ты еще позапрошлый век вспомни. Видел, в коридоре на первом этаже стенд висит?

— Это который? Который под названием «Этапы большого пути»?

— Видел.

— А видел там сбоку списочек всех главных врачей, которые были при советской власти? Там только последнего в конце нет, скромность не позволила… Не стремится в анналы.

— Не, не замечал.

— А вот и зря. Ты пойди почитай, кто нашей больницей руководил. Нет, первого с русской фамилией можно пропустить, он еще с прежних времен остался, как тяжелое наследие царского режима. А дальше, какие имена: Исаак Рувимович, Абрам Самуилович, Борис Евсеевич. А так все, до предпоследнего, были исключительно евреи, и главные врачи, и заведующие. А потом пришел этот, как его, Михайлов, Минин, в общем, забыл, так при нем все и поувольнялись. Только двое еще какое-то время продержались, не помню фамилии, Гофман или Гольдберг и Сима Лазаревна… И пришел нашей больничке кобздец. Правда, потом вскоре его на повышение отправили, в облздраве чем-то руководить, а вскоре и нашли зарезанным в соседнем поселке. А кто зарезал, таки и до сих пор не выяснили. Лучше так стенд бы и обозначили, — «Этапы большой деградации».

Новый слух принесен из комитета по здравоохранению:

— Ездил с утра сдавать отчет, слышал разговор, что придет к нам, ну как его, фамилию забыл, простая такая фамилия, плебейская, что-то типа Индюшкин или Хуюшкин. Это точная информация.

— Случайно не тот, который раньше в медсанчасти заместителем главного врача был? Кликуха у него еще такая там была, Говнюшкин. И с фамилией созвучна, и отражает. Только не может этого быть, его же пару лет назад оттуда вышвырнули показательным пинком под задницу. Устроили такую акцию, типа демонстрации борьбы с коррупцией. Говорят, что собрали всех сотрудников во дворе как раз к тому моменту, когда его из кабинета ОМОН в наручниках выводил. Главный врач решил всем показать, что таким, как он, у нас не место. Правда, отвели за угол, наручники расстегнули и отпустили — ступай. Как он мог в областной системе оказаться? И где он два года болтался? Не поверю.

— Ну и зря, это точная информация, мой человек сам слышал разговор.

— Ладно, завтра посмотрим.

Новый главный врач не заставил долго ждать своего появления. Не прошло и дня — уже гуляет по отделениям, осматривает больницу. Парень оказался крепок здоровьем, это плюс. Шесть лет назад тоже приходил один товарищ, лет сорока, назначенный комитетом по здравоохранению нам в главврачи, смотрел, знакомился. На следующий день должен был приступить к работе, но вечером, взглянув на свои будущие владения, слег с инфарктом и пропал навсегда. В итоге главврачом был временно назначен наш предыдущий, ненадолго, всего на шесть лет. Но вот срок временной работы подошел к концу, пора освобождать место.

Особенность современной русской модели управления, причина, по которой она может эффективно работать только в мобилизационном режиме, определяется не какими-то особыми, присущими только ей связями между отдельными кластерами объектов, не подменой конкуренции распределением и не в других причинах, над которыми пусть ломают свои головы аналитики. Все проще: ее основополагающий принцип состоит в том, что если на руководящую должность приходит мудак, то он должен проявить себя мудаком сразу и окончательно. Чтобы после первых дней работы не оставить в этом никаких сомнений ни у подчиненных, ни и у своего руководства. И не надо ждать, пока снизится эффективность работы руководимого им подразделения, оценить которую можно только на основе конкурентных механизмов. Все это рационально, но в условиях

кризиса система не может позволить себе тратить на это время. Вот тут-то и начинают играть свою роль особенности связей между отдельными вертикальными звеньями административной цепочки, с возможностью контактов между ними, минуя промежуточные уровни. Контакта непосредственного, не в виде некоего расплывчатого общественного мнения, а в простой, краткой и доступной форме информирования, к которому вышестоящее руководство вынуждено было прислушиваться. Причем вертикальные связи всегда дублировались по нескольким линиям, от непосредственной административной до партийно-политической. Способы информирования могли быть различны, у слова «донос» в русском языке наберется немало синонимов, но результат случался один: отстранение попавшего на должность придурка и назначение нового человека. И так могло продолжаться до того момента, пока вдруг не окажется, что вот наконец пришел тот, который справится, который сделает все, как надо. Это и позволяло русской модели управления добиваться фантастических успехов в тяжелейшие моменты жизни страны.

При этом новый руководитель всегда знал, что ждет его в случае, если он не оправдает оказанного доверия. И трудился не только за совесть. А размах мер административного воздействия был широк: от выговора и простого увольнения до тюремного коридора, который мог не только вывести его на самые крайние просторы нашей необъятной Родины, но и быстро закончиться тупичком, то есть стенкой.

Развал системы произошел не от того, что настали новые времена, пришла эпоха гуманизма и человеколюбия. Разрушены вертикальные связи, и высшему руководству глубоко наплевать, что о нем и его назначенцах думают на нижних ступенях административной цепочки. Результатом стало то, что теперь руководителям дают время и простор для творчества, дают возможность проявить свои административные таланты. Даже если сразу понятно, что они отсутствуют. И не признаваться же руководству, что ты сам, своей подписью назначил на должность идиота. Может возникнуть ненужный вопрос: «А сам-то ты соответствуешь?» Легче скрыть результаты деятельности своего назначенца. А подчиненным остается надеяться только на чудо, а чудеса, как говорит один мой знакомый батюшка, чудеса будут, за чудесами дело не станет. Одно остается неизменным: пришедший на должность мудак проявляет себя мудаком сразу, а сама возможность сообщить наверх о его некомпетентности пресекается в корне.

Все сомнения, все предположения о том, что вдруг случится чудо и на должность главного врача придет нормальный человек,

к вечеру рассеялись. Кто знал, кто что-то слышал о будущем главврача, о его деятельности на прежних местах работы, сели писать заявления об уходе. Итог деятельности нового главного врача за первые две недели — увольнение почти всех заведующих и ключевых заместителей. Нет, ничего личного, просто народ надеялся на перемены и понял, что дождался. Ждать больше нечего. Значит, пора и мне.

Сижу в приемной главного врача, имею желание лично подать на подпись заявление по собственному желанию, а заодно и познакомиться с новым руководством. Неплохо проследить, чтобы на заявлении была поставлена подпись. Были прецеденты, подаешь заявление, отрабатываешь положенные две недели, решаешь, что все, свободен, на работу можешь не идти. Приходишь в отдел кадров за трудовой книжкой, а там запись: Уволен по такой-то статье, за прогул. В общем, лучше подписать и снять ксерокопию. Секретарша сосредоточенно что-то печатает на компьютере, изображает, что занята. Да и у меня нет особенного желания беседовать. Сказала только, что главный занят, просил подождать. Жду. Для таких, как я, в приемной поставлена кофеварка, угощайтесь. Вдруг открывается дверь в кабинет, оттуда с воем вылетает главный врач:

— У-у-у-у-у-у — у-у-у-у-у-у — у-у-у-у-у-у.

Руки расставлены в стороны, изображает самолет. Притормаживает, идет на посадку:

— Ну что, боитесь меня? Правильно! — и, не дождавшись ответа, покачивая крыльями, улетает, заложив вираж в повороте коридора. Не успеваю спросить, как же ты полетел-то, без опознавательных огней, без утвержденного диспетчером маршрута? Неровен час ПВО собьют. Хотя, как любил повторять один лектор на командирских курсах, наше ПВО что волосья на манде, прикрывать — прикрывают, а защитить не могут. Шум мотора стихает где-то за входной дверью.

Секретарша, так и не оторвавшись от монитора, предупреждает:

— А вы можете его не ждать, его сегодня уже не будет, улетел. Хотите — заявление передам.

— А что это было?

Девушка пожимает плечами, похоже, ее эти вопросы уже давно не волнуют, привыкла.

Думаю — нет, подожду-ка я пока увольняться, впереди еще много интересного. Будет на что посмотреть. Придется запасаться попкорном.

Надо сказать, что умнее всех поступил заведующий травматологическим отделением, рассудив, что до конца

представления еще далеко и на весь спектакль попкорна не напасешься, купил аппарат для его приготовления и жарит его в своем кабинете. Теперь угощает всех желающих. Будем следить за очередными шагами и решениями администрации. Решения не заставят себя ждать

Поделился своим наблюдением о человеке-самолете с больничным психиатром, вдруг его заинтересует необычный клинический случай:

— Я чего-то не понял, вот если бы он птицу изображал, можно понять, говорят, сейчас практикуется такой способ руководства. Называется «менеджмент чайки». Это когда начальник прилетает, накричит, насрёт и улетит. А при чем тут самолет?

Доктор, у которого уже, пожалуй, все интересовались его мнением по поводу психического здоровьем главного врача, спрашивает:

— А зачем ты мне это рассказываешь? Сам не видишь? Больной человек…

— Ну допустим, я вижу, но хочется знать мнение профессионала. Каков диагноз? Клянусь, никому не скажу.

— Он у меня еще на приеме не был. А сам чего думаешь?

— Думаю так: насчет того, маньяк он или нет, не скажу, но то, что он хороший психопат-циклотимик, это, по-моему, всем понятно, причем такой забавный, с элементами нарциссизма.

— Ну если так считаешь, пусть так и будет.

Хотя доктор ни с кем никогда не обсуждал тему здоровья руководства, да и не только руководства, а вообще никому не сообщал психиатрических диагнозов пациентов, никогда не писал их в общей истории болезни, а конверты с направлением в сумасшедший дом тщательно запечатывал, но где-то через неделю ему было предложено уволиться. На всякий случай.

Ничего не меняется на свете, все как всегда, все те же три вечных вопроса. Кто виноват? Что делать и с чего начать? Если решение вопроса «Кто виноват?» зависит от конкретной ситуации, на вопрос «Что делать?» ответа нет и пока еще не было ни у кого, то ответ на вопрос «С чего начать?» прост и понятен. Начать можно с любой ерунды, а там будет видно. Смотришь, а эта ерунда уже превратилась в главную цель руководства, а приложив усилия и ресурс, ее вообще можно поднять на уровень национальной идеи.

Новый главврач решает для начала посвятить все свои силы борьбе с курением.

— Итак, — докладывает на очередном совещании, — первое: курить вы у меня бросите все. Это главное. Я вас уверяю, через

год наша больница будет самой красивой в области. В ней будут работать только стройные молодые люди. Не останется ни одного пенсионера, не будет ни одного курящего и ни одного толстого жирного существа. А то представляете, захожу в буфет, а там сидит доктор, а вон, кстати, она, — показывает в зал пальцем, — жрет какую-то сосиску в тесте. Щеки — во, аж трясутся, как у хомяка. Хрум, хрум!

На секунду отвлекаюсь, похоже, придется писать заявление по собственному. Возраст еще не старый, то, что ты по стажу уже на пенсии, можно не афишировать, но получается классическая вилка: стоит бросить курить — толстеешь. Так что у меня выбора не остается.

— А теперь, — продолжается доклад, — о наших дальнейших планах.

Дальше идут перспективы развития: ремонт, строительство нового корпуса, ну а потом, когда мы заработаем денег, построим дом для сотрудников, решив таким образом кадровый вопрос. Речь надо подкрепить наглядно. Главный подходит к доске, собираясь рисовать графики роста нашего благосостояния, достает из коробочки мел, чертит диаграмму… И черт, вместо мела в руке оказывается оставленный там кем-то окурок. Наверное случайно. Графики так и не нарисованы, о наших перспективах мы так и не узнали.

Небольшое оживление в зале. Люди пытаются сдержать смех, небольшая часть, демонстрируя преданность, обещает выяснить, чья это диверсия, кто из сотрудников курит LD. До снятия зубных слепков и анализа слюны пока дела не доходит, дорого. Менее преданная руководству часть зала молчит, почти все знают, кто курит по ночам в конференц-зале, приглашая туда своих подружек.

Теперь у главврача есть забота. Вечерами, в девять-десять часов неожиданно появляться на отделениях, проверять, не курим ли? Других дел нет. Ощущение, что над нашей богадельней ставят какие-то эксперименты с непонятной пока целью. Цель непонятна, но результат эксперимента близок.

Никто никогда не замечал во мне пылкой любви к начальству, никто не мог обвинить в бескорыстном стремлении сказать или сделать ему приятное. И в корыстном тоже. Потому имею полное право и не устаю повторять всем недовольным новым руководством совершенно серьезно и искренне: не знаю, кому как, а лично мне новая администрация нравится, а главный врач — особенно. Лучшего у меня не было, лучшего мне не нужно. Да, согласен, есть негативные моменты, есть спорные черты характера, но есть главное, что перевешивает все

остальное. Это неистребимый оптимизм на грани маниакального состояния, чем-то напоминающий маниакально-депрессивный психоз у больных на фоне органического слабоумия. Жить становится с каждым днем все интересней. Главное, человек не унывает. Берется за одно дело, пусть это полная чушь, пусть не получается, с тем же энтузиазмом энергия направляется на другое. Борьба с курением, объявленная первостепенной задачей, завершилась полным поражением, не беда. Новая главная задача — безопасность. Безопасность и противодействие терроризму. Начато строительство забора вокруг больницы, организация постов охраны. Злые языки злословят, денег девать некуда, лучше б медикамент какой купили, а то ворота ставят, шлагбаумы, электронные пропуска. Недовольны те, кто не успел получить пропуск, тем не попасть на работу. Вот ты, спрашивают, как после отпуска на работу попал? Пропуска-то у тебя нет. Да элементарно, говорю, охраннику сказал если не пропустит, разнесу шлагбаум к чертовой матери, заодно с твоей будкой. В багажнике у меня с отпуска топор валяется. Не боишься остаться без работы? Поверил, даже показывать не пришлось. И не надо, говорю, особенно никаких аналогий, забор — дело нужное, просто человек еще не совсем понял, куда он попал. Территория больницы гектаров десять, вокруг частные дома, огороды. Можно поставить забор в два ряда, натянуть спирали Бруно, ввести пропуска, перепахать и заминировать контрольную полосу, но весь этот режим просуществует до поступления первого больного с фамилией Михай, не важно, кем он будет, бароном или рядовым обитателем цыганского табора. Поток цыган сметет все. А если будут проблемы с пропусками, сам позвоню барону. Попрошу прислать цыганский ансамбль исполнителей с гитарой, и под народную песню «Спрячь за высоким забором…» тут не только заборы, тут и шлагбаумы снесут, и будки сторожей вместе с охраной. Мне он не откажет.

Со мной спорят:

— Теперь у нас есть заместитель по вопросам обороны и безопасности. Человек серьезный, полковник, мент. Это его инициатива.

— Это случайно не тот человек, который ходит у нас под окнами и уже третий час кричит в телефон: «Где забор? Почему тут нет забора? Сегодня должен быть забор!» Я думал, его из ЛОНДа к нам перевели.

ЛОНД — областной наркологический диспансер, наш надежный поставщик интересных клинических случаев в виде тяжелой белой горячки. Соседство с ним — наша постоянная головная боль и радость.

— Не, не из ЛОНДа.

— Странно, я подумал, что уже вызывали на консультацию, не пора ли человека госпитализировать в реанимацию с горячкой, вязать.

— Да вы что, это наш новый начальник, заместитель по безопасности. Наша защита. Взялся забор строить. Денег пока нет.

Начальник службы безопасности действительно оказался не беглым сумасшедшим, а настоящим полковником, правда, в отставке. Представили человека на общем собрании, дали слово. Человек явно специалист в вопросах, только непонятно одно: с какой стороны он к системам безопасности подходил, обустраивал их или искал пути преодоления? По повадкам парень смахивает на конкретного распальцованного пацана. Интересуемся вежливо, с какой горы этот хер на нашу голову свалился. И не желает ли этот хер залезть обратно? Хер начал:

— Я не буду вам объяснять чисто психологию преступников, зачем? Вы в этом деле профаны. Я скажу вам так — я в этом деле профессионал.

Голос из зала, сначала робко:

— Да ты чё, в натуре? Ты давай грузи про психологию, тут не зеленые пацаны собрались, тут убийцы в белых халатах.

Недоволен народ, оскорбился, дальше пошло:

— Можно подумать, что мы УК в школе проходили. Да мы на своей шкуре половину статей примерили еще в те времена, когда ты мутной каплей на конце висел!

В общем, сорвали презентацию нового заместителя. Обидно, мне хотелось послушать про психологию террористов, интересно.

Ждем, что будет дальше. Пока строительство забора приостановилось, экскаватор, заряженный рыть траншею по периметру, по неведению перерубил трубу с горячей водой. Предупреждали нового главного инженера, что в больничную магистраль полно врезок, что соседние дома притыривают у больнички воду, холодную для питья, горячую для обогрева. Говорят, что с ведома прежнего руководства, поговаривали о его каких-то корыстных мотивах, но разве можно верить грязным слухам? Вот и не поверили, а зря.

А еще интересно наблюдать, как выстраиваются логические цепочки в воспаленном руководящем мозгу, как соединяются их звенья, рвутся, начинают нарастать в другой последовательности. Административную мысль штормит, раскачивает в стороны. Совещания по три раза в неделю, в расширенном составе, в более узком и наконец исключительно с приближенными заместителями. На совет малого синедриона доступ простым

людям закрыт, какие решения принимаются на нем — тайна. Скорее всего, те же самые, то есть никаких. Идут те же разговоры о том, какая наступит у нас прекрасная жизнь. И какой достался хреновый коллектив.

Первое звено цепочки: в начале следующего года приобретаем новый компьютерный томограф. Ну если не в начале года, то в течение года точно, а в следующем году — наверняка. Давайте думать о его размещении, нужен ремонт. Мысль родила решение: а зачем нам ремонт, зачем нам все неудобства, с ним связанные? Мы сделаем проще, мы построим новый корпус больницы! Площадь территории позволяет. Новый корпус оборудуем по последнему слову, а потом основательно возьмемся за ремонт старого. Робкий голос главного инженера о том, что на свободной территории заболоченное озеро и какие-то попытки строительства там были прекращены еще в 70-е годы в связи с непригодностью грунта, тонет в потоке оваций.

Нанята бригада мужиков для расчистки территории, срублен разросшийся подлесок, в основном осина. Колы сложены штабелями вдоль более-менее сухой тропинки, пригодятся. На этом работа приостановилась. Срубленную осину растащили окрестные дачники, на дрова. Что странно, при этом на чердаке больницы поселились летучие мыши. Иногда хочется вырезать осиновый кол, на всякий случай, чтоб был под рукой, вдруг это не простые летучие мыши, а оборотни или вампиры, но не из чего.

Трудность пришла с неожиданной стороны, болотистая почва оказалась ни при чем. Территорию будущего корпуса надо обнести забором, требование то ли МЧС, то ли иных органов. Но на забор денег по-прежнему нет. Новый, только что пришедший глава местной администрации обещал содействие, но подвел. Сесть еще не сел, но уже отстранен работы. Жаль человека, только освоился, только начал входить во вкус…

Не беда, со стройкой можно подождать. А что мы можем сделать своими силами, не привлекая средств? Музей! Больнице около 200 лет, надо отразить путь. Где — не вопрос. У входа стоит чудом уцелевший деревянный домик, избушка, в которой в послевоенные времена был морг, потом прачечная, потом жили бомжи. Сейчас бомжи ушли, избушка стала непригодной даже для их жизни. Иногда ночуют бездомные собаки. Вот в ней мы и создадим музей наших трудовых свершений.

Мне интересно только одно — платным будет вход в музей или нет. Если будет бесплатным — схожу.

Администрация уезда не желает оставаться в стороне, в масштабах поселка организуя акцию «Бессмертный полк». Кладбище в поселке есть, правда, полузаброшенное, но с

памятником. Решено, что 9 мая с утра все строем — туда. Родное руководство суетится, составляет списки. Активисты предлагают принести фотографии времен войны, приглашен человек, увеличит, наклеит на транспарант. Чем мы хуже столиц? Тут трудно отказаться. Объяснять, что не люблю массовых демонстраций? Что лучше мы с братом сходим к своим на кладбище, нальем по сто грамм, помянем?

— Никак, — говорю, — не получится.

— А у вас что, никто не был на фронте? Или не сохранилось фотографий? Не беда, дадим.

— Да нет, фотографии-то как раз есть. Есть портрет деда, большой, увеличивать не надо. Мы с ним даже похожи. Только вот одна деталь: он на портрете в форме старшего хорунжего польской армии, как-то неудобно. Хотя интересно, сколько я с таким портретом пройду по улице?

— Да. А у вас никто в Красной армии не был?

— Это почему же не были? Были. Брат деда служил в Красной, с 38-го по 57-й. Так что братья в 39-м вполне могли встретиться на фронте.

Проходит еще пара дней, странная пауза, никаких новых указов. Административная мысль бьется в тисках, зажатая стенами кабинета, и наконец-то прорывается наружу, выдав продуктивную симптоматику — очередной приказ: везде, во всех документах запретить сокращения в тексте. Разрешены только общеупотребительные. Приводится список: ЖКБ (желчекаменная болезнь), МКБ (мочекаменная), ГБ(гипертоническая), ИБС (ибэистическая) и парочка других, понятных не только каждому. В следующих пунктах — штрафные санкции за нарушение. И примечание: все записи с сокращениями считаются недействительными и подлежат исправлению. Необходимость приказа подкреплена речью на собрании: «Прочел тут диагноз: «ЗЧМТ, УГМ, САК? ТТЖ». Или еще: «Область исследования: ШОП, ГОП и ПОП». Скажите, нормальный человек поймет, что вы имели в виду? А вот гинекологи пишут, видимо, название операции: «Нам с придатками». Что это такое? Кто поймет, что это надвлагалищная ампутация матки?»

Народ молчит, всем понятно, нормальный не поймет, но не для нормальных же людей все это пишется. Надо подсунуть тему, выдать приказ о повышении грамотности. Новый терапевт почему-то упорно считает, что слово «анестезиолог» начинается с буквы Э.

Наконец прорвало, открылись шлюзы, и все мы купаемся в потоках мудрости, излившейся из нашей администрации. Только стало казаться, что руководящая мысль затихла в своем кабинете

или, что маловероятно, переключилась на решение насущных проблем, так и оставив в виде проекта строительство комплекса защитных сооружений вокруг территории, попросту говоря — забора, (кончились деньги), как она явилась перед нами в очередном блеске, разродившись серией новых приказов. Приказы даны для ознакомления под роспись, по привычке, перед тем, как поставить подпись под текстом, стараюсь его прочитать. Читаю. Текст сыроват, много недоработок и нечеткостей, но стремление похвально.

Первый приказ посвящен борьбе с коррупцией. Пять страниц. Узнаю, что в больнице создается комиссия по противодействию коррупции (состав пока не утвержден). Далее дается определение термину «Подарок». При его получении одариваемый в течение трех дней с момента получения «подарка» обязан в двух экземплярах подать заявление в комиссию. Оговариваются особые случаи невозможности соблюдения сроков подачи заявления, например — командировка или болезнь, что после получения иного подарка особой крепости вещь нередкая. Необходимо указать его стоимость, желательно приложить чек. Бланк заявления прилагается. До момента передачи «подарка» комиссии нести материальную ответственность за его сохранность. В дальнейшем комиссия на своем заседании решает судьбу «подарка». Если его стоимость не известна, создается особая оценочная комиссия. Если цена оказывается меньше 3 тысяч рублей, «подарок» по решению комиссии может перейти в пользование получившего. Выше — получателю предоставляется возможность выкупить «подарок» по рыночной стоимости, а доход направить в бюджет учреждения. При отказе его выкупить комиссия решает, можно ли использовать «подарок» в производственных целях, а если нет, если ему не находится практического применения, то «подарок» реализуется (написано — на рынке, но не указано, кем и на каком именно), а вырученные средства опять таки направляются в бюджет учреждения.

Чую, хлебнет администрация горя с этим приказом. Лично мне давно не дарили вертолетов, яхт и гоночных автомобилей. Просто случайные люди, решившие поблагодарить доктора за работу, не знают да и не имеют времени поинтересоваться его увлечениями. Дарили мне много разных предметов; одна пациентка, например, постоянно приносила женские колготки. Не очень модные, зато полезные для здоровья, из чистой хлопчатобумажной нити. В длину они растягивались метров на пять, в ширину не знаю, просто боялся измерить. Очень удобные, маман ими подвязывала огурцы в теплице. Дарить их своим

подругам я не решался, расстаться с надоевшей подружкой можно и менее болезненно. Другая лет 10 таскала по одному предметы из какого-то современного супрематического чайного сервиза, но не успела притащить весь, и целиком его собрать так и не удалось. Да и пить из треугольных чашек не очень удобно. Но основная масса обделена фантазией, и несут что? Правильно, бутылку. Никто никогда не приносил чека. Но к счастью, перестали тащить номерной портвейн и водочку эконом-класса, разлитую в ближайшем подвале. И большинство принесенных шмурдяков, при нынешнем курсе валют, тянут куда там за три тысячи. Естественно, все принесенное бывает выпить невозможно. Часть идет в доход отделения. Бывает, к празднику собирается приличная коллекция. Часть идет на расчеты с сотрудниками вспомогательных служб, сантехниками, плотником. Но теперь проблема решена, первую же принесенную бутылку, с заявлением, относим в комиссию по противодействию коррупции. И пусть теперь она решает, как виски или коньяк можно приспособить к производственным целям. Теперь это ее головная боль.

Следующий приказ озаглавлен: Моральный кодекс сотрудника ГБУЗЛО. Не надо бояться слова, это общепринятая аббревиатура, обозначает Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Ленинградской области. Скрижали Ветхого Завета по сравнению с нашим кодексом напоминают брошюрку с советами мыть руки перед едой и чистить зубы. Это круче, отложим на следующий день.

С утра приступаем к изучению морального кодекса сотрудника больнички. То есть своего. И в процессе начинаю понимать, что что-то знакомое звучит в формулировках, почти забытое. Преследует ощущение, что где-то когда-то ты что-то подобное уже читал. Посмотрел в Интернете, оказалось, мой моральный кодекс практически списан с Морального кодекса строителя коммунизма. Преданность, добросовестный труд, коллективизм и прочая лабуда, включая нравственную чистоту. Та же самая нетерпимость к национальной неприязни, правда, тут пункт расширен, кроме инородцев включены различные убогие слои населения, слабоумные и психически нездоровые граждане; не допускается дискриминация по имущественному, интеллектуальному и другим признакам. И так же, как в кодексе строителя, не упомянута ориентация дискриминируемого, получается, что сотрудник не понесет моральной ответственности, если пидора назовет пидором. Что, конечно, странно, не современно, но за что составителю спасибо. Однако, обсудив «Кодекс» с коллегой, понимаем, в чем дело.

— Смотри, вот как-то не понятно: «Сотрудники должны воздерживаться от любого вида высказываний и действий дискриминационного характера по признакам пола, возраста, расы, национальности…» Почему-то про пидарасов ничего не сказано, что нельзя их дискриминировать, что их надо любить?

— А ты пункт восемь посмотри, видишь, написано, что необходимо воздерживаться от публичных высказываний и оценок деятельности руководства и непосредственно главного врача. Значит, про пидарасов все-таки сказано.

Действительно, отдельный пункт запрещает критику руководства в целом, персонально руководителя, публичные выступления и публикации в печати. Без указаний их темы. Наказание, правда, мягкое. Нарушивший несет строгую моральную ответственность и будет осужден коллективом. Тут надо завтра уточнить вопрос, что имеется в виду под публичными выступлениями? Получается, что нельзя ни петь, ни плясать (публично), ни печататься вообще? И возникает еще вопрос, удастся ли за один день нарушить сразу все заповеди?

Надо сказать, что это не инициатива с мест, административная мудрость вытекает и из глубин нашего Минздрава, только успевай ее зачерпывать. Далеко ходить не надо, достаточно вытащить любой лист из папки с входящими приказами. Вот первый попавшийся на глаза образец. Явно слышны отголоски вопроса, заданного президенту на прямой линии с народом: «А почему меня не пустили в реанимацию навестить родственника?» Президент приказал вопрос решить. Минздрав решает, и письмо разослано по всей стране и дано сотрудникам реанимаций для ознакомления, под роспись:

О правилах посещения родственниками пациентов в отделениях реанимации и интенсивной терапии

Посещения родственниками пациентов отделений реанимации и интенсивной терапии разрешается при выполнении следующих условий:

— Родственники не должны иметь признаков острых инфекционных заболеваний (повышенной температуры, проявлений респираторной инфекции, диареи). Медицинские справки об отсутствии заболеваний не требуются.

— Перед посещением медицинскому персоналу необходимо провести с родственниками краткую беседу для разъяснения необходимости сообщить врачу о наличии у них каких-либо

инфекционных заболеваний, психологически подготовить к тому, что посетитель увидит в отделении.

— Перед посещением отделения посетитель должен снять верхнюю одежду, надеть бахилы, халат, маску, шапочку, тщательно вымыть руки. Мобильный телефон и другие электронные устройства должны быть выключены.

— Посетители в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения в отделение не допускаются.

И далее: посетитель обязуется соблюдать тишину, не затруднять оказание медицинской помощи другим пациентам, выполнять указания медицинского персонала, не прикасаться к медицинским приборам. Не разрешается посещать пациентов детям в возрасте до 14 лет. Одновременно разрешается находиться в палате не более чем двум посетителям. Посещения родственников не разрешаются во время проведения в палате инвазивных манипуляций (интубация трахеи, катетеризация сосудов, перевязки и т. п.), проведения сердечно-легочной реанимации.

Родственники могут оказывать помощь медицинскому персоналу в уходе за пациентом и поддержании чистоты в палате только по личному желанию и после подробного инструктажа.

В соответствии с Федеральным законом № 323 ФЗ медицинскому персоналу следует обеспечить защиту прав всех пациентов, находящихся в отделении реанимации (защита персональной информации, соблюдение охранительного режима, оказание своевременной помощи).

Кроме того, Минздрав разработал для больниц форму памятки, которую должен прочитать родственник пациента перед посещением реанимации. После прочтения памятки посетитель должен своей подписью подтвердить, что обязуется выполнять указанные в ней требования.

Письмо вызывает массу вопросов в каждом своем пункте, начиная с названия. Не дано определение, что такое родственник. Это только жена (муж), родители, дети или же двоюродные братья, тети? Один цыган требовал пропустить его к больному, утверждая, что он его самый близкий родственник, двоюродный брат племянника его жены. Далее, пункт первый: как определить отсутствие инфекционных заболеваний у посетителя? Перечисленные в скобках симптомы (повышенная температура, проявления респираторной инфекции, диарея) выявить в принципе можно. Не чихаешь, под дверью реанимации не осталось следов диареи, измерил температуру, нормальная — проходи. Но ведь не каждая зараза проявляется лихорадкой и поносом. Как быть с остальными? Проверять всех на чесотку,

копаться в волосах, искать вшей?

Ставить по одному виду диагноз «алкогольное опьянение» простой врач не вправе, нужен психиатр-нарколог. В любом суде это заключение легко оспаривается. Соответственно, надо обеспечить необходимой аппаратурой. Перед посещением у входа подуй в трубочку алкотестера, сдай мочу. Ответы анализов мочи на алкоголь к нам приходят дня через три-четыре. Если очень хочешь посетить родственника в реанимации — подождешь, может быть посетить еще успеешь. Да и протрезвеешь наверняка.

Про соблюдение Федерального закона № 323, а особенно его пункта 13, касающегося соблюдения врачебной тайны, речи вообще нет. А именно никому без согласия больного нельзя сообщать никаких сведений о его состоянии.

А еще можно представить реакцию иного нашего пациента, только-только выходящего из комы, из алкогольного забытья или наркоза, когда он увидит перед собой своего близкого родственника в халате, бахилах, маске, шапочке. А для многих будет шоком увидеть близкого с тщательно вымытыми руками. Надо сразу готовить галоперидол и склонить голову перед неземной мудростью руководства.

На работе придумана новая игра. На стену повешен календарь на год, воткнуты флажки. Ставки невелики, по сто рублей, собраны с участников и сложены в сейфе. Цель — определить, сколько продержится новое руководство. Тот, чей флажок окажется ближе к предполагаемой дате изгнания, забирает выигрыш. Если руководство продержится до конца года, собранные деньги пропиваются на новогодние праздники. Изобретение моё, горжусь.

Если игра идет на деньги, пусть небольшие, к игре надо относиться серьезно. Тут важен принцип. А главный залог успеха в любой игре, пусть она основана исключительно на чистой случайности, — это информация. И информацию надо насасывать из всех возможных источников. Каждая может оказаться полезной, пусть это поведение игрока, пусть это состав его тренерского штаба. Важна любая мелочь. Поскольку в теории наша игра близка к корпоративной и в конечном итоге выиграют или проиграют все, то информацию решено не утаивать, а делиться с участниками.

Иногда администрация мыслит точно так же, как и я. То есть правильно. Например, что главное к празднику? Вы скажете: премия? Премия, конечно, хорошо. Но встает вопрос: а что с ней делать? Пропить? Купить на нее что-то такое, о чем давно мечтал, но не мог себе позволить? У кого есть мечта ценой в 2–3 тысячи рублей, поделитесь, я позавидую. Пока будешь думать, на что

потратить премию, деньги незаметно разойдутся. Другое дело — грамота, благодарность. Особенно от Государственной думы. Тут никаких вопросов, ни малейшего сомнения, что с ней делать, она сама находит свое место. У меня есть дача, а на даче, само собой, имеется туалет, дощатый, продуваемый ветрами сортирчик, и грамота, особенно в рамочке со стеклом, в нем будет никак не лишней, поможет утеплить стены. А сколько получаешь полезной информации! Ну, во-первых, оказывается, наша Дума уже шестого созыва. Быстро летит время. Второе: есть в Думе Комитет по земельным отношениям и строительству. Видимо, Комитет давно решил свои задачи и теперь занят рассылкой почетных грамот. И наконец то, что в Комитете работает заместителем председателя некий гражданин Петров, которому уже совсем не хер делать, кроме как подписывать письма к Дню медицинского работника. А стоит заглянуть в Яндекс, посмотреть, кто такой Петров, — вообще находишь массу интересного и думаешь — надо бы сохранить автограф, как знать. Не у каждого есть автограф человека из Списка Форбс.

Наконец администрация добралась до более насущных проблем — решает кадровые вопросы. Кадровый вопрос встает остро, и решения по нему принимаются такие же острые и неожиданные, как и сам вопрос.

Начмед интересуется мнением коллектива:

— Ну и как вам новый заведующий хирургическим отделением?

— А вы его видели?

— Один раз. Главврач его без меня на работу принимал. О чем они там беседовали, я не в курсе. Знаю, что он в районной больнице заведовал отделением. Говорят, все может.

— Это известно, этот может. В районе его все хорошо знают, и в больнице, где он работал, и те, кто там лежал, и кто просто там живет и старается их районную больницу стороной обходить. Его все знают. Если честно, все то напоминает маленький фрагмент игры в пазлы, из которых в целом должно сложиться одно слово, извините, «пиздец». Прикиньте, заходит в палату, подходит к больному, у которого вся гортань удалена, рак. Ну не заметить же невозможно, правда? Трахеостома, трубки. Здоровается: «А как ваше имя-отчество, что вас беспокоит?» Мужик смотрит на него, он бы и рад ответить, да вот никак. А в морду заехать воспитание не позволяет, да и силенок у него после операции еще маловато. Хотя мог бы и нас попросить.

Вначале своего правления повторяет на каждом собрании:

— Вот, стоило мне прийти, как вместе со мной на должности заведующих двумя ключевыми отделениями пришли кто?

Пришли кандидаты наук! Почему они пришли, чего они тут забыли в вашей деревне? Они со мной пришли, они знают, что при мне больница возродится и станет…

Дальше шел план строительства Нью-Васюков, отмечалось, что еще пару месяцев напряженного труда — и далеко позади останется областная клиническая больница, а через год к нам потянутся специалисты из Лондона, Йоханнесбурга и Балтимора, потому что ихние тамошние больницы на фоне нашей будут выглядеть просто сельскими амбулаториями. Но надо только потерпеть, смириться с отсутствием надбавок к зарплате и с бесконечным ремонтом.

Прошло пару месяцев. Интересно, где теперь все эти доктора с ученой степенью? Один под следствием, ждет суда. По слухам, следователь, ведущий дело, настроен более чем решительно. Второй уволен за пьянку и полную профнепригодность. Никто не знает, жив ли, вышел из запоя или еще нет.

Но шоу продолжается. А главное правило любого шоумена — это наращивать темп. И темп нарастает. С понедельника реанимацией заведует новый человек. Как нетрудно догадаться, уже профессор, доктор наук. Известен исключительно своими достижениями исключительно в области запоев. Алкаш, за что отовсюду и выгнан. Но алкаш — это ничего, мы все не без греха, но если дать ему краткое определение: человек-говно, это будет незаслуженным комплиментом. Так что достойное завершение карьеры для профессора — заведовать отделением в сельской больничке. Верим, верим, что он себя еще покажет, оправдает надежды.

Зато уходят простые врачи, пусть и без ученой степени, но зато честно проработавшие в больнице не один десяток лет. Наконец кто-то из сотрудников собрался написать куда следует, сообщить о том, что творится в их богадельне.

Случайно жалоба попала мне в руки, попросили передать кому-нибудь из знакомых литературных редакторов, для корректировки текста. Но было лето, все редакторы были в творческом отпуске, кто уехал отдыхать на юг, кто в запой, и никто не смог помочь. Впрочем, жалоба и так была написана вполне сносно, не удивлюсь, если для ее составления наняли профессионала, какого-нибудь вполне сносного журналиста. Получился не просто очередной крик души, а основательная бумага, с цифрами, расчетами, приложением добытых документов. И даже написана с юмором, и, несмотря на объем в десяток машинописных страниц, я прочитал ее с удовольствием. Кто-то наверху тоже удовольствие получил, заинтересовался, разослав по всем контролирующим органам, всюду, куда смогли,

от Администрации Президента до местного приходского священника. Органы приехали с проверками сразу одновременно почти все. От ОБЭПа до пожарников. Удивленный главврач поехал в Комитет узнать причину. Нашлись доброжелатели, шепнули, что пришло на тебя такое заявление. Написала какая-то сволочь, не могла подождать, надо было испортить настроение перед праздниками. Главный срочно созвал общее собрание. Пришел, сел, минут пятнадцать молчал, пока заместители не стали толкать локтями: «Пауза затянулась, давай, говори слова». Слов было сказано не много. Собравшийся народ настроился на очередную двухчасовую речь, взял с собой истории болезней, писать, планшетники, зарядил смартфоны, а тут услышал всего несколько слов:

— Так, на меня тут жалоба пришла. Нашелся. Написали, что я всех уволил. Это тех, кто работать не хотят.

Вдруг вскочил с места и побежал. Выбежал на улицу, понесся к воротам, за ворота. Куда? Все смотрят, думают: «Неужели в бега?» Но нет, вечером нашли его в кабинете, с гипертоническим кризом. Пришлось взять больничный.

Но стресс длился не долго, хотя собраний не было несколько дней. Народ даже заскучал, решив, что все, развлечений больше не будет. Но нет, вскоре главный врач собрал коллектив, заговорил, снова понес бред. Переживает, жаль, что под жалобой, написанной на него в министерство, не стоит подписи. Вернее, стоит подписей много, а кто непосредственный автор — не понять. Жаль, говорит, человек талант зарывает, я бы его выдвинул на Пулитцеровскую премию по литературе. Обещал помочь, у него везде связи. А уж в Колумбийском университете, присуждающем премии, и подавно все схвачено, это ему как два пальца. Он все может. Наверное, подумал, что автор от гордости нечаянно себя выдаст. Деньги платят пусть небольшие, но никому бы не помешали. Хотя трудно подобрать подходящую номинацию Пулитцеровской премии, разве что за лучшую драму, но на художественное полотно письмо объемом всего в один авторский лист явно не тянет.

В социальных сетях обсуждается статья: *«25-летний Георгий Никиташенко возглавил 7-ю поликлинику»*. Тема вызвала интерес, перепосты, комментарии.

Ну так собственно и что? 25 лет — солидный возраст. Должен был, правда, до этого успеть поработать на административной должности, иметь опыт, но кто его знает, может быть имел. Был старостой в группе, звеньевым в пионерской организации. Кстати вспомнил про нашего, уже бывшего начальника отдела кадров. Той вообще при назначении на должность было 22 года. Бывшая

заведующая, проработав лет 30, знала обо всех все. У кого какой стаж, кому пора подавать документы на оформление пенсии, у кого кончается срок действия сертификата или категории, кому пора идти на учебу. При этом сама звонила врачам, напоминала. А в ведении нашего отдела кадров находятся не только кадры самой больницы, но и практически всей районной системы охраны здоровья: всех поликлиник, станций скорой помощи, амбулаторий, вплоть до затерянных где-то в лесу фельдшерских пунктов. Но не стала сопротивляться, когда главный попросил написать по собственному. Отказать начальству в такой пустяковой просьбе трудно, да и надо давать дорогу молодым. Новый кандидат подходил на 100 %: опыт, стаж работы, и главное мама — глава местной администрации. Никто не спорил, лучшей кандидатуры не найти. Но почему-то в кадрах начался бардак, который главврач списал на саботаж остальных сотрудников, недовольных сменой начальницы. Но бардак — дело привычное, и так бы она и работала, если бы главный врач, не выглянув случайно в окно своего кабинета, не увидел бы под ним припаркованную незнакомую машину, которая при этом как-то странно раскачивалась. Надев очки, а он близорук, разглядел, что к лобовому стеклу изнутри прижаты голые пятки его начальника отдела кадров, которого в этой машине, извиняемся, е. ут. А самое главное, что делает это почему-то не он, а совершенно незнакомый посторонний в больнице человек. Когда совокупление завершилось и начальница отдела вернулась к себе в кабинет, на столе уже лежал подписанный приказ об ее увольнении в связи с несоответствием занимаемой должности. Кто-то из рядовых инспекторов напечатал быстро и красиво, а может, уже заготовил заранее.

Девушка попыталась сопротивляться, в крик — не уйду, и все! А в чем причина увольнения? Отсутствовала на работе? Так минут 15, за прогул не уволишь. Трудовой договор запрещает совокупляться в рабочее время? Покажите. Тем более был положенный по закону обеденный перерыв, а в перерыв что хочу, то и делаю. Может быть, я таким способом обедаю. Пригрозила санкциями со стороны мамы. Но главному хотя и полезно иметь хорошие отношения с районной администрацией, но по большому счету на нее плевать, ни с администрации, ни с депутатов денег не выпросишь уже давно. В общем, не хотела девушка увольняться. Тогда выход нашелся: к главному врачу пришла на работу его жена, изобразила сцену ревности, и с криком: «Я все про вас знала, я терпела, я думала, что у вас любовь, а ты оказывается просто блядь!» — грубо набила ей морду. Это подействовало, и единственное, о чем она попросила,

дать ей уйти по собственному желанию. Написала заявление, которое главный врач тут же и подписал.

Кстати, надо зайти в отдел кадров, интересно, кто теперь там новый начальник.

Чувствую, что осталось совсем немного времени до того момента, когда стыдно будет признаться, что когда-то имел медицинское образование. А если еще сказать, что денег с пациентов ты никогда не брал не по той причине, что не давали, а в качестве благодарности не отказывался разве что от приличного напитка, тебе будут весело плевать в харю. Потому что не поверят. А если удастся убедить, то скорее всего просто назовут мудаком и будут абсолютно правы. Ну что делать, если не научился вымогать денег с пациентов, если в наше время по этому предмету не было хороших учителей. Зато сейчас есть, но учиться уже поздно.

На работу устраивается новый врач-гинеколог. Первое дежурство. Сразу же, чтобы не было иллюзий насчет нашего контингента: на операционный стол попадает местная девушка лет 20. У селянки во рту всего два зуба, зато полный живот гноя. Тяжелая половая жизнь, сгнившие придатки. СПИД. После операции сидим в ординаторской, разговорились. Рассказываю о больничке, внутренних правилах, о взаимоотношениях. Симпатичная тетенька, муж военный, отслужив положенное на Севере, решил возвратиться домой. Купили квартиру в поселке, у нас квартиры подешевле, чем в городе, пока устроилась к нам, потом будет видно. Речь у доктора несколько старомодна, перегружена определениями, но в то же время интеллигентна и удивительно правильная. Так бывает, когда старинный диалект прошлого века сохраняется в изолированной группе людей. Дословно процитировать невозможно, но в переводе на простой, понятный современным людям язык ее вопрос звучал бы примерно так:

— Слушайте, а что это за херня сидит в кабинете главного врача? Я к нему подкатила, подписать заявление на работу, а это чмо мне заявляет: «Так, вы когда будете сидеть на приеме в консультации, смотрите, если хоть один человек от вас уйдет, не оставив в кассе или у вас в кабинете 10 тысяч, значит, вы напрасно отработали свой день. Если оставит в кабинете — половину принесете мне. В случае чего, я прикрою. Но смотрите, если не согласны, мы с вами быстро расстанемся». Я спрашиваю, а с кого тут брать? Тут нищета сплошная, а он мне: «А меня это не еб…! И не надо считать деньги в кармане пациента, считайте в своем. Есть много дополнительных процедур, лазер, пиявки, прочая ерунда, раскрутите, пусть идут, делают за

дополнительную плату». Это что у вас, в порядке вещей?

— Да нет, — отвечаю, — не было никогда такого. Попадались отдельные любители, но как-то их быстро ставили на место. А заявление подписал?

— Подписал, с испытательным сроком. Но надеюсь, я за пару месяцев осмотрюсь, когда мы окончательно переедем, найду работу. Так что я у вас временно, чтобы непрерывный стаж не потерять.

Жаль, доктор не проработала испытательного срока. Хороший хирург, нашла работу в городе.

С каждым днем все больше кажется, что наша маленькая больница успешно борется за звание психиатрической. С одной лишь разницей: если в психиатрической больнице душевнобольные граждане лежат в палатах, то в нашем дурдоме они захватили власть и расставили на посты своих людей. И руководят. При том, что больные — люди относительно нормальные. Носишь в кармане блокнотик, записываешь, успеваешь не все, жаль, что рабочий день слишком короткий. Вокруг столько интересного. Даже местный дурачок-алкоголик, которому лобный инсульт добавил шарма и некой экстравагантности, и тот на фоне нового руководства кажется высокоинтеллектуальной, гармонично развитой личностью. По крайней мере вполне ориентируется как в окружающей обстановке, так и в собственном теле. Просит пить, просит есть и постоянно занимается онанизмом, единственное, что успешно делает сам. Плохо, что кормить его приходится с ложки, на руки надеты специальные рукавички от онанизма, приобретенные заботливой родней. Есть такие, с подушечкой на ладонной поверхности, которая не позволяет сжать пальцы в кулак. Рукавички не мешают его занятию, но ложку держать в руках не позволяют. Медсестры, наблюдая целыми сутками за процессом, стыдят врачей мужского пола:

— Вот смотрите, дурак дураком, а сегодня уже восьмой раз. А с вас толку? Учились бы.

Мой новый заведующий успешно заменяет занятие онанизмом раскладыванием пасьянса, зато совершенно лишен способностей к ориентировке в окружающем. Проходя мимо, слышу, как он разговаривает с родственниками пациента:

— Вы не волнуйтесь, с ним все в порядке, я договорился (местоимение «я» хотя и выделено интонацией, но это полное вранье, договаривался начмед) о переводе его в клинику нефрологии. Ничего страшного, почки работают…

Деликатно в стороне интересуюсь:

— А вы не в курсе, что больной уже с час назад умер? Как им

теперь объяснить, что с ним не совсем все в порядке?

Ремонт — стихийное бедствие. У нас — катастрофа. Вереница таджиков тащит оборудование с оперблока вниз, в реанимацию. Опять интересно.

— Да, — отвечает руководство, — главный распорядился, временно операционные будут у нас.

— Тогда другой вопрос: а кто-нибудь позаботился обеспечить газами, кислород-то у нас есть, пусть давление на нижнем пределе, но ничего, сойдет, а остальные?

Заведующий отделением анестезиологии и реанимации, а называемся мы именно так, кандидат медицинских наук, спрашивает у простого врача:

— А что, разве для наркоза нужны еще какие-то газы? А какие?

— Закись нужна, или сжатый воздух, но тогда пусть покупают ведро севорана. А вообще-то положено и то и другое.

— Да ну вы бросьте шутить, я серьезно спрашиваю. Разве одного кислорода мало?

Две анестезистки притихли и ушли, оставив меня одного объяснять, что вообще-то мало. А можно ли попробовать? Да попробовать-то в жизни можно почти все, только многое можно попробовать всего лишь один раз. Не напились бы тетки от тоски, они могут.

Видимо, мои объяснения понравились, вопросы посыпались один за одним:

— А зачем мы заказываем интубационные трубки разного размера? А какие используются при наркозе? А почему старшая сестра заказывает трубки без манжетки? И кому они вообще нужны, двух-трехмиллиметровые? Разве можно человека продышать через такую трубку? А почему нельзя наркоз провести на чистом кислороде? По крайней мере, в экстренных случаях?

Пришлось записать вопросы, дома обдумать ответ. А лучше попросить на них ответить главного анестезиолога области. Он не переносит идиотов. Заодно спросить, кто взял на работу такого специалиста, да еще и заведовать отделением реанимации. Хотя зачем спрашивать, кто взял — известно.

Главный врач — существо позитивное, часа два на собрании рассказывает нам, как стало в больнице хорошо и здорово. Сидим слушаем, к общим собраниям как к бесплатному развлечению мы привыкли. Просыпаюсь от слов:

— Вот что за коллектив мне достался? Во всем видеть только недостатки. Мало вам платят, а простите, за что я вам должен платить? Зарабатывайте, я же вам не мешаю. Вот лучше почитайте, что о нас пишут.

Раздается стопка местных газет. Почитаем о наших достижениях в прессе, раз никак не можем разглядеть их сами:

«Произведен капитальный ремонт операционного блока с организацией лапароскопической операционной и рентгеноперационной. Теперь хирургические вмешательства одновременно можно проводить сразу в трех операционных залах, где установлены новые операционные столы, светодиодные бестеневые лампы, анестезиологические консоли для подачи газов и электропитания, размещена «палата пробуждения».

Что ж, придется сходить посмотреть своими глазами на отремонтированный оперблок. Ремонт сделан интересно. Из трех заявленных операционных почему-то работает только одна, оказалось, что строители забыли сделать подводку газов. То есть они-то как раз не забыли, и прораб нас спрашивал, как вам удобнее ее провести, но главврач ответил: «Не надо, пока на нее нет денег, как-нибудь потом». Когда мы ему намекнули, что вы вроде как сам по специальности анестезиолог и должны понимать, какой наркоз без кислорода и прочих газообразных веществ, услышали в ответ: «Ничего, я скоро возьму на работу своего друга из Военно-медицинской академии, ему приходилось наркоз проводить в полевых условиях, во время боевых действий, он вас научит, как это делать».

Признаюсь, во время боевых действий мне работать не приходилось, но насчет работы в условиях полевых, лесных и болотных, а также в условиях квартир наших жителей, что порой покруче боевых, могу поспорить, у кого опыта больше. Остается только один вопрос: «А зачем?» Особенно если этого можно избежать и работать в нормальных условиях.

Хорошо, что в кладовке остался списанный аппарат под названием «Полинаркон», продукт еще советской инженерной мысли. Непонятно, почему его забыли выкинуть. Притащили в операционную, благо он на колесиках, примандячили к нему баллоны с газом, используя его как редуктор, а от него уже протянули шланги к современному наркозному аппарату. Забавный гибрид, но советские инженеры наверняка были бы довольны конструкцией. И гордились бы своими потомками. Жаль, что «Полинаркон» остался один, потому и работает на всю больницу только одна операционная.

А еще жаль, что в дверь распиаренной в средствах информации «палаты пробуждения» не входит не то что кровать, а даже каталка.

Однако человек от главного врача пришел, пришел делиться с нами опытом работы в экстремальных условиях. Я не знаю, наверное он гений, наверное он из тех, который любые условия

сделает экстремальными. Но одна беда — в плановой операционной работать не способен. Пришлось мне зайти в оперблок после его работы. Зашел и первый раз в жизни потерял сознание. Вернее, почти потерял, как-то смог дойти до окна, открыть его и вывалить все содержимое желудка на улицу с пятого этажа, прямо перед входом в приемное отделение. Не стал смотреть, кого из посетителей наша больница встретила потоком блевотины, но судя по крикам снизу, кому-то хорошо досталось. Подышав свежим воздухом, понял причину. Известно не только всем, что в операционной должна быть вентиляция. Причем сделанная по строгим стандартам, исключительно принудительная с заменой всего воздуха пять (кажется пять) раз в течение часа и с преобладанием притока на 20 %. Естественная вентиляция не допускается. Надо сказать, что последний пункт строители соблюли абсолютно. Все вентиляционные решетки не только заделали, но и наглухо залепили вентиляционные шахты. Даже сняли ручки со стеклопакетов на окнах, чтобы не дай бог не просочилась естественная струйка воздуха. Получилось замкнутое помещение, закрытое герметично. Двери по стандартам сделали раздвижными, как положено, со светодиодными датчиками, закрывающимися плотно, без щелей. А нашему умельцу, привыкшему к полевым условиям, невдомек, что давно прошла эпоха аппаратов с открытым контуром, которые выбрасывали выдыхаемый воздух в атмосферу. Сейчас подавать приток свежего газа литров 20 в минуту, из которого половина — закись азота в сочетании с какой-нибудь летучей фторсодержащей дрянью, совсем ни к чему. Особенно в замкнутом пространстве. Это в лесу, а лучше в поле — пожалуйста, особенно если дует ветерок. Слышу, как анестезистка удивляется, куда же делся весь севоран, только что давала последний флакончик. А флакончик не дешевый, стоит десять тысяч рублей. И пошла писать заявление на увольнение по собственному желанию. А он вот он, говорю, никуда не делся, он в воздухе, зато какая экономия сорбента, за пять часов работы посинела всего пара горошин натронной извести. А я извиняюсь перед санитарками оперблока, что не сдержался, но видите, как хорошо, что не наблевал на пол. Есть такая у меня беда, виноват, не переношу даже запаха галогенсодержащих средств для наркоза.

Странно, 40 лет назад о вентиляции почему-то думали, можно было смело идти в оперблок работать, а приходилось, и самому ехать в него на каталке на операцию. А сейчас все, предупредил начальство, делайте со мной что хотите, но в оперблок я больше не зайду. Попытаетесь заставить — напишу

заявление сразу, а можете увольнять по статье, мне все равно. Есть халтура в частной клинике, там будут только рады, что смогу у них работать почаще.

Но надо присмотреться внимательнее, надо все-таки найти позитив. Позитив нашел: на стенах новые раковины. Красивые. Одно плохо: узбеки со своими представлениями об эстетике решили не портить линию, выделенную темным кафелем, и повесили их чуть выше. Примерно в ста десяти сантиметрах от пола. Как говорится, ни поссать, ни руки не помыть. Правда, руки-то я со своим ростом вымыть могу, держа их на уровне груди, а хирурги-коротышки, увы, при каждом мытье рук принимают душ.

Есть и еще. До ремонта не было в операционных ни одного туалета. В 70-е годы еще советские раздолбаи-строители не довели до пятого этажа подходящие фановые трубы. Одна, правда, проходила куда-то на крышу, но не имела на последнем этаже крестовины и для кого предназначалась — непонятно. Наверное, для птиц или живущего там Карлсона. Да и как-то особой нужды в туалете не было. Воздух в операционных сухой, поработаешь весь день, и хорошо, если к ночи вспомнишь: а чего это ты весь день отлить не ходил? Пора бы. А не вспомнишь, так и не сходишь. А трем-четырем постоянным тамошним обитателям, санитаркам да операционным сестрам можно и рядом, на соседнее отделение гинекологии сходить. Но пришли люди составлять проект, и первым делом возник вопрос: Как это так? Вопиющее безобразие! Не соответствует никаким нормам! Сделаем! Отгородили закутки и поставили на оперблок из трех операционных семь (!) толчков. Поставить-то поставили, но при наличии отсутствия фановых труб возникла проблема иного свойства: куда дерьмо сливать? Инженерно-строительная мысль нашла выход: установили какие-то насосы, вытягивающие из очка содержимое. Как вакуумная система канализации на круизных лайнерах. Скептики встретили нововведение с сомнением — а вдруг засорится? И бумажки в унитаз бросать нельзя. Ничего, говорю, зато как удобно: сел, включил слив и тужиться не надо. Унитаз сам все высосет. Вам еще завидовать будут, будут проситься к вам. А пускать посторонних или нет, тут уж ваше дело, конкурентов у вас не будет.

Но и мой оптимизм немного поутих, потому как природа свое берет. Если где-то убудет, то в другом месте прибудет соответственно, и если где-то создать вакуум, то где-то давление повысится. И давление повысилось, но почему-то не этажом ниже, а в фановых трубах в противоположном крыле здания, а почему так произошло, думать было некогда, когда из всех сливных

отверстий забили фонтаны. Тут уж не до рассуждений о тайных потоках говна, тут его выгребать надо. А дальше уже без всякой мистики, исключительно под действием силы тяжести, все оно протекло на первый этаж, щедро доставшись второму. На котором как раз и находится наше отделение. Ничего страшного, к запахам мы привыкли, и раньше у нас пахло не фиалками, но вот глаза привыкнуть не могут никак. Слезятся глаза. А эпицентр запаха — душевая напротив ординаторской. И как-то на очередном дежурстве ночь была спокойная, можно было спать и спать, так нет, просидев до утра на табуретке в коридоре, написал заявление об уходе. Не подпишут — потребую зарегистрировать и положу в понедельник секретарю главного врача на стол. И это уже все, серьезно. Наверное, это было последнее, что смог выдержать. Пора искать другую работу.

Посетив в последний раз отдел кадров своей богадельни, начинаешь понимать простую вещь: почему из всех славянских народов только русские без чьей-то помощи, самостоятельно смогли построить независимое государственное образование. Простояв в очереди, понял, что дело не только в неистребимом пофигизме русского народа, но и в высокой степени его самоорганизации в условиях постоянного бардака. В отделе кадров очередь из таких же, как я, из желающих забрать свою трудовую книжку. По ходу узнаешь текущие новости. Главного врача нет. По слухам, уехал в Москву, искать защиты у своих покровителей в министерстве. Взял с собой заведующего хирургией, на которого по требованию областной прокуратуры завели уголовное дело. Перед отъездом предупредив, что у меня такие связи, все куплено и вы все еще пожалеете, когда наш ведущий хирург вернется на свою должность. О чем пожалеем — непонятно. Хотя правильно, тут как в горах, друга надо спасать, иначе друг потянет за собой. Заместителя нет. Начмед отказалась, написав заявление об уходе. Третий месяц нет начальника отдела кадров, неделю как уволен главный бухгалтер. Нет экономиста, сидит на больничном. Нет заведующего реанимацией, тут причина уважительная — запой. Ну и по мелочи, закрыли лабораторию, переведя ее из больницы в поликлинику. Заведующая, посопротивлявшись: «Как так, больница без лаборатории?» — уволилась. В общем, нет никого из руководства. И ничего страшного, больница работает, и что самое интересное, ничуть не хуже, чем обычно. А может, даже лучше. Больные лечатся, поправившиеся выписываются, трупы вывозятся. Разве что затих бульдозер, вторую неделю разравнивающий привезенную под видом орловского чернозема глиняную массу из ближайшего котлована. Новая идея больного на голову

руководства — разбить на территории больницы парк. Уже придуманы названия парковых аллей: Центральная, Александровская, в честь губернатора Ленинградской области Александра Дрозденко, приглашенного по окончании земляных работ посадить на ней дерево или куст. Только вряд ли что сможет вырасти на этой глине, даже если неприхотливое деревце посадит сам губернатор.

В отделе кадров спросили:

— Ну вы-то куда? Вы же обещали дождаться момента, когда наступит полный кобздец. Ну так, кажется, уже дождались. Так что думаю, решение принято правильное. А работу, — спрашивают, — уже нашли?

— Пока нет, но думаю, что без работы не останусь, анестезиолог профессия дефицитная, целые страницы объявлений на сайтах вакансий. Можно даже не смотреть, а просто подписаться на рассылку. Тут, кстати, вакансия пришла интересная — землекоп. Я понимаю, специальность смежная, можно сказать, близкая, землекоп — он всегда близко, он маячит где-то рядом и может понадобиться в любой момент. Однако все равно удивился, когда прочитал:

Здравствуйте!

Ваш электронный адрес подписан на получение горячих вакансий сайта Superjob.

Параметры Вашей подписки: — Слова в тексте вакансии: ***землекоп (все слова по должности)***

— Регион: ***Ленинградская область, Санкт-Петербург***

В течение последней недели ни одна вакансия не подошла по выбранным Вами параметрам, хотя ежедневно на сайте Superjob публикуются тысячи вакансий практически всех специальностей рынка труда.

Если Вы ищете работу по редкой специальности, то Вам нужно просто набраться терпения и ждать появления нужной вакансии. Если же Вы ищете работу по распространенной специальности, то мы рекомендуем Вам проверить правильность выбранных Вами параметров подписки — возможно, Вы заметите какое-либо противоречие или ошибку.

— А вообще-то я, наверное, зря в свое время отказался от предложения директора местного кладбища. Когда заговорил с ним на его профессиональном языке, легко оперируя такими понятиями, как «временное надгробие», «полуторный гроб», директор посмотрел на меня с интересом:

— А ты случайно не в реанимации работаешь?

— В реанимации. А как догадались?

— Да юмор у тебя… Приходи к нам, у меня вакансий пока

нет, но как только понадобится администратор, я сразу позвоню.

— Да нет, спасибо, — говорю, — пока специальность менять не собираюсь. — А если серьезно, то только за прошлую неделю в двух местах предлагали работу, и надо сказать, что и там и там я скорее всего наверняка бы согласился. Только в первом месте просят подождать окончания новогодних праздников, там идет какая-то реорганизация, и сразу после каникул приходить для беседы. А во втором потребовали прийти прямо сейчас, буквально через час-два. Только странное совпадение: в обоих местах неожиданно случились вакансии, кто-то из врачей внезапно помер. В одном месте старый пидор лет сорока по пьянке утонул в ванной. А во втором доктор насмерть подавился шашлыком, похоже, там тоже не обошлось без алкоголя.

— Ну что ж, желаем вам найти работу по душе.

— Интересно звучит — работа по душе. Я ж не психиатр, и потом, я привык руками работать. А руками работать с душой? Как-то звучит грубовато. Вроде как работа по металлу, резьба по дереву. Первое время посижу дома. Хотя скучно будет без работы, с кем ты еще поговоришь на высокие философские темы? Только с каким-нибудь организмом, который трясется от страха в операционной.

— Чего дрожишь? — спрашиваю.

— Доктор, я так боюсь всякой хуйни…

— А ты не бойся, друг. Хуйни боятся все, только почему-то все ее делают. Будем надеяться, что я еще вернусь.

Наше амбулаторное звено

Конфуцию приписывают пословицу: если долго сидеть на берегу реки, то ты увидишь, как мимо проплывет труп твоего врага. Можно добавить: если к тому времени сам не станешь трупом. Думаю, что мудрый Конфуций такого не говорил. Куда приятней увидеть, как труп врага приплывет к твоему берегу, а еще лучше, если твой враг будет еще немного жив.

Прихожу на работу и вижу, что к кровати привязано тело моего участкового терапевта. На табличке написано слово: Панкреонекроз.

— Здравствуй, Вася! Вася не отвечает, что-то бормочет в своем бреду, пытается разорвать веревки. Смотрю историю, анализы, плохи, думаю, твои дела. Мало у тебя шансов, тяжело тебе будет уйти от нас живым. Если только случится чудо. Чудо в конце концов произошло, Васе удалось выкарабкаться практически с того света, но вот если бы он попался мне года три назад, скорее всего живым бы не ушел. И не ушел бы не от меня одного, а от всех, кому приходилось хоть раз к нему обратиться. Мне пришлось.

Года три назад болел друг, онкология. Знал, что нашего районного терапевта вызывали только с одной целью: выписать обезболивающее. Больше толку от него не было никакого. Придя к друзьям, он видел синтезатор, солидную акустическую систему, приносил с собой гитару, исполнял пару песенок, хвалил инструмент и уходил, совершенно забыв, зачем его звали. В итоге трамадол и, честно говоря, кое-что покрепче, рискуя, приходилось доставать мне. Но наркотики требовались не долго, а потребовалась справка о смерти. У родственников покойного всегда возникает желание побыстрее закончить со всеми похоронными делами, а я как профессионал в деле организации похорон не смог отказать и взялся помочь побыстрее оформить документы. Первое в этом деле — получить свидетельство о смерти. Чтобы избежать лишней волокиты со вскрытием, зачем вскрывать, диагноз известен, решил выписать справку о смерти в поликлинике. Зная, что мудак Вася очень серьезно и основательно подходит к оформлению документации, пришел в поликлинику в 8 утра, за час до начала приема. Но опоздал. В кабинет каким-то образом проникла более опытная старушка и ждала доктора уже внутри. Что он там с ней делал два часа, не знаю, но бабка вышла только в 11. Вокруг шумит очередь, все с талончиками на 9, на 9-15, и так на каждые пятнадцать минут. Показываю им пропуск, что я сотрудник больницы и имею право

пройти без очереди, проникаю в кабинет. Объясняю цель: человек умер ночью, наблюдался, в том числе и тобой, вот его карта. Пиши справку. Васька начал читать амбулаторную карту, надо сказать, распухшую за год. Прочитав внимательно до конца, начал читать сзади наперед. Дойдя до первой страницы, начинает снова. Так раз пять. Молчу, боюсь сбить с мысли. Мысль появилась:

— А что вы, собственно, хотите?

— Хочу получить врачебное свидетельство о смерти.

— А у меня их нет.

— Как нет? Ладно, хорошо, сейчас бланк принесу из морга.

Иду, знакомый санитар в морге под честное слово дает бланк, приношу, заполняй. Вася снова начинает листать карточку.

— Может быть, ты все же напишешь?

— Не мешай, собьюсь с мысли.

После каждого написанного слова вновь пролистывал карточку. Я уже боюсь что-то сказать, сбить с мысли, процесс хоть и медленно, но идет.

— Так, — говорит Васек, — а откуда я знаю, что он действительно умер?

— Да ты чего, я шутки тут пришел шутить? Пиши справку!

— Нет, давайте после окончания приема сходим в морг, убедимся.

А за дверями стоит уже человек пятнадцать.

— Вася, если мы сейчас с тобой пойдем в морг, то один из нас там и останется. Думаю, что это будешь ты. Пиши, блядь!

— Нет, надо позвонить.

Минут 20 пытается дозвониться до морга, проверить. Дежурный санитар не подходит к телефону, занят на вскрытии.

— Сейчас, я сбегаю еще раз, принесу направление «Скорой помощи» с констатацией смерти. Этого хватит?

— Хватит.

Хорошо, что морг недалеко от поликлиники. Приношу направление в морг от «Скорой помощи», Вася продолжает свою каллиграфию. Наконец справка выписана, по нашим правилам ее надо заверить у патологоанатома, потом печать. Снова иду в морг, где мне объясняют, что по этой справке мне свидетельства не дадут, неправильно указан код диагноза, что-то еще. Матеря терапевта, выдают мне под честное слово еще один бланк. На этот раз процесс заполнения прошел быстрее, потому что, пока в кабинете сидела очередная бабушка, заполнил его сам.

— Подпиши.

— А в чем, собственно, дело, почему я должен что-то подписывать? Вы что хотели?

— Блядь, я уже тут шестой час объясняю, чего я хочу, подписывай!

Доктор снова начинает читать карточку, вперед — назад, вперед — назад… Через 20 минут закроется морг.

— Вася, я тебя сейчас убью…

— Ладно, хорошо, хорошо, только ты мне заверенную в морге справку принеси, мне нужен номер…

— Хер тебе в обе руки, а не номер.

Хватаю справку, успеваю на пороге поймать санитара морга, который едва не валится с крыльца, пытаясь закрыть навесной замок. Патологоанатома уже нет, его уже увезли домой. Санитар ставит печать, за патологоанатома расписываюсь сам. Отдаю испорченный бланк:

— Как-нибудь разберетесь?

— Да не вопрос, что мы, этого придурка не знаем? Это у него постоянно.

Хорошо, что поселковая администрация недалеко от больницы, успеваю перед закрытием обменять врачебную справку о смерти на гербовое свидетельство. А на кладбище дежурный администратор всегда рад гостям, а с ним, можно сказать с коллегой по работе, договориться не проблема. К следующему утру в морг доставлен гроб, прочие ритуальные предметы. Санитар морга, хотя уходя накануне с трудом стоял на ногах, слово сдержал: к 11–00 все приготовил, одел, причесал. Ничего не скажешь, профессионал.

И затаил я тогда на Васю злобу, присматривал за ним, ждал случая. Когда ему в сезон отпусков пришлось работать не на полставки, а на полторы, абсолютно не пьющий Вася, у которого хватало своей дури, начал употреблять.

С утра начмед удивлена:

— Смотрите, да это же наш участковый терапевт. Странно, он вроде бы никогда не пил. С чего это панкреонекроз?

— Терапевт он по специальности, а по жизни мудак. Запил в пятьдесят лет, поздновато. А сейчас еще и в делирии.

— Это я знаю. Он всю жизнь такой. Хотя перед Новым годом выглядел получше. Лечите, хотя сомневаюсь, что проскочит.

Утренний обход

В отпуске отвыкаешь от оборотов родной речи, начинаешь скучать. Особенно если дней десять приходится говорить с местными на какой-то смеси английского с местным наречием. При моих способностях к языкам успокаивает только одно: большинство аборигенов в неанглоязычной стране говорит хуже. Зато дома отдыхаешь душой, услышав родную речь:

— Граждане, товарищи, я прошу вас, я умоляю, отвяжите меня! Сейчас мы все погибнем, вы разве не видите, крыша горит. Смотрите, сейчас балки на нас рухнут! Там собака моя, Жулька. Жулька, ко мне! Ну отвяжите же, пожалуйста, иначе всем вам пиздец! Я вас всех в жопу вы…!

— Сейчас потушим твою крышу. Готов? Тогда говори свое последнее желание.

— Да идите вы все в п…у! Пожалуйста…

— Это было твое последнее желание? Тогда мы пошли.

В вену льется пропофол, пожар затухает. А может, и не затухает, а продолжает тлеть в голове, только пламя не вырывается наружу.

Наутро начмед интересуется: — Ну как, потушили?

— Потушить-то потушили, только какой-то странный у парня бред, и речь разорванная, от изысканных литературных оборотов до отвратительнейшего мата. Ко всему прочему он ломает нашу теорию о том, что алкоголики в бреду зовут в первую очередь Серегу. Он звал всех: Леху, Богдана, Виталика, даже свою собаку Жульку, но ни разу не Серегу.

— Ну и что? Может быть, у него нет друзей Сергеев.

— Да нет, у них у всех есть. Давайте проверим, не имел ли он до запоя проблем с психикой, наверняка были контакты с психиатрией. Может, он водкой шизофрению лечил? Молод он еще для алкоголика.

Посмеявшись над нашей теорией, начмед все-таки соглашается. Точно, пациент оказался постоянным клиентом психиатрической больницы номер три, в народе — «Скворечника», куда и пытался обратиться самостоятельно, но где на этот раз его не приняли. Пьян был. Теперь пусть у начальства разорвет голову вопрос, что же с ним делать? Как из соматической больницы перевести в психушку.

* * *

Немолодой алкаш заканчивает свой расчет с белой горячкой, обретает дар внятной речи. Сестра жалуется:

— Доктор, он надоел, предлагает с ним в Гагры слетать, говорит, что у него там в горах дача. И ваши назначения я не могу выполнить, к нему не подойти. Только приближусь, за жопу прихватывает, будто бы я уже согласилась с ним в Гагры. Вы или привязывайте его, или делайте сами.

— Ну сделай ему аминазина, пусть спит. Я руки подержу.

Через пару часов с койки новое предложение:

— Аня, поехали со мной на Курилы. Я сейчас позвоню, за нами самолет пришлют.

— Ладно, — говорю Ане, — сделай побольше, и галоперидола добавь, не жалей лекарств.

И так весь день, пока к утру рот алкаша вместо слов выпускает наружу только слюнявые пузыри. Начмед недовольна:

— Ты чего наделал, когда он теперь проснется? Я его вечером выписать собиралась!

— Так какая выписка, он еще в делирии, несет полный бред, про дачу в горах, про рыбозавод на Курилах. Про личный самолет…

— А ты чего, не знал? У него действительно самолет есть, и консервный заводик где-то на Дальнем Востоке. Буди теперь.

— Предупреждать надо.

* * *

Никогда не оставайтесь ночевать на работе, если нет в этом необходимости. А особенно если вы работаете в психиатрической клинике.

Накануне один доктор задержался на работе и в десятом часу решил, что лучше домой не ехать. Темно, метель, а живет он далеко, за городом. Решил, что лучше заночевать в свободной палате, свободные палаты пока есть. Но пришел с утра на обход какой-то сонный.

— Чего, — спрашиваю, — не выспался?

— Это чего у нас за новый медбрат? Мудила, бдя! Просыпаюсь от того, что мне кто-то давление мерит. Пока чего-то сообразил, мне укол в жопу, херак! Интересно, с кем это он меня перепутал и чего вкатил?

— Не знаю. Ночью мелькал какой-то новенький, наверное студент. Чернокожий. Я его раньше не видел. Пытался его попросить зайти ко мне, попугать моих делириков, но он не понял, чего я от него хочу. По-моему, он по-русски не понимает.

Может, он? Хотя говорят, что у нас какой-то негр давно работает по ночам, я просто раньше его в темноте не замечал. Один раз видел, как белый халат по коридору гулял, но не придал значения. Ну бывает, свободный халат в свободной стране может гулять где хочет. Думал, что у меня тоже бред. А судя по твоему виду, ничего хорошего он тебе не вкатил. Явно не женьшень. Идика ты полежи, пока у нас вторая палата свободна.

Предложил и скоро пожалел. Палата вскоре понадобилась, а там спит доктор, и не только храпит, но и пускает пузыри из всех дыхательных отверстий. Предупредил сменщика, что там коллега спит, и пошел спать домой.

Кстати, чернокожего студента через пару дней все же уволили. Очередной один наш товарищ пациент, расшатавший нервишки месячным запоем, увидев в темноте белый халат, прогуливающийся по коридору, с криком летит в стеклянную дверь черного хода и несется вниз по лестнице. Если бы он пробил дверь с первой попытки, наверняка бы убежал, но мы с медбратом уже вышли на эту лестницу этажом ниже, посмотреть, кто там наверху ломится в запертую дверь. И смотрим, как вниз несется безумное существо, и кричит: «Там, там!!!» Мы даже его не спросили, что там. Ты заходи к нам, у нас спокойно, у нас ты будешь спать.

А наутро студенту сообщают, что свободен, нечего тут народ пугать. Хорошо еще, за ремонт дверей платить не заставили.

* * *

Начмед задает идиотский вопрос:

— Вы мне скажите, почему у вас больной утверждает, что он в публичном доме?

— Это не ко мне. Это к дежурному терапевту. В истории ваш доктор четко написал: «Во времени и пространстве ориентирован правильно».

* * *

Утро, докладываешь об успехах. Гражданин, быковавший накануне и, соответственно, привязанный к кровати, показывает на меня пальцем и что-то шепчет на ухо начмеду. Слышны только отдельные слова: — «Этот ваш… Он фашист… Это хуже гестапо…»

Жалуется, сучонок, на то, что пришлось попрессовать

накануне. Пусть скажет спасибо, что обошлись без телесных. Народ прислушивается, народу интересно:

— А чего он говорит?

Начмед поворачивается к свите:

— Вы все слышали? Он говорит, что Александр Евгеньевич очень хороший доктор.

* * *

С утра начмед высказывает претензии:

— Я же просила измерять больному давление каждый час, где график?

— Нормальное у него давление весь день, для него нормальное, максимум 140 на 90.

— А вот я сейчас проверю.

— Проверяйте.

Товарищ, чей-то родственник, лежит якобы с инсультом. Но на мой взгляд никакого инсульта там нет, а есть хроническая гипоксия мозгов на фоне ожирения и сахарного диабета в сочетании с врожденным слабоумием. Манжетку на пухлой ручонке приходится накачивать долго. Качай, думаю, сама, если делать нечего. Тебе полезно, хорошее упражнение, чтобы рука не отвыкала.

— Вот, вы опять мне врете, 160 на 100! — Просит свою подругу — терапевта: — А ну-ка, проверь ты.

У той получается 110 на 70. Процесс повторяется, руки устают сжимать грушу.

— Что за черт? Почему у меня получается больше?

— А вы, — говорю, — еще ему на пару конец измерьте. Длину и диаметр. У вас наверняка размеры получатся побольше, чем у нашего терапевта.

— Что?!

— Да нет, ничего, можете расценить как комплимент.

* * *

Жаль, нельзя дословно записывать в истории болезни речь пациентов, приходится подбирать подходящие синонимы. Диалог в приемном отделении:

— Ну как, будем лечиться?

— Да пошел ты на хуй!!!!

Запись с истории болезни: «Больной недостаточно

мотивирован на продолжение лечения».

* * *

С утра опять споришь с начмедом:

— Да кто сказал, что у него сердечная недостаточность? Одышка? Да у него весь живот раздут, другой бы с таким животом вообще бы задохнулся. Раздут, потому что запор, а при запое это дело обычное. Конечно, бывает и наоборот, бывает и понос со свистом, но бывает и парез кишечника. Снимок сделали, раздутые петли с уровнями. Давайте так: если он у меня к вечеру не прохезается, позовем хирурга, пусть решает.

Начмед возражает, не верит в нашу теорию, в то, что одышка связана со вздутием живота, требует заняться переводом в кардиологический стационар. В качестве последнего аргумента привожу пример из классики:

— Помните первую загадку сфинкса? Про то, как знаменитый ударник Алексей Стаханов два раза в день ходил по малой нужде и один раз в два дня — по большой. А во время запоя он четыре раза в день ходил по малой нужде и ни разу — по большой. Так сколько раз в год ударник Алексей Стаханов сходил по малой и сколько по большой нужде, если учесть, что у него запой был где-то дней триста в году.

Смеется, но не понимает:

— А это откуда?

Ну, думаю, чтобы кто-то из врачей не читал Ерофеева, а особенно нарколог, сказал бы кто, не поверил.

* * *

С утра начмед распухает от гордости, глядя на больного:

— Смотрите, как хорошо мы его полечили, какой он молодец! Как здорово он сегодня с утра выглядит.

Радуется, считает, что пациент где-то по дороге разминулся с белой горячкой. Долгожданная встреча на этот раз не состоялась.

— Переводите его на отделение, я его в свою палату возьму. Или у вас есть какое-то свое мнение?

— Своего мнения нет, — говорю, — мне свое мнение иметь не положено. Не нравится мне только одно — какой-то он очень добрый. По палате ходит, больных укрывает, водички всем предлагает попить, кто привязан и сам не может дотянуться. Поит. Если можно, пусть останется хотя бы до обеда, пусть

поработает, пока санитарки нет.

Через час доброта переходит разумные границы, и в тумане недалекого будущего начинает вырисовываться судьба человека:

— А дайте мне ножик, маленький такой ножик, малюсенький. Вы же мне большого не дадите, правда? А мне большой и не нужен, мне маленький нужен. Смотрите, кто-то человеку руки привязал, надо веревочку отрезать.

— Я ему руки привязал. Сам. А ножика я тебе не дам. И прекрати уменьшительные суффиксы употреблять, плохой признак.

— А почему?

— Потому что через пару часов ты снова начнешь просить маленький ножичек, малюсенький такой ножичек, чтобы веревочку разрезать. Только теперь уже ту, которой будут привязаны твои руки.

* * *

Беседую с местным интеллектуалом лет сорока: — Должен вас огорчить, пришел ваш ответ на ВИЧ, положительный. Получается, что вы ВИЧ-инфицированы.

— Да ты чё, не может такого быть! Я чё, наркоман какой? Думаешь, я пидор, да? Да я даже с бабами уже два года как дел не имею, можешь не верить, но как моя жена умерла, так ни разу.

— А отчего, простите, умерла ваша жена? Сколько ей было, около сорока?

— Тридцать пять было. От СПИДа она умерла.

* * *

Читаю историю болезни. Среди страниц вложена объяснительная записка дежурного врача. Рассказывается, как пациент заехал по голове санитару стойкой от капельницы и что из этого получилось. И почему у пациента случайно оказался сломан лицевой череп. Живенько так написано: «Во время битвы за штатив…» Черт, круто, просто Ватерлоо, битва при Креси, Сталинград, сражения, перевернувшие мировую историю. А итог борьбы — всего лишь расплющенная харя пациента, который, если верить написанному, дважды поскользнулся и упал на угол кровати.

* * *

Народ только начинает готовиться к встрече Нового года, а нам уже привезли почти настоящего Деда Мороза, связанного буксировочным тросом. Только вместо Деда Мороза под бородой неожиданно оказался знакомый алкаш, известный особой странной формой опьянения, во время которого его лицо приобретает форму физиономии тяжелого идиота. Если его рот перекашивает до уха влево, то язык вываливается направо и слюна течет по правой щеке, а если вправо, то наоборот.

— Тётушкин (это его фамилия), — спрашиваю, — а тебе никто не говорил, что у тебя очень умное лицо?

— Неыыааа…

— Не говорили? Это правильно. И я не скажу. Смотрю, ты опять к нам приехал Новый год встречать? И это правильно, у нас лучше, чем дома.

* * *

Дежурный врач приводит в реанимацию больного, ерунда, нагноение вокруг подключичного катетера. Пришлось удалить катетер, вскрыть абсцесс. Дежурный настаивает на том, чтобы товарищ остался до утра. Якобы товарищ не вполне адекватен, держать на общем отделении опасно. Поначалу посопротивлялся, но парень оказался интересным, по образованию преподаватель литературы и русского языка, а сейчас работает экскурсоводом в музее пыток. Работу свою любит, предмет знает. Естественно, нашлись общие темы для беседы, как использовали те или иные орудия, как быстро наступала смерть при разных видах казней, от чего умирали при распятии, кого из известных личностей и как пытали. Почему апостол Петр попросил его приспособить на кресте вниз головой. В общем, за разговорами ночь прошла почти незаметно. На прощание пациент дал телефон, приглашал в свой музей, обещал устроить ночью персональную экскурсию. Говорил, что ночью в его музее интересней.

Наутро отправляю его на отделение. Идя домой, прохожу мимо его палаты и слышу, как он рассказывает своим соседям:

— Мужики, если вас будут отправлять в реанимацию, вы не ссыте. Там доктор работает, такой эрудированный, что просто пиздец. Охренеть, он столько знает. Мы почти всю ночь базарили, так он почти всех святых помнит, кого и как угондошили.

Что ни говори, а все-таки приятно услышать похвалу в свой адрес.

* * *

Иногда смотрю, какая интересная, какая насыщенная у людей жизнь. Завидую. Сколько событий за один день. С утра человек стоит на мостике боевого корабля, бороздит просторы океана. Он капитан, а все мы вокруг — матросы. К обеду штурвал сменяется на руль спортивного болида, человек носится по городу на красном «Феррари», закладывает виражи в пределах кровати. На поворотах спасают ремни безопасности, которыми он крепко к этой кровати привязан. А быстро надо ехать потому, что за его машиной едет точно такая же и пытается догнать. Тоже красная, но маленькая, размером с кошку. Но самое главное, начиненная динамитом. К вечеру догоняет.

— Вы слышали взрыв?

— Конечно, слышали.

— А где взорвалось?

— У тебя в голове взорвалось.

Видимо, взрыв объясняет, почему человек оказался на больничной койке.

— Да я, похоже, в реанимации…

Появляется какая-то надежда на возвращение разума. Зря.

К ночи просит почитать книжку, лежать скучно.

— Принеси-ка мне книгу почитать, в которой про меня написано.

— Это какую, интересно, из серии «Жизнь замечательных людей»?

— А откуда вы знаете, что она в этой серии вышла? Я только не помню ее название, знаю только, что ее Лазарь Каганович написал.

Бреда с Кагановичем я еще не встречал. Ленин, Сталин, чаще всего — Брежнев, те встречались. Кто-то даже в бреду общался с Молотовым, но с Кагановичем никогда. Достаточно разговоров. Галоперидол.

* * *

Первого января с утра неожиданно на обход приходит главный врач. Перепутал? Странно, в обычные дни главный никогда на обход не приходил, а тут вдруг заявился в праздник. При этом никого не удивило, что он одет в костюм Деда Мороза, с мешком. В мешке дурацкие игрушки, какие-то сувениры, конфеты. Может быть, просто забыл снять, все равно с утра удивить кого-то трудно. Встречать Новый год в любимом заведении остались только самые преданные клиенты. Некоторые вернулись 31-го, часа через 2–3 после выписки по просьбам

родственников, не захотели остаться в праздник дома, в кругу семьи. Главный решает порадовать сотрудников:

— А сейчас мы будем раздавать подарки, пусть каждый выберет свой.

Какие подарки? Просим:

— Не могли бы вы отключить видеокамеры, буквально на 10 минут? И выйти. А мы пока тут побеседуем с некоторыми пациентами. Это будет для нас лучшим подарком.

* * *

Безусловным подтверждением популярности вновь избранного президента служит список больных, проходящих лечение в наркологическом отделении на условиях анонимности. При поступлении ты можешь назвать любую фамилию. И на первом месте по частоте, бесспорно, встречается фамилия «Иванов». Чаще всего в сочетании с именем: Иван Иванович. Но зато на втором и с большим отрывом от остальных — фамилия «Путин». Правда, Владимиром Владимировичем представляются единицы. Третье место скромно занимает Ленин.

* * *

Знакомый из областной больницы делится опытом.

— Я не пойму, — говорит, — почему вы тут у себя с делириками мучаетесь? У нас с ними не церемонятся, если кто-то только начинает путаться, его сразу в реанимацию, на трубу и на искусственную вентиляцию дня на три.

Спрашиваю, как же так? У вас больница по «Скорой» практически не работает, все операции плановые. Откуда к вам попадает белая горячка? Товарищ объясняет:

— Ну так область же у нас большая. С иных мест, если ты не на машине, со всеми пересадками будешь почти два дня добираться. А по пути еще к какому-нибудь шурину завернут. Сам понимаешь, перед операцией для храбрости надо принять. Вот пока едут на плановую операцию, протрезвеют, еще денек у нас полежат, не в день поступления на операцию сразу их брать, вот и все, здравствуй белая горячка. Нет, ну конечно, если там на сердце какая-то операция или сосудистая, мы их не берем, ждем, когда в себя придут. А мениски, всякие эндопротезы, это запросто, пока спят, заодно и проперируются. Потом разбудим, выпишем.

* * *

Иногда почитаешь на работе по ночам каких-нибудь докторов, ведущих в Интернете свои бложики, и начинаешь плакать от зависти. Это же не жизнь, это подвиг, это сплошной героизм, каждый пост — еще одна спасенная жизнь. А ты вот сидишь по ночам заполняешь какие-то дурацкие талончики, которые днем писать лень. Да и напишешь днем — нечем будет заняться ночью. И нету в твоей жизни места подвигу.

Часа в два медицинские братья для моего развлечения притаскивают пьяное существо, поступившее пару часов назад. На вид лет сорок, пол женский. Перед этим наблюдал в окно забавную картинку у приемного отделения, как супруг с дочкой вливали в глотку маме джин «Гордон», чтобы она уже не смогла отказаться от госпитализации в наркологическое отделение. Дежурный врач недопитый джин отбирает, а чтоб существо не стремилось к побегу, вкатывает ей от души галоперидолу. А галоперидол, как известно, походку и координацию не улучшает. И вот мадам, собираясь ночью отлить, а может и не только отлить, а может и не собираясь, а просто так получилось случайно, делает пару шагов и со всей дури падает своей головой на унитаз. Унитаз в осколки, и без того перекошенное лицо этими осколками распорото на куски. А в придачу существо оказалось настолько вертким и кусачим, притом скользким от крови и дерьма, что пока от кровопотери не ослабло, санитары спеленать не могли. И притащили мне в реанимацию — выручай, просит дежурный врач, иначе с утра его, как бы найти подходящее слово, накажут. Причем накажут жестко и в противоестественной форме.

Харю зашить дело не хитрое, пусть даже кровь с нее хлещет, как из борова, только вы, говорю, держите ее покрепче, какой тут новокаин. В дерьме испачкаться боишься? Если пациентка сдохнет — ты в своем дерьме испачкаешься и им же умоешься. Зашили, отмыли, перевязали и привязали. Снова скучно, сижу дальше, заполняю талончики. А ведь наверняка пациентка будет жаловаться, что рожа криво заштопана. Ясное дело, не косметика. Скажу, что я вообще ее не зашивал, а вызвал хирурга. Что я вообще крови боюсь, как тот новый президент в какой-то африканской стране, уже успевший заслужить кличку Крокодил, сразу после переворота обещавший народу, что мы обойдемся без крови. Правильно, зачем кровь? Сварим целиком в котле и раздадим на празднике. А мне благодарность за очередную спасенную жизнь ни к чему.

Звонит знакомый хирург, поделиться новостью.

— Сейчас прапорщика оперировал, огнестрельное в голову.

Самострел из «Макарова», правда, патрон ментовский. Пуля попала в лоб, а вышла через затылочную кость. Потом фотки пришлю.

— Ну и что тут такого?

— Такого? Представь себе, жив! Мозг не задет! Тоже мне, удивил, стоило звонить.

* * *

Отрывной календарь сообщил, оказывается сегодня День русского языка. Приуроченный к дню рождения Пушкина. Оборотная стороны листочка сообщает о количестве носителей, в том числе владеющих им в совершенстве. Оказалось, вот в чем причина, сегодня праздник, а то всю ночь пришлось ломать голову над вопросом, откуда такая изысканная речевая продукция у деградировавшего наркомана:

— Господа! Прошу вас, ну хоть кто-то, пожалуйста, идите на х..!

* * *

Почти никогда не завидую человеческим способностям, в конце концов, каждому свое. Завидую только одной — умению удивляться. Ночью на работе от скуки решил почитать ленту друзей. Читаю, как один мой приятель, естественно, алкоголик, как и все остальные друзья, во время очередного запоя залег в больничку. Отлежаться и, как говорят наши алкаши, откапаться. Непонятно только зачем, когда нужно всего-то ничего: разумно похмелиться и хорошо выспаться, чтобы проснуться трезвым. Тем не менее считают, что в больничке это сделать легче, и ложатся. Из больнички за три дня вынесено впечатлений на целый роман. Ну пусть не на роман, а на повесть. Описывается, как весь мужской персонал клиники вяжет подвижного гибкого старичка, который восьмой раз вырывается из пут. Читать тоже быстро надоело, посмотрел, что творится вокруг меня, за монитором. А за монитором стоит койка, к которой лично привязал человека, и шансов вырваться у него никаких. Я умею, опыт. Но посматривать надо, и посмотрел вовремя. Оказалось, что человек занят делом: не в силах освободить руки, пытается зубами вырвать из своего конца мочевой катетер. Гибкость позвоночника позволяет. Вырвать пока не удалось, но похоже, что клиент уже близок к жесткому оральному самоудовлетворению, искусав до крови

крайнюю плоть. Можно, конечно, позавидовать такой человеческой способности, но мы уж как-нибудь обойдемся без нее. Пришлось встать и под вопли о правах человека набросить еще пару ремней на грудь. И что тут интересного? Рутина.

* * *

Иногда удивляет разнообразие человеческих желаний:

— Хочу сладкого чаю с вафелькой, хочу надеть свою маленькую курточку. А можно покурить? А позовите сюда мою Наташу!

Потом начинает раздражать, и ты человека привязываешь. Фиксируешь жестко, чтоб не лежал в луже мочи, засовываешь мочевой катетер.

— Вы чего делаете, сволочи! Вы чего мне в х… суете? Такое может делать только моя Наташа!

— Затейница, конечно, твоя Наташа, если она с тобой такое делает. Можно позавидовать, но кричи не кричи — не поможет.

* * *

Если хожу на выборы, только с одной целью: украсть бюллетень. В принципе можно расценить, что участие принял, но воздержался, раз графы против всех нет. А может и будет в этот раз такая графа, не знаю. Но на следующие выборы очень может быть не только пойду, но и приму самое активное участие в выдвижении кандидата.

Есть постоянный пациент, еще не до конца деградировавший наркоша-метадонщик. Который раз приезжает из столицы снять ломку под наркозом. В Первопрестольной эта процедура стоит раза в три дороже. Сразу после выписки, прямо у выхода, в своем автомобиле закидывается колесами и, если может, едет домой. Если не может — спит в машине до утра. Ничего интересного в ситуации нет, большинство переламывается не для того, чтобы потом лечиться, а с одной целью: сбить дозу, начать заново с более низких доз. Интересного в пациенте только одно — фамилия. Фамилия такая же, как у нашего гаранта. Вчера, проснувшись через пару дней нездорового сна, начинает интересоваться новостями. Что в мире, как обстановка? Решаем с ним провернуть комбинацию: на следующих президентских выборах выставить его кандидатуру. Вместо рекламных баннеров нашей клиники развесить плакаты с призывом: Голосуй за

знакомую фамилию! Или что-то в этом роде. Собрать подписи? Да не проблема, за тебя, говорю, подпишутся все пациенты наших «нарколожек». Предвыборную программу написать? Тоже не вопрос. Предлагаю тезисы: легализация легких наркотиков, чтобы метадон, как в прежние времена, продавался в аптеке без рецепта. Придумаем еще. Партия тебе нужна? Создадим какую-нибудь Всероссийскую партию измененного сознания. А если в России наркоманов только по официальным данным до 8 миллионов, а реально скорее всего раза в три больше, то прикинь, сколько процентов ты наберешь на выборах? Куда больше всех остальных кандидатов-аутсайдеров вместе взятых, плюс прибавь процент идиотов, купившихся на призыв: «Путин — снова наш президент!» Так до второго тура можно дойти, а там уж как карта ляжет. Смотря кто будет соперником. Протестный электорат у нас силен, но неорганизован, могут ради смеха и проголосовать. Главное, ты от передозировки не сдохни в ближайшие шесть лет.

* * *

Слабый пошел подследственный, почти никаких воздействий — а он уже поплыл и готов к сотрудничеству. Месячный запой, после пяти дней горячки в голове рождаются вопросы:

— А где я? Почему на окнах решетки? А почему я привязанный?

— Вспоминай, — говорю, — сам все вспомнишь или помочь?

— Да нечего мне рассказывать, это он сам.

— Да мне по-х…, сам — не сам, это ты прокурору будешь рассказывать.

— Ну сами посудите, зачем мне его убивать, своего юриста? Ну договор он неправильно составил, так убыток всего тысяч двадцать, кто за эти деньги убивать будет? Отпустите меня, можно под подписку? Я же ничего не знаю.

Тема становится интересной.

— Не надо меня грузить, сейчас и за бутылку замочат. И где ты такое видел, чтоб по 105-й под подписку отпускали?

— Какая 105-я, он же сам повесился, мы-то тут при чем?

— А ты акт судмедэкспертизы видел? Почему на шее две странгуляционные борозды? При самоубийстве, брат, одна.

— Да ничего я не знаю, я случайно оказался свидетелем. Я и близко не подходил! Давайте я все напишу, все, что скажете!

Чую, сейчас мужичок сорвется в истерику и пролежит привязанным еще дня три. А моя задача в ближайшие дни отправить его в люди. Помогать правоохранителям, конечно,

нужно, но если только личные интересы этому не противоречат.

* * *

Если в реанимацию попадают коллеги, врачи, а особенно наркологи, первое, что надо с ними сделать — привязать. Жестко, лишив всякой возможности маневра даже в пределах кровати. Врачи — самые трудные пациенты. При этом не проявлять никакого сочувствия и жалости. Сам не пойму, почему так рассмешило заявление одного из посетителей? Сколько ни убеждал, что ни одна из наших профессий не может гарантировать от болезней, что кардиологи легко могут помереть от инфаркта, онкологи от рака, а гастроэнтерологи от язвенных кровотечений, и бывает, что делают это чаще остальных, коллега продолжает настаивать:

— Зачем мне в реанимацию? Да о чем вы говорите? У меня никогда, я повторяю, никогда не было и не будет белой горячки. Это же просто невозможно. Да вы что, не знаете, кто я? Я психиатр-нарколог, я кандидат медицинских наук. Хорошо, я согласен в реанимацию, только с одним условием: чтобы утром на обходе Виталик меня тут не видел, мне неудобно перед ним оказаться в таком виде. (Виталиком в детстве звали нашего главного врача.) Можно я утром в туалете посижу во время обхода? Только вы мне скажите, когда Виталик придет, хорошо? Я там от него спрячусь. Поверьте, правда неудобно, мы же с ним вместе работать начинали.

Хорошо, только утром спрятаться было уже невозможно не только от Виталика, но и от окружавших видений. К утру одолели бесы. Но коллега, видимо, изобрел новый способ борьбы с ними: на утреннем обходе, достав из-под одеяла свой прибор, неожиданно стал отбиваться от наседавших бесов струей мочи, облив ею заодно и халат своего друга Виталика.

* * *

На днях развеселила история, как директор, а может и хозяин, нашей наркологической клиники нажрался до чертиков на выпускном вечере своей дочки в детском садике. И что из этого получилось. Хотел ее рассказать друзьям, написал первую фразу: «Директор наркологической клиники нажрался на выпускном вечере своей дочери в детском садике…» И подумал: «А наверное, этого и достаточно. Дальше все равно уже не

интересно, дальше шел стандартный набор алкогольных приключений с окончанием вечера в своей же клинике».

* * *

Какой-то идиот спланировал здание больницы так, что окна отделения реанимации выходят во двор жилого дома. И естественно, жителей окрестных домов смущают крики из наших окон: «Помогите! Убивают!» Особенно летом, когда окна у нас и в квартирах открыты. Иногда появляется на пороге сотрудник полиции, вызванный жильцами. Приходится объяснять, у нас все нормально, а что, по-вашему, должны кричать люди в реанимации: «Спасибо, доктор? Спасибо, что привязали к кровати, отдельное спасибо за поставленный мочевой катетер?» Сотрудники понимают, и их понять тоже можно. Поступает заявление, надо отреагировать.

Но как-то раз соседи, наслушавшись из наших окон криков борцов за свои права, обратились в прокуратуру с жалобой на жестокое обращение с пациентами. Привязанные слишком громко требовали свободы передвижения, те, у кого стоит мочевой катетер, — свободы мочеиспускания. И устроила прокуратура у нас проверку. Проверка вещь внезапная, но всегда к ней успевают приготовиться. Решили так: надо загрузить всю реанимацию буйными неадекватами, жестко их связать, и пусть они при прокурорах орут во всю глотку, а те посмотрят и убедятся, что иначе с нашей публикой нельзя. Дело за малым — где найти столько буйных психов? Хорошая команда собирается не каждый день. Но служба безопасности больницы, а в основном там работают бывшие менты, нашла выход. Договорилась с бывшими коллегами из соседнего отделения, что те изобразят наших пациентов. За что получат благодарность в материальной форме и в плане оказания услуг. Мужики не подвели, десяток человек пришли к назначенному времени. Чтобы все выглядело натурально, принесли с собой стойкий запах перегара, а некоторые так подготовились к своей роли, что уже с утра нажрались так, что от пациентов не отличались ничем. Обставить мизансцену планировалось так: все ложатся на коечки, их для вида привязывают, ставят капельницы. Как только начнет поворачиваться ключ во входной двери в реанимацию, все должны по команде рваться из вязок, орать, требовать свободы. Через минуту прибегает охрана и вежливо, но жестко вяжет самых буйных. Медперсонал бегает вокруг и каждому вставляет в вену шприц, якобы с успокоительным средством. Вокруг заранее

разбросаны пустые коробки от аминазина, галоперидола, пропофола и прочих снадобий. Чтобы не случилось ложной тревоги, через отделение реанимации запретили проходить всем сотрудникам, никому входную дверь не открывать. Кому надо зайти, пусть обходят по запасной лестнице, через черный ход.

В общем, все выглядело более чем достоверно. Главный врач с проверяющими открывает дверь, прокуроры заходят в реанимацию и видят, как десять безумных мужиков, привязанных к кроватям, рвутся на свободу, кроют всех матом, а прокурорских особенно, от души. Тут уж в выражениях можно не стесняться, слова: «Сука прокурорская, я тебя на ноль, падла, помножу!», пожалуй, одни из самых ласковых. Пока не порвались веревки, комиссия от греха исчезает за дверью. «Да, — говорят, — с вашими иначе нельзя». И уходят. И на этом бы прекратить действие, но как предусмотрено сценарием, услышав крики в реанимации, туда прибегает охрана. Потом долго искали человека, который забыл предупредить охранников, что лежат там свои люди и надо только показать, как ты якобы привязываешь к кровати разбушевавшегося алкаша, обращаясь с ним предельно корректно. Дальше все было по-настоящему, начались попытки кого-то привязать, менты разозлились, и со словами, что на драку мы не подписывались, от души вломили охранникам. В итоге оказалась связанной охрана. Теперь на вахте сидят мрачные люди в темных очках, избегая света. Чтобы не портить имидж клиники своими разбитыми лицами. Начальству пришлось выписать им что-то вроде премии, компенсации за моральный ущерб. Ну а менты унесли с собой из центра весь запас спиртного. А запасов было много, конфискат: почти каждый, идя лечиться от алкоголя, пытается алкоголь с собой пронести. Так что хватает даже на проведение проб после кодирования.

* * *

Интересно получается. Привязал к кровати очередного пациента, пусть он коллега, пусть даже не просто коллега, а врач-анестезиолог. Правила должны быть едиными для всех. Хочешь курить? Покуришь завтра, а пока полежи. Хочешь пить? Попроси — дам. Не начнется у тебя завтра белая горячка, — получишь немного свободы. Смотрю на привязанное тельце, думаю, что где-то я его видел, уж очень знакомое лицо. И вспомнил, действительно давно это было, лет, наверное, больше 15 назад. Он тогда еще был студентом и работал у нас медицинским

братом. Помню, что не любили мы его, и было за что. А все потому, что любили мы тогда после работы задержаться, посидеть за рюмочкой спирта. Спирта тогда еще было много, и спирт аптека получала хороший. Тогда понимали: пить все равно будут, так пусть хоть пьют качественный продукт. На перерасход спирта руководство смотрело сквозь пальцы, рассуждая так: пусть это будет небольшой прибавкой к зарплате, которую тогда задерживали по полгода. Заведующая аптекой лично проверяла каждую партию, хорошая была тетка, жаль, спилась. А иные и на дежурстве могли пропустить рюмочку, но никогда не теряли над собой контроль и работали не хуже трезвых. Особенно был уважаем в коллективе врач-эндоскопист, который на каждую процедуру получал по 200 граммов чистого спирта, промывать эндоскоп. Зачем, говорил, его промывать каждый раз, в желудке прополощется. В конце дня протер, и все. Поэтому знакомые шли к нему только утром, первыми.

Помнится, студент осуждал наши посиделки, говорил о вреде спиртного. Какие-то книжки приносил о пользе трезвости. И постукивал, если кто накатит на дежурстве или после вчерашнего придет на работу. Правильный такой был, сучонок, даже не скрывал, что доносил начмеду, кто, сколько выпил, когда и с кем. Говорил, что старался для нашего же блага. Лечиться вам надо, граждане алкоголики. А начмеду от этого только лишняя головная боль, требовалось график дежурств составлять так, чтобы в один день основные любители не собирались. Ну и попросили мы его уволиться по-хорошему, пригрозив начистить рожу. А чтоб он к нам пришел после института, о том и речи не шло. А в конечном итоге сам оказался у меня, привязанный к койке, балансируя на грани белой горячки. И получается, что теперь мне решать, дать тебе перейти эту грань или не давать? А вот чтоб завязать, как сделало большинство из нас, ты уже не сможешь, даже не пытайся. Это уж я точно знаю, кто сможет, а кто нет.

* * *

Заведующий реанимацией весь день хвастается литературным даром. Текст на шести листах бумаги зачитывается с утра вслух, сначала всем, потом в течение дня каждому в отдельности. Текст является докладной запиской главному врачу. В ней доказывается, что нет смысла сокращать в больнице реанимацию в два раза, как планирует сделать главврач. Сомнительная экономия на фонде заработной платы приведет к

тому, что персонал разбежится, вырастет летальность, и возникнут прочие мелкие проблемы, конфликты, жалобы. Все правильно, все аргументированно. Народ кивает, да, здорово написано, нам бы так научиться. Так учитесь, сынки, пока есть у кого. С гордостью показывает мне — ну как?

— Хорошо. Отлично! Только один вопрос: кто будет читать твою эпистолу? Наш главврач? Никогда.

— Это почему?

— Слишком длинно. Докладная записка должна быть короткой, как пост в Фейсбуке, как выстрел. Напиши два предложения, тогда, может, и прочтет. Желательно так, чтобы было понятно нашему главному врачу, кто он по специальности. Правильно, гинеколог. Так, и напиши, чтобы было ему понятно: не будет реанимации — вся больница будет никому не нужна. Я бы написал так: «Больница без реанимации как манда без овуляции». Тогда, может быть, и проникнется важностью темы.

* * *

Появился очередной повод для гордости за свою страну. Знакомые беженцы с Донецка, судя по их рассказам, в миграционной службе проводят времени больше, чем на работе. Оформляют вид на жительство. По подслушанному телефонному разговору с мужем понимаю — что-то опять не так.

— Опять какие-то проблемы?

— Да. Только не с ФМС. Свекор в гости приехал.

— Сочувствую.

— Да не в том проблема. Мой козел только с работы, вместе с ним на рыбалку на озеро. Рыбы натаскали, ну куда ее девать? Весь холодильник забили, сырок, представляете, малюсенький сырочек творожный доче на завтрак положить некуда. То была бы рыба, а все дрянь, плотва да худой подлещик.

— Ну пусть на залив съездят, судак половят. Могу лодку дать.

— Не смейте даже предлагать! Надоели они мне со своей рыбалкой!

— А свекор надолго?

— Да месяц уже, как должен был уехать.

— А что мешает?

— Так собрался, билет купил. Решил постирать своё рыбацкое тряпье, куртку, портки грязные. Ну и с курткой паспорт постирал. Так, что одна фотография осталась, и то по ней не поймешь, он, не он. Теперь в консульство приходится ползать, пытается восстановить. Вроде обещали. А с этим не выпускают,

пробовал.

— Странно, я свой паспорт в машине стирал, и купался с ним, и в позапрошлом году из лодки выпал. Ничего, высушишь — нормально. Ну чуть помят, надо бы, конечно, поменять, но никто не цепляется, — демонстрирую свой помятый паспорт: — Вот, ничего страшного. Да, еще в прошлом году в тайге промок насквозь, тоже сушил у печки.

— Так то российский паспорт, а украинский весь расплылся.

— Ну тогда сочувствую. Хотя а нет мысли, что это он не случайно? В смысле паспорт постирал?

— Да я теперь уже и не знаю, случайно или нет, но одно точно: если сегодня опять рыбы притащат, выкину их обоих вместе с рыбой.

С другой стороны, как посмотреть на вопрос, как объяснить стойкость российского паспорта. Не иначе как специально рассчитан, выдержит стирку, выдержит ночлег под дождем в луже. Правда, я его постирал трезвым.

* * *

Не знаешь, кому верить. Смотришь российский канал: у соседей беда, мобилизация срывается, люди бегут, получив повестку. Бегут кто куда может, в Европу, в Россию, в деревню. Бегут заранее, не дожидаясь повестки. Смотришь новости у соседей — на площадях толпы добровольцев, военкоматы отбиваются от желающих служить. Где правда? А правда третий день лежит перед глазами. На самом-то деле братский народ готов сражаться за независимость, встать на борьбу с сепаратистами, очистить родную землю от проклятых москалей. Но что-то всегда мешает, всегда находятся причины. Мешают враги, а враг коварен и подл и на первый взгляд так незаметен, что может скрываться даже в родной семье.

Почти год, как семья с незалежной переехала в Россию, прошлой весной, когда еще только все началось, когда еще можно было что-то продать, квартиру, хату, а трудовую гривну поменять на валюту. Инициатором была жена, поскольку женщины в таких вопросах более практичны. Родня на первое время приютила, оформили документы, обзавелись жильем. Дети в школу, жена нашла работу, содержит кормильца. Кормилец рассуждает резонно: зачем работать? Пусть российская родня прокормит, вы эту бодягу у нас заварили, вы теперь нас и кормите. Казалось, живи и радуйся, но главе семьи нет покоя. Как там на батькивщине? Рвет его на части борьба между семьей и чувством

долга, не дает покоя совесть: как так? Я тут сыт, в тепле, а мои земляки на фронте, в окопах. И соответственно — пьет. От родни тревожные вести, звонит маме — як вы там? Мама переживает: «Сынок, ты не приезжай, тут тебе повестка пришла, а армию. Сиди уж там, сюда не суйся». Но чувство долга берет верх, надо ехать в АТО. И боец собирается в армию. Первый порыв спонтанный, вскоре погас на ближайшей автобусной остановке, у ресторана под названием «Бревно», где его с грунта подобрала «Скорая помощь». Отогревшись в реанимации и выписавшись из больницы, во второй раз призывник подходит к вопросу основательней. Покупает камуфляж, запасается продуктами. Украв у жены заначку, отложенную на черный день, отчаливает на фронт. На столе остается записка: «Прощайте, родные, вспоминайте, если что». Вернувшись с работы, жена бросается на поиски. Не найдя на ближайших тротуарах тела мужа, не найдя его в ближайших питейных заведениях, мчится в полицию: «Помогите, люди добры, верните моего дурня!» Опытный участковый дает дельный совет: попробуй поезжай на вокзал, к поезду, там таких много. Жена мчится на вокзал, успевает к отправлению киевского поезда «Лыбидь», и верно, в одном из вагонов находит своего героя. Тот спит, в кармане билет, почему-то только до границы. Видимо, там воин рассчитывает на перемещение за государственный счет. Тело вытаскивается из вагона, тащится домой. Хватит, навоевался. Дома режим ужесточается, деньги надежно прячутся, довольствие выдается исключительно продуктами. Но разве патриотический порыв погасить? А на что выпить, найдется всегда. В итоге — панкреонекроз. Несостоявшийся герой в септическом шоке, и шансы выбраться стремятся к нулю. Но, к счастью, случилось одно из чудес: герой выжил и призыв в небесную сотню не состоялся. Выписываясь, обещал закодироваться от алкоголя и больше никогда не воевать с москалями.

* * *

Интересная логика у больного с шизофренией: устроить пожар на отделении и под шумок, когда пожарная команда начнет бороться с огнем и эвакуировать постояльцев нашего дурдома, свалить. Разорвать в пух пять ватных матрасов — это труд, требующий терпения и настойчивости. Костер разгорелся хорошо, но в расчеты вкралась ошибка: погорельцев эвакуировали не на улицу, а в реанимацию, этажом ниже. И виновника пожара первым. Смотрю, за ним ведут стайку наркоманов, которые,

только пройдя очередной курс, снова обсадились прямо во дворе, перед приемным отделением. И снова, как обещали, в последний раз.

Спрашиваю:

— Привет, а вас-то какими судьбами снова к нам?

— Да мы не виноваты, это мы под раздачу попали. Этот мудак вату поджег, а мы собрались у костра посидеть, погреться. Какой-никакой, а все-таки кумар. Тут нас всех и повязали.

Что скажешь, дебилы.

* * *

Мой отрывной календарь сообщает, что сегодня день обрезания Господне. На ум приходят разные мысли, как его отмечать. Известно, что с обрезания вроде как начинается очищение от греха. А у нас с обрезания начинается многое. Читаю протокол одной операции. Начиналось все с мелочи, с обрезания, а закончилось выносом половины организма.

Операции № …..

1. Циркумцизио.

2. Расширенная гастроэктомия с резекцией абдоминального и нижнегрудного отдела пищевода.

Да, шансов выжить у дедушки после второй операции ноль. Если циркумцизио, или, попросту говоря, обрезание, он перенес легко, то удаление почти всего пищевода редко перенесет здоровый. А у дедушки рак этого самого удаленного пищевода.

Но зато одному больному сделаны сразу две операции, что отражено в статистике и отчетах. Естественно, в положительном аспекте, как процент увеличения оперативной активности (соотношение числа прооперированных больных к общему числу пролеченных), и для снижения послеоперационной летальности. В этом случае раз одному больному сделано две операции, то и послеоперационная смертность соответственно составит в 2 раза меньше. А если одному организму сделать одномоментно пять операций, а это у нас бывает часто, то даже если все больные после операции погибнут, то послеоперационная летальность будет не 100, а всего 20 %, что вполне приемлемо для любого хирургического отделения. Правда, больше десяти сделанных за один раз операций я не видел. Эти десять было сделано одномоментно, когда мужику отрезали отмороженные пальцы на ногах. Хирург минут за 10 по очереди откусил их все кусачками, но потом был труд: для каждого пальца пришлось написать отдельный протокол операции: 1. Операция №… Под общей

анестезией удален первый палец левой стопы… Асептическая повязка… 2. Операция №… Под общей анестезией удален 2 палец левой стопы… И так до конца. Чего не сделаешь ради улучшения показателей работы.

* * *

Перед праздником богомольцы с ближайшего прихода навещают больницу, и в этот раз на Крещение принесли в реанимацию святой воды, свечек, предложили зажечь. Я ждал их появления, только не думайте, что я их сразу с порога послал в известное место. Нет, предложил сначала освященным елеем смазать кислородные баллоны, а потом уж зажигать свечи. Может быть, мы даже успеем увидеть начало пожара. И даже успеем попытаться потушить его святой водой. А посылать — нет, для этого у меня был специально подготовленный к их приходу человек, постоянный наш клиент по имени Александр Петрович. А Петрович, как известно из рекламы, жжет. Поэтому мой без остановки повторяет: «Нах… нах… нах…» Иногда, редко, вспоминая чью-то распутную маму и еще какую-то женщину, тоже не очень высоких моральных принципов. Что интересно, аминазин и прочие средства только слегка приглушают звук, не трогаешь — бормочет тихо, можно привыкнуть. И в ответ на предложение богомольцев толкаю Петровича: «Давай, Петрович, жги!» И тот начинает во всю глотку: «Нах… Нах…!!!» Богомольцы долго не выдерживают, сваливают вместе со своими иконками, лампадками и свечами. Какие ж вы, говорю, православные? Посидите, послушайте, вас Господь учит смирению, а вы и десять минут не выдержали. А как нам быть, неверующим, когда он уже так третий день?

* * *

Поражаюсь силе воли очередного человеческого организма. Каждый поступающий в закрытое отделение наркологии имеет мечту: пронести с собой спиртного. Зачем, если ты идешь лечиться от алкоголизма? Наверное, в этом есть особый кураж, какое-то самоутверждение: «Лечить меня хотите? Лечите-лечите. А вот хер вам!» Не удается этого сделать почти никому, в приемном отделении строгий досмотр, с проверкой всех полостей организма, куда можно спрятать хотя б маленький пузырек. Дело не в том, каким хитроумным способом организм пронес с собой в

отделение почти пол-литра водки. Способом могу поделиться: в пустой флакон из-под шампуня наливается водка, сверху заливается слоем герметика, над ним сверху наливается немного шампуня. Санитар, шмонавший организм в приемном, клянется, что вскрыл флакон, проверил, вылил немного на ладонь, действительно шампунь, пахнет ромашкой. Вымыл им руки, вернул хозяину. Проткнуть герметик спицей не догадался, за что можно простить.

Лечился организм почти две недели. Протрезвел, по настойчивому требованию родственников подшился на год. И в день выписки встретил своих близких в изумительном опьянении. Нате вам, насильно меня сюда привезли — получите. Это ж какая нужна воля, чтобы, страдая с перепоя, сберечь спиртное ко дню выписки? Я бы не смог.

* * *

Беседую с офицером, подполковником, воином морской авиации. Настоящий офицер, стойко держит удар. Беседу начинаем с простого:

— Какое сегодня число?

— Что за вопрос? Естественно 24-е.

— Сегодня 26-е.

— Серьезно? Вот это мы с ребятами круто посидели. Нормально.

— Был повод?

— Да ты чего? День Советской армии!

— А если я скажу, что сейчас не февраль, а уже март?

Секундное замешательство.

— Врешь? Точно март? Ну так а чего я тут лежу? Давай отвязывай. Надо уже начинать командующего с днем Военно-морского флота поздравлять.

* * *

Чем заканчивается спор двух столиц? А вообще интересно, какой идиот называет Петербург Северной столицей? На отделении наркологии спор возник на пустом месте. Мы привыкли, что приезжают к нам лечиться жители как дальнего зарубежья, так и не очень далекого. Граждане Франции, Германии и Украины — дело обычное. Одни разочарованы в метадоновой программе, другие страдают от ее полного запрета. Москвичи

тоже не редкость, у них аналогичный курс лечения стоит раза в три дороже. И воспринимаются они питерскими не совсем дружелюбно. Спор на отделении начался с мелочи, с каких-то малозначащих фраз, типа: «Москва — отстой, Питер — говно», затем перешел на более принципиальные вопросы — булка или батон, бордюр или поребрик. А поскольку питерские наркоманы были явно в большинстве, отделали они московских метадонщиков от души. Разбили лиц, поломали ребер, и так, еще по мелочи. А одному парню завтра идти на быструю детоксикацию, вот-вот у него начнется ломка, а как взять на наркоз человека с переломами ребер? Наркоз при этом часов на 6, а с аппаратом «Фаза» лучше не шутить, молча порвет легкое и даже не заметит, не подаст сигнала. Хорошо, если вовремя заметишь ты. В общем, время идет, начинается ломка, а ломка от метадона страшная, и по сравнению с ней героиновая примерно как прищемить палец или сломать голень. Тоже болит, но не долго. От боли сносит крышу, парень разносит двери и мебель. Парня вяжут. В результате за свои деньги мудила, решивший быстро переломаться под наркозом, а денег это стоит не малых, получает не только мощнейшую ломку, но и неделю безумия в качестве бесплатного бонуса. Есть, правда, шанс, что крыша вернется на место, но шанс небольшой. А если и вернется, то не скоро.

Так что надо жить дружно и не надо в Питере называть булку батоном.

* * *

Приятно иметь дело с интеллигентными больными. Смотрю, с утра по травматологии гуляет новая фигура и заглядывает под все шкафы и кровати.

— Уважаемый, — спрашиваю, — что потеряли?

— Вы понимаете, я за эту ночь так утомился, только вечером хотел прилечь, смотрю, а из-под подушки, из-под матраса опарыши ползут. Я побежал, взял веник, совок, хотел собрать их, пока они не расползлись, а они уже по всему полу и растут прямо на глазах. Уже такие, знаете, с палец. Я всю ночь подметал, только к утру от них избавился. Вы же понимаете, это же просто нарушение всех правил гигиены.

— Ну, собрали? Так чего сейчас не спится?

— Наверное, не всех собрал, часть успела превратиться в муравьев. Вон они, ползают вдоль плинтуса.

— Ну пойдемте ко мне, у меня насекомых нет. Одежду

снимайте полностью, кладите в мешок, мы его на санобработку отправим.

— Спасибо вам, доктор, буду очень благодарен. А я у вас хотя бы отдохну.

Даже рука не поднималась привязать такого приличного человека. Но пришлось, голоса его позвали продолжить уборку.

* * *

Понять можно, люди переживают за своих болеющих родственников, но понять не могу, зачем по нескольку раз на день звонить в реанимацию и спрашивать: «А как здоровье моего Васечки?» Ведь прекрасно известно, что у Васечки никакого здоровья нет, что когда помрет Васечка, тебе позвонят, а если чудом поправится и его переведут на отделение, сообщат тоже: «Приходи, ухаживай за своим Васечкой». А по телефону тебе никто никакой информации не даст, если только ты с дежурным врачом не знаком лично. Закон запрещает, мало ли кто звонит? Ответят: состояние тяжелое, могут сказать температуру. Если подсчитать, получается около 30 звонков в день, на каждый уходит по минуте, полчаса рабочего времени тратится впустую. А их можно потратить с большей пользой, например поспать.

Только одна бабушка каждый день звонит по делу. Звонит уже года два и таким милейшим старушечьим голосом спрашивает:

— Милай, а скажи-ка ты мне, ваш заведующий еще не сдох? А то я в лавру ездила, свечку в церкви поставила, чтоб прибрал его Господь. Он мужа моего убил.

Говорят, пару лет назад в больнице умер ее муж, какая-то онкология, и теперь она желает смерти всем, кого считает в этом виновным. Два года пытаются эти звонки пресечь, писали на бабку заявления в полицию, купили телефон с АОНом, чтобы заблокировать ее домашний номер. Но полиция бессильна, а бабка стала звонить с сотовых телефонов, меняя номера. И вдруг звонки прекратились. Народ сначала не обратил внимания, потом стал интересоваться: «А бабка-то звонила сегодня? Нет? А что случилось? Может, померла?» В общем, без нее стало скучно.

Пока не признаюсь, что это моя работа. Позвонила старушка, поинтересовалась здоровьем заведующего, а я ей ответил:

— Да помер он, помер, в страшных мучениях отошел. Спасибо тебе, добрая женщина, помогли твои молитвы. Приходи на похороны.

* * *

Странно, почему-то многие знакомые интересуются: «А что твои пациенты видят в бреду? А главное кого? Не видит ли кто действующего гаранта?» Непонятно, почему никому не интересно, как горячку лечить, как избежать встречи, если она уже где-то рядом. Отвечаю: многое чего видят. Кто бороздит просторы океана, стоя на капитанском мостике, кто покоряет глубины космоса, кто закладывает виражи, рассекая по городу на спорткаре. Иногда жалко лечить интересный бред, например. Когда человек представляет себя Буратино, даже нет, не Буратино, а Пиноккио, пусть он даже не дает спать всю ночь своими криками: «Папа Джузеппе! Помоги мне, папа! Джузеппе, ты где?»

Приходит много исторических персонажей, бесспорно лидирует Ленин, Брежнев значительно отстает, но кроме генсеков попадались и деятели второго ряда, такие как Молотов и Каганович, был даже забытый Луис Корвалан, но вот почему-то с Путиным в бреду еще никто не общался, по крайней мере при мне. Горбачев был, а Ельцина не было. Наверное, никто из нынешних деятелей так сильно не поцарапал историю, чтобы оставить след и в больном сознании электората. При том, что абсолютно все страдальцы ярые сторонники режима, даже те, кто вроде бы высказывает либеральные мысли. Все понимают, что было бы с ними, попробуй они так побухать в другой стране или при другой власти. Было бы плохо. Считаю это большим недостатком в работе идеологических отделов, ведь наверняка такие есть при правительстве или в правящей партии. Особенно когда в стране приближаются главные выборы. Можно, например, двинуть алкашей на избирательные участки под лозунгом «Единая страна, единый народ, единый бред». Хотя нет, что-то похожее уже было лет 80 назад, пусть идеологи сами придумывают лозунги.

* * *

Под Новый год бабушка в свои 90 с лишним лет перенесла пожар в своей квартире. И не только пожар, ее вместе с горящей кроватью пожарники выкинули из окон квартиры на снег. С четвертого этажа. Не заметили, что на кровати спит бабушка. Залили пеной, притушив белье и тлеющую одежду. Когда огнеборцы закончили свою работу, стали сворачивать шланги, убирать за собой, родня ходит под окнами, смотрит, что уцелело,

и видят: а бабулька-то, что давно на снегу лежит в стороне, про которую давно забыли, не до нее было, а она дышит, надо в больничку ее срочно. Привели ее тогда в чувство, отправили в ожоговое отделение, лечиться. Прошло полгода. Ожоговый центр закрывается на лето, на проветривание, пациентов развозят кого куда. А нам достается бабушка. Жива бабуля, молодец. Пару пневмоний перенесла, сепсис, шок, пересадку кожи. Смотрю: лежит, кашу кушает, даже сначала не поверил, что та самая. И делает все, что положено делать бабушке, только дышать самостоятельно не может пока, отвыкла за полгода. Но ничего, к зиме научим, тут главное — оптимизм. А оптимизма бабушке не занимать, лежит, улыбается, довольна. У всех сразу поднимается настроение, даже начмед, загоняя нас на обход, идет, напевает: «Бабушки на снегу, розовые на белом. Что же нам с вами делать, с бабушками на снегу…»

* * *

С приятелем — дежурным хирургом сидим в курилке. Ночь впереди длинная, есть время поговорить.

— Смотрю, — говорит, — с нашего-то курса уже шесть человек профессора.

— А я профессоров не считал, но знаю, что пятеро наших в сумасшедшем доме. Некоторые навсегда.

— Да ну тебя, вечно ты про какой-то негатив.

— Почему негатив? Людям там хорошо.

Вспомнили интересных общих знакомых, коллег.

— А помнишь, хирург у нас работал, Тишка?

— Смутно, помнится, он еще в экспедицию куда-то в Арктику поехал. Там чуть ли не два срока подряд на льдине просидел. Он?

— Да, ему тогда еще какое-то звание дали. Герой. Тогда вертолет с их сменой нае…ся, им предложили, кто может, останьтесь еще на одну зимовку.

— Было, помню. А где он, кстати, сейчас?

— Так от судьбы же не уйдешь. Замерз во льдах у родного поселка, в нескольких шагах от больницы.

— Трезвый?

— Ну ты сказал! Когда он трезвый с работы уходил? Хотя кто знает? Только весной труп нашли. Это ж надо — два года на Северном полюсе просидеть, а тут на тебе, погиб почти у самого дома.

* * *

Хирург вчера просит:

— Подойди, посмотри дедушку, дедушка, конечно, в полном маразме, но оперировать его надо, пока его бабка ему член не оторвала.

— Это как?

— Ну, придешь — сам увидишь.

Хитрый хирург знает, что от такого предложения не откажусь, как не посмотреть на интересных людей?

Поднимаюсь, деда в палате нет. Сестра говорит, что пошли они с бабушкой на прогулку. Вон они, в конце коридора. Интересная картина: дедушку выгуливают на поводке. У деда спущены штаны, быстро не побежишь, а поводок — мочевой катетер с мочеприемником. Бабушка впереди, если дед увлекается, по ошибке стремится в чужую палату, подергивает его за поводок:

— Пошли к себе, мудак старый!

Хирург просит прооперировать дедушку под общим наркозом, иначе дед со стола убежит.

— И зачем, говорю, ты такую идиллию хочешь разрушить? Ну удалите вы ему аденому, уберете мочевой катетер, как его бабушка выгуливать будет?

* * *

Иду днем по коридору совершенно чужой для меня клиники. Видно, что я посетитель, в бахилах, одноразовый халат накинут на плечи, сумка в руках. Надеюсь, что никто не заподозрит, что я врач. Подходит человек, явно из местных больных:

— Извините, а вы не можете мне сделать обрезание? Мне очень нужно, у меня крайняя плоть очень длинная.

— Зачем? А потом, ты же на урологическом отделении, попроси врача, если надо, тебе сделают.

— Нет, мне прямо сейчас нужно. А они дорого просят. А вы не поможете?

— Не пойму, в чем проблема, только процедура болезненная, взрослым надо под наркозом.

— Значит, все-таки можете? Я так и знал! Я так и знал. Давайте сделаем прямо сейчас. Скальпель я вам дам, сейчас украду в перевязочной. А где? Это не вопрос, прямо тут. Нет, лучше отойдем в туалет. Наркоза не надо, я потерплю. Я кожу оттяну, вот так, — показывает на расстояние вытянутой руки, — а вы ножиком раз! И готово.

— Хорошо, — говорю, — ждите меня тут, я только сумку

оставлю в палате, — и топаю в ординаторскую. Спрашиваю:

— У вас там чудак какой-то пройти не дает, требует, чтоб я ему обрезание сделал.

— Да не обращайте на него внимания. Он у всех просит.

notes

Примечания

1

Изуверский способ лечения алкоголизма, широко практикуемый в наших наркологических клиниках, когда дают выпить 50—100 грамм водки и вводят миорелаксант, вызывающий остановку дыхания.